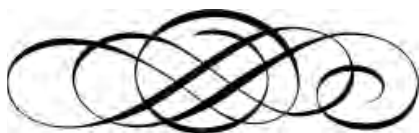

Глава I

С.Т. Шацкий. Начало пути

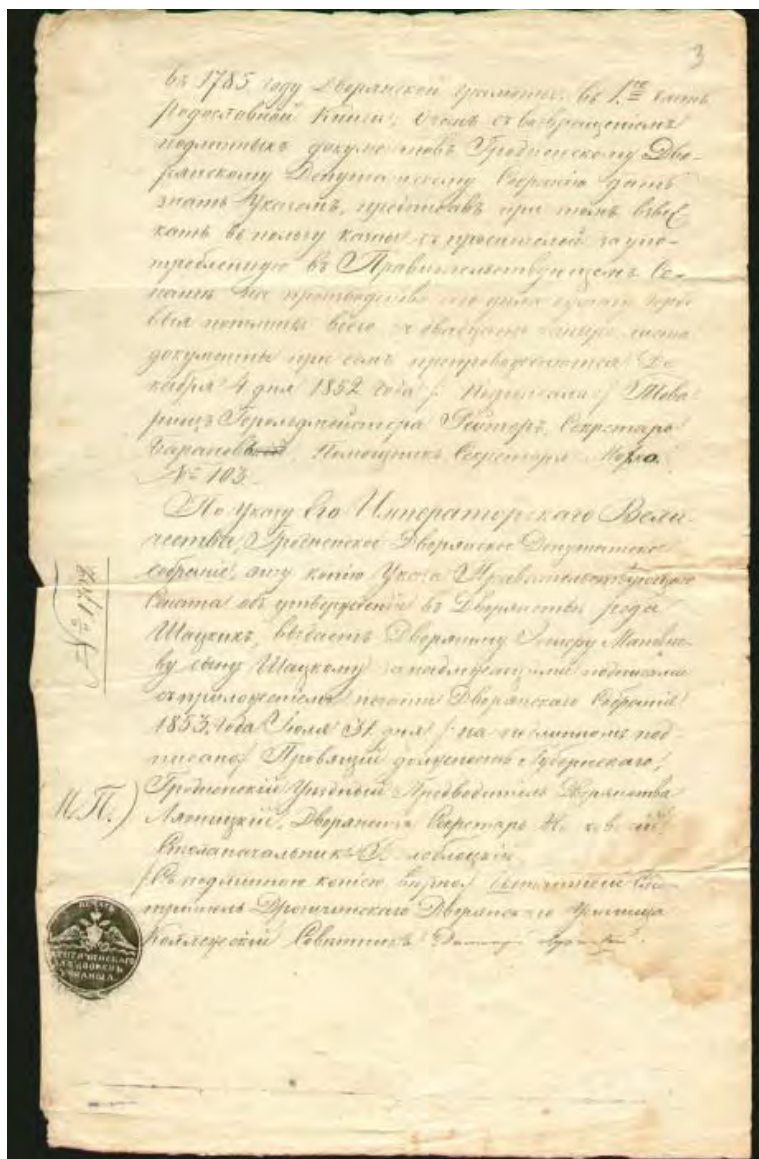
С Обнинской землёй связаны имена многих известных писателей, художников, композиторов, видных политических деятелей и учёных. Среди них — Станислав Теофилович Шацкий, «революционер» педагогики начала XX века, организатор первых детских клубов в России, создавший уникальное научно-педагогическое учреждение в 1920-х, мечтавший построить «школу будущего» в 1930-е годы. *«Я, несомненно, романтик,— писал в своём дневнике Шацкий.— Мне нужен охват до конца. Основная задача — новый человек и новые, небывалые отношения. Надо расчистить душу от старого гнилья, плесени и отыскивать новое. Все мы — мещане с драгоценными камнями. А надо, чтобы камень превратился в радий, непрерывно источающий энергию»¹.*

Всю свою жизнь Шацкий «выращивал» новую гармоничную личность в условиях детской трудовой колонии с оптимистическим названием «Бодрая жизнь», располагавшейся на территории нынешнего Обнинска. Но прежде чем представить читателю историю педагогической деятельности С.Т. Шацкого и школы-колонии «Бодрая жизнь», давайте заглянем в далёкое прошлое семьи Шацких, где 13 июня 1878 года родился будущий великий педагог-гуманист.

Первым, известным нам, представителем рода Шацких был дворянин Яков Иванов, «сын Шацкий», живший в начале XVII века. Вероятно, фамилия «Шацкий» относится к названию населённого пункта, где родился Яков. Это древний город Шацк, расположенный в Волынской губернии и впервые упомянутый в летописях в 1410 году, когда польский король Ягайло послал охотников в шацкие леса для заготовки мяса на воинские потребности. Известно, что Якову Иванову принадлежало имение в д. Чач-

С. Т. Шацкий.
Нач. XX в.

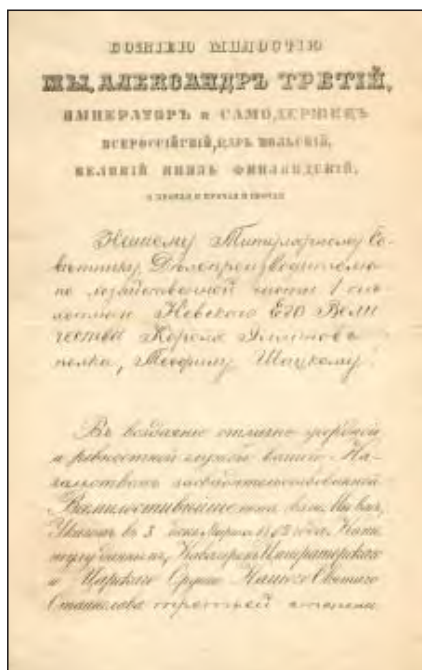
Указ
Правительствующего
Сената
об утверждении
во дворянстве рода
Шацких.
31 июля 1853 г.

мическом Штате в числе казённых крестьян. Поэтому принято решение — внести род Шацких во второй разряд Дворян Сокольского уезда»². У внука Матвея — Иосифа — в 1839 году родился сын, будущий отец Станислава, названный Теофилом. В 1859 году Теофил Осипович поступил на военную службу, дослужился до титулярного советника, делопроизводителя хозяйственной части I пехотного Невского полка. В 1882 году за честную и усердную службу награждён орденом Св. Станислава III степени, в 1886 году — орденом Св. Анны III степени.

В это время Теофил Осипович уже был женат на Антонине Клементьевне Ляховичевой. «Отец Антонины Клементьевны имел восьмерых детей, жил в нужде и поэтому оказался вынужденным отдать дочь на воспитание брату. Она тяжело переживала разлуку с родителями, братьями и сёстрами.

ки Сокольского уезда Белостокской области. В 1701 году его внук Михаил Станиславович, разбогатец, приобрёл ещё два имения — Шанково и Болестье — в Бельском уезде Люблинской губернии (ныне — территория Польши). Внук Якова, Иосиф Михайлович, подпоручик войска Польского, обеднел и продал имение в Чачках, а сын его Матвей продал Шанково и Болестье. Именно в это время Шацких исключили из дворянского сословия и записали в звание казённых крестьян.

Матвей Иосифович вёл долгую тяжбу по восстановлению рода Шацких во дворянстве. 19 августа 1829 года Белостокское Дворянское депутатское собрание, рассмотрев прошение, вынесло решение: «Матвей с сыновьями и внуками по недоразумению записаны были в подушном окладе Сокольского уезда в Ходоровском Эконо-

Теофил Осипович
Шацкий.
Нач. XX в.

Указ Императора
Александра III
о пожаловании
Т. О. Шацкому
ордена Святого
Станислава
III степени.
24 марта
1882 года

Ей хотелось учиться в гимназии, но дядя считал, что женщине образование не нужно, и даже грамоте её не обучил. Антонина Клементьевна сама научилась читать; с детских лет у неё развилась любовь к русскому языку и русской литературе»³.

У Теофила Осиповича и Антонины Клементьевны родилось одиннадцать детей, выжило лишь семеро: Антон, Stanislaw, Изабелла, Элеонора, Николай, Екатерина и Теодор. Родители требовали от детей полного повиновения и послушания. «Семейный режим,— писал Шацкий,— был довольно строгий. Военная среда в значительной степени способствовала тому, что почитание старших и всякого начальства, религиозность и точность выполнения всех своих маленьких обязанностей были усвоены мною очень основательно»⁴. Постоянные материаль-

А. К. Шацкая
(слева) с сестрой.
Нач. XX в.

А. К. и Т. О.
Шацкие
с дочерьми.
Нач. XX в.

Екатерина
(справа)
и Элеонора
Шацкие.
1900-е гг.

ные трудности наложили отпечаток на характер родителей. Станислав Теофилович вспоминал: *«Стою на коленях в комнате, где только раскрылись мои вины. Мать ушла, сказав: «Стой тут, я приду сейчас с розгой и высеку, чтобы ты помнил, как следует». Не помню, высекла она меня или нет. Но помню огромный ужас ожидания — вот-вот начнётся. И всё же бывали дни, когда родители, будучи в хорошем расположении духа, играли с нами, музицировали, пели хором белорусские, польские и литовские песни. В эти минуты исчезала «печать суровости», которую наложила на них жизнь».*

В 1881 году Шацкие переехали в Москву. Теофил Осипович служил смотрителем Интендантского вещевого склада в невысоком чине коллежского асессора. Станислав в 1888 году поступил в шестую Московскую гимназию, туда же позднее поступил и младший брат Теодор. Станислав очень критично относился к методам обучения в гимназии. *«Педагогика, применявшаяся к нам,— писал Шацкий,— имела ясный, определённый метод. Она действовала путём замещения всего того богатого материала, который скоплялся у молодёжи, материалом своим, требующим работы лишь памяти и внимания»⁵.*

Несмотря на противление методам преподавания в гимназии, Станислав Теофилович окончил курс обучения с прекрасным дипломом, *«но с чрезвычайно скудными познаниями и даже не мог сознательно выбрать факультет, не имел*

Николай Шацкий.
Нач. XX в.

Теодор Шацкий.
Нач. XX в.

представления о том, что такое наука и как вообще работают в университете профессора и студенты»⁶. Однако природная любознательность юного Шацкого «закрывает прорехи» в его образовании. Музыка, пение, чтение произведений великих гуманистов Л. Н. Толстого, В. Гюго, Ч. Диккенса, Н. А. Некрасова формировали мировоззрение Станислава. Среди естественнонаучных предметов более всего его занимали химия и физика, юноша проводил опыты и даже пытался изобрести вечный двигатель.

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Дать себѣ *Шацкому Станиславу*,
русско-кампановскому и французскому, сыну Степана,
 родившемуся *17-го июня 1874 года в селе Васильевском*
Васильевском уезде, обучавшемуся въ Московской 6-й гимназии
Васильевском уезде
 и проживавшему *одному* годъ въ VIII классѣ, въ томъ:

Во-первыхъ, что, на основаніи наблюденій за все время обученія его въ Московской 6-й гимназій, поведение его вообще было *хорошимъ*,
 исправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ
 работъ *хорошая*, прилежаніе *хорошее* и
 любознательность *хорошая*

и во-вторыхъ, что, онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

Предметы гимназическаго курса.	ОТМѢТКИ.	ВЫСТАВЛЕННЫЯ
Законъ Божій		
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность.	<i>4 (хорошо)</i>	<i>4 (хорошо)</i>
Логика	<i>4 (хорошо)</i>	
Латинскій языкъ	<i>4 (хорошо)</i>	<i>4 (хорошо)</i>
Греческій языкъ	<i>4 (хорошо)</i>	<i>4 (хорошо)</i>
Математика	<i>4 (хорошо)</i>	<i>5 (отлично)</i>
Математическая географія	<i>4 (хорошо)</i>	
Физика	<i>5 (отлично)</i>	
Исторія	<i>5 (отлично)</i>	<i>5 (отлично)</i>
Географія	<i>5 (отлично)</i>	
Французскій языкъ	<i>5 (отлично)</i>	
Немецкій языкъ	<i>5 (отлично)</i>	

на экзамене, произведенномъ
 6, 13, 14, 19, 22, 24, 26
 24 апреля 1896 года.

Аттестат зрелости
 С. Т. Шацкого.
 1896 г.

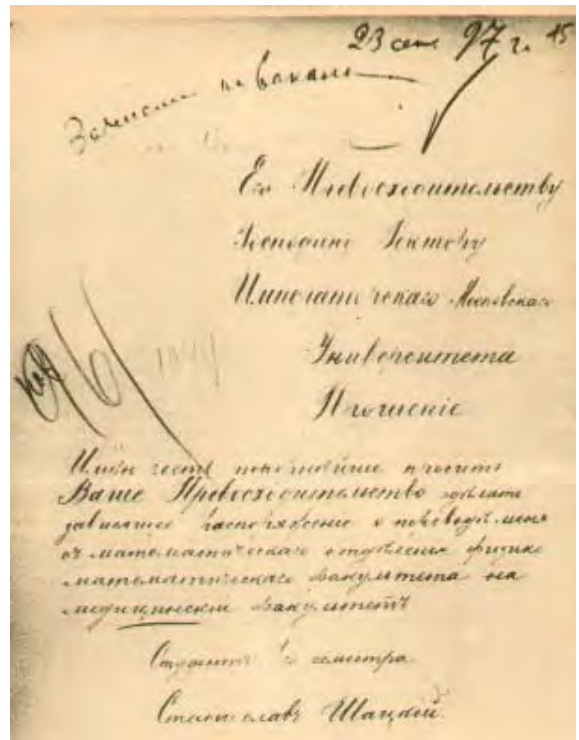
С. Т. Шацкий – студент Московского университета. 1897 г.

Разнообразные увлечения отразились на его дальнейшем обучении в Московском университете. В 1896 году Станислав поступил на математический факультет, в следующем году перевёлся на медицинский. Одновременно пел в университетском хоре, затем занимался вокалом в Московской консерватории. Наконец, в 1898 году Шацкий продолжил обучение на естественном отделении физико-математического факультета, где с особым удовольствием посещал лекции профессора К. А. Тимирязева. Климент Аркадьевич Тимирязев привлекал Шацкого не только как учёный, но и как педагог, умевший пробудить интерес к своему предмету, доступно и понятно передавать знания другим.

К этому периоду относится формирование педагогических взглядов С. Т. Шацкого. Большое влияние на мировоззрение студента оказал Пётр Францевич Лесгафт — анатом, физиолог, педагог, считавший, что без знаний анатомо-физиологических и психических особенностей ребёнка невозможен процесс воспитания. Идея Шацкого о важности трудового компонента берёт начало именно в трудах Лесгафта.

Идеалом человека и педагога стал для Шацкого Лев Николаевич Толстой, призывавший «искать настоящего дела среди наиболее обездоленных масс». Подобно Толстому Станислав Теофилович мечтал открыть сельскохозяйственную школу, «которая будет создана на совершенно новых основаниях» свободы и интереса детей к знаниям. А. У. Зеленко вспоминал: «Он старался думать, говорить и действовать, как толстовец. Чем же повлиял на него Толстой? Тем, что поставил перед ним проблему критического отношения к себе»⁷.

Прошение С. Т. Шацкого ректору Императорского Московского университета о переводе с математического на медицинский факультет. 23 сентября 1897 г.

В студенческие годы Станислав Теофилович всё чаще задумывался о своём призвании. Он хотел всё время идти вперёд и полагал, что нравственное совершенствование личности достигается только путём преодоления сложных жизненных ситуаций. В 1900 году в своём дневнике Шацкий записал: *«Мысли о борьбе, о препятствиях приходят мне в голову»*. После окончания университета перед Шацким открывались две дороги. Он мог проявить себя на научном поприще, особенно в области естественных наук; учился в консерватории и мог бы стать знаменитым певцом, но отказался от мыслей о певческой карьере. На вопрос, почему он отказывается от карьеры певца, Шацкий ответил: *«Чтобы стать настоящим певцом, надо немножко поглупеть, начать целыми днями расстраиваться из-за того, что, скажем, верхнее соль не выходит, а я этого не могу»*⁸. Педагог считал, что путь в искусстве слишком лёгок для него, а лёгких путей он не искал, он искал *«настоящего дела, где бы не мог ступить ни шагу без труда, без работы»*.

В эти годы семья Шацких переживала тяжёлые времена. В 1901 году умер Теофил Осипович. Антонина Клементьевна, *«находясь в большой нужде»*, подала прошение окружному интенданту Московского военного округа *«о вспомоществовании на воспитание глухонемой дочери Элеоноры и младшего сына Теодора»*. Семье выделили небольшую сумму, но этого было слишком мало. Чтобы хоть как-то помочь матери, Станислав подрабатывал частными уроками, приобретая, таким образом, педагогический опыт. Преподавательская работа пришлась по душе, Шацкий отнёсся к ней как к серьёзному, ответственному делу. Занимаясь со своим учеником, Станислав творчески *«подходил к делу»*. *«Занятия свои я обставлял возможно более богато,— писал Шацкий,— я постоянно таскал с собой книги, приборы, производил со своими учениками разнообразные физиологические, химические и физические опыты и обращал чрезвычайно большое внимание на самостоятельность мысли своих учеников»*⁹. Его всё больше волновал вопрос: как сделать так, чтобы учение было интересным, действительно полезным маленькому человеку? Всё явственней он ощущал тягу к педагогическому делу. *«Когда я подумаю,— писал Шацкий,— что у меня достанет сил достичь желаемого, увидеть вокруг себя свежие, здоровые человеческие лица, что я сберёг для их будущей жизни тот капитал, что в них заложен, душа делается радостна и спокойна, и ничего больше в жизни я для себя не хочу»*¹⁰. «Вернуть детям детство» мечтал будущий педагог.

С. Т. Шацкий
в студенческие
годы

В 1902 году, окончив университет без сдачи экзаменов, Станислав Теофилович поступил в сельскохозяйственный институт (1903 год), чтобы приобрести знания в области агрономии. Здесь преподавали прогрессивные учёные В. Р. Вильямс, А. Ф. Фортунатов, Н. Я. Демьянов¹¹. Они учили молодёжь самостоятельно мыслить, создавали условия для творческих научных изысканий студентов. В эти годы Шацкий пытался открыть школу ручного труда для детей, но Московский учебный округ не утвердил проект школы. Таким образом, первая попытка организации школы нового типа вызвала противодействие властей.

В 1905 году Станислав Теофилович окончил сельскохозяйственный институт со степенью кандидата естественных наук. Тогда же он познакомился с Александром Устиновичем Зеленко¹². Молодой архитектор только что

вернулся из путешествия по Америке, Австралии, Индии и рассказал своим знакомым об обществах интеллигенции — «сетлементах», проводивших культурно-просветительную работу среди бедных слоёв населения. Александр Устинович «загорелся идеей» организовать подобные общества в Москве и обратился к своей давней знакомой, педагогу Луизе Карловне Шлегер, с просьбой подыскать место для создания «культурного посёлка». Луиза Карловна предложила начать работу в Сущёвско-Марьинском районе Москвы, населённом, в основном, рабочей беднотой¹³. О своих планах Зеленко рассказал Шацкому. «Вот оно — настоящее дело», — подумал тот, и друзья принялись за осуществление своих замыслов.

А. У. Зеленко

Начинающие педагоги решили начать работу с организации летней трудовой колонии. Весной 1905 года они обратились в приют Сущёвского попечительства о бедных и Городское Бутырское училище с просьбой отпустить с ними на дачу мальчиков, наиболее нуждавшихся в летнем отдыхе. Среди небольшого кружка знакомых удалось собрать 50 рублей. Мебель, столы, лавки, кровати постепенно делали сами ребята. Председатель Сущёвского попечительства о бедных, купец I гильдии П. И. Прянишников (впоследствии вошедший в финансовый комитет «Сетлемента») предоставил свою дачу с садом и пятьюдесятью десятинами земли в Щёлково для организации колонии.

Летом 1905 года четырнадцать подростков, Шацкий, Зеленко и Шлегер выехали в колонию. Первое время подростки, по выражению Шацкого, представляли из себя «людей-животных, выпущенных на свободу»: ссоры, драки, брань, притеснения слабых, уклонения от дежурств были частыми явлениями. У педагогов подчас возникало большое желание наказать, отругать хулиганов, но друзья понимали, что известные всем приёмы не работают, что нужно, отбросив менторские замашки, искать другие, более действенные, необычные методы воспитания. И тогда они стали строить отношения с детьми на демократических и доверительных началах. *«Мы — товарищи детей,— писал Шацкий,— мы должны делать всё, что делают дети, и не должны цепляться за свой авторитет, чтобы не подавить ребят. Мы должны самым точным образом подчиняться всем правилам, которые вырабатывают дети. Чем больше они будут видеть в нас участников их жизни, ревностно исполняющих свои обязанности, тем лучше. Пусть они за нами замечают все промахи наши, тогда мы легче сойдёмся с ними и добьёмся искренних отношений»*¹⁴.

«Щёлковскую эпопею» Шацкий описал в книге «Дети — работники будущего», изданной в 1908 году¹⁵. Педагог считал первый опыт создания дружного детского сообщества удачным: дети с удовольствием работали, отдыхали, читали, пели. Станислав Теофилович занимался с ребятами химией, показывал

С.Т. Шацкий
с ребятами.
Щелково

А. В. Левина-
Богачёва.
1906 г.

опыты, Александр Устинович рассказывал об Америке. Шацкий и Зеленко прекрасно дополняли друг друга. *«Это были две абсолютно разных, но очень ярких и неординарных личности. Станислав Теофилович — плотный, мощный мужчина с грубым лицом и густой шевелюрой, был немногословен, говорил всегда веско, умно. Иное дело — Зеленко, худой, узкоплечий с острой бородкой. Для первого смысл и радость жизни — в создании чего-либо, для второго смысл и радость — определялись словом «интересно». Шацкому нравилось, когда дети работали, Зеленко — когда собиралась сходка»*¹⁵.

При переезде из Щёлковской колонии в Москву ребята продолжали приходить на квартиру Шацкого и Зеленко в Тихвинском переулке. Количество приходящих детей увеличивалось, и друзья сняли дом для детских посещений, стоящий на противоположной стороне улицы. Рядом стояли бараки, где в маленьких семиметровых комнатках, почти лишенных мебели, ютились семьи рабочих. Их дети росли как бурьян, предоставленные сами себе: играли в бабки, «расшибалочки», «стенка на стенку», прятки, чехарду, пели песни сомнительного содержания — «Кудеяр-атаман», «Маруся отравилась», «Ванька Ключник». Некоторое разнообразие в уличную детскую жизнь вносили ярмарочные развлечения, когда приезжали балаганные актёры, по улицам водили дрессированного медведя. Иногда, раздобывшись, родители давали деньги, и ребята ходили посмотреть «немое кино». А. В. Лёвина-Богачёва вспоминала: *«В 1904 году наша семья: мать, пять братьев и нас, две сестры, — жили в Тихвинском переулке. Жили бедно, мать шила, отец работал чернорабочим. Всё, что он зарабатывал, пропивал. Поэтому матери было очень трудно. Я училась в училище, а в свободное время помогала матери шить. Через дорогу, в маленьком домике на пустыре какие-то люди собирали ребят, бегающих по улице. Мой брат тоже пошёл и, придя домой, радостно и весело рассказывал, какие там все хорошие: играют с ними, учат петь, рисовать, а летом, говорят, поедem в колонию. В семнадцать лет я тоже пришла к Шацкому в клуб, где всех встречали приветливо и совершенно как равных товарищей. Я сразу почувствовала себя, как в родном доме»*¹⁶.

Постепенно круг педагогов-единомышленников расширился. К Шацкому, Зеленко и Шлегер присоединились городская учительница Е. Я. Казимилова (впоследствии Фортунатова), братья Александр и Константин Фортунатовы, студенты Москов-

Валентина
Демьянова —
гимназистка.
1898 г.

В. Н. Демьянова —
студентка
Московской
консерватории.
1900 г.

ского университета Л. Д. Азаревич, Е. П. Остапина и О. В. Гирш, В. Н. Демьянова, с отличием окончившая Московскую консерваторию¹⁷. В 1906 году произошло бракосочетание Станислава Теофиловича с Валентиной Николаевной или, как её ласково называли товарищи, Тиной Демьяновой. Узнав об этом, питомцы Шацкого вывесили на стене дома в Тихвинском переулке такое объявление: «Доводим до сведения всех, что Валентина Николаевна вышла замуж за Шацкого. С почтением, клуб “Звезда”». Молодожёны поселились в маленьком одноэтажном домике с мезонином в Вадковском переулке, с ними жил их приёмный сын Шура Фратчер, чуть позже супруги взяли на воспитание В. Башкирова, оставшегося без матери на попечении отца.

Председатель Сущёвского попечительства П. И. Прянишников и ещё несколько московских купцов дали деньги для организации Дневного приюта для приходящих детей. Демократические тенденции, заложенные ещё в Щёлковской колонии, продолжались в Приюте в новой клубной форме. Ребята разделились на клубы-кружки по интересам: Арбатский, Кушнеровский, Американский, Английский, Австралийский — у мальчиков, Заря, Серебристый ландыш, Клуб Друзей — у девочек. *«Жизнь в клубах идёт по-разному,— писал Шацкий,— но, в общем, она тем стройнее, тем содержательнее, чем меньше удаётся сотруднику навязать свой авторитет; обыкновенно в таких клубах по два-три человека, более развитых, более отдающих отчёт в общей жизни, которые благотворно влияют на весь внутренний склад организации клуба. Мы не дорожим внешним порядком; мы больше ценим, если в кажущемся беспорядке проглядывает живая осмысленная общественная искорка»*¹⁸.

Это не означало, что в клубах царили хулиганство и анархия. Нужно было иметь большой педагогический талант, чтобы через демократию, свободу и самоуправление суметь организовать, учить и воспитывать «детей улицы». Раз в неделю каждый клуб устраивал общее собрание в присутствии сотрудника, где составляли план работы, выявляли недостатки и решали, как с ними бороться. Так, на общем собрании клуба «Звезда» от 7 декабря 1906 года единогласно постановили: *«Дать курящим помещение на лестнице. В клубе обязались не плевать на пол, а в плевательницы. Согласились заступаться за товарищей от уличного хулиганства. Подсолнышки обязались в клубном помещении не грызть и не сорить очистками»*¹⁹.

К весне 1906 года детские клубы посещало сто пятьдесят детей. Летом двадцать пять мальчиков и восемь девочек вновь поехали в Щёлковскую колонию. *«Теперь руководители колонии могли настолько доверять детям, что почти всё заведование колонией держалось на них. Работы было решено сделать не обязательными, а свободными — пусть работает тот, кто хочет, но рвение к ней усилилось до такой степени, что к половине июля было всё переделано и большинство колонистов отправились пешком, за сто вёрст, к знакомому помещику осматривать хозяйство»*²⁰.

В. Н. Шацкая
с ребятами.
Щелково, 1906 г.

В августе 1906 года сотрудники решили объединить отдельные клубы общими делами. При Приюте открыли швейную мастерскую для девочек, столярную и слесарную — для мальчиков. Количество посетителей увеличилось до двухсот семидесяти человек, к десяти уже работавшим педагогам присоединились ещё четверо: М. и С. Полетаевы, С. Н. Варфоломеев и Г. К. Черкезов — все с высшим образованием. Горячее участие в работе с детьми принимала врач Е. А. Манджос, открывшая в своей квартире амбулаторию и зубоврачебный кабинет.

7 ноября 1906 года объединившаяся группа педагогов зарегистрировала общество «Сетлемент». Работа по созданию единого дружного коллектива продолжалась. Сетлементовцы посещали галереи, музеи, театры, издавали рукописные журналы, организовали музей ручного труда и библиотеку.

В октябре московские власти разрешили Л. К. Шлегер открыть частное учебное заведение с совместным обучением мальчиков и девочек от 7 до 11 лет, чуть позднее последовало разрешение открыть детский сад. К концу 1906 года А. У. Зеленко организовал ремесленные курсы, где *«за дешёвую плату — 20 копеек в месяц обучали столярному делу и резьбе по дереву, черчению и рисованию, кройке и шитью, слесарному мастерству и переплётным работам»*. Курсы посещало до двухсот человек, *«затраты на их проведение составляли 600 рублей в год, которые финансовый комитет общества «Сетлемент» согласился отпускать в виде помещения, отопления, освещения и по возможности оборудования»*²¹.

Дома, арендуемые для работы общества, уже не вмещали всех детей, желающих заниматься. Сотрудники мечтали о собственном здании. Эта мысль была довольно дерзкая после двухлетней работы, начавшейся в 1905 году со сметой в сто рублей в месяц. Но «вера двигает горы», а сетлементовцы были полны энтузиазма и заражали им финансистов общества. Решено было начать агитационную кампанию среди представителей московского купечества, во главе которой встали А. У. Зеленко, И. И. Егоров (заместитель председателя Правления общества, купец I гильдии) и М. В. Полетаев. Эта кампания дала блестящие результаты. Весной 1907 года собрали сорок тысяч рублей, купили участок земли с двумя маленькими деревянными домиками. Один из домов стоял ещё в 1920-х годах, на месте другого летом начали строить новое здание. Дело это «взял в свои руки» А. У. Зеленко, как архитектор, к нему примкнули Альга Викторовна Гирш, как художница, и Борис Николаевич Зимин, как инженер. Александр Устинович предложил очень необычный и масштабный проект.

[illegible]

Стел. рны. раб. сты

- [illegible]

Программа
Столярных
и Резницких
курсов при
обществе
«Сетлемент»

«По поводу плана дома вышел конфликт с некоторыми членами Финансового комитета. Они указывали, что для детского учреждения здание должно быть более простое, с большим количеством света, с меньшим количеством лестниц, а не такое вычурное. Зеленко, увлечённый своей фантазией, не хотел отступить от своего плана, и финансисты должны были уступить фантазёру»²².

По воскресеньям родители детей, посещавших клубы, бесплатно работали на постройке дома. Трубы для отопления дал Купеческий банк. Несмотря на все усилия, окончательно завершить внутреннюю отделку дома не удалось, но были стены, была крыша, и селлементовцы переехали в новое здание. На первом этаже разместились школа, детский сад, библиотека, на вто-

ром — жили сотрудники. На крыше соорудили башню с куполом — обсерваторию, установили пятидюймовый рефрактор, подаренный членом финансового комитета общества «Сетлемент» Л. Д. Смолиным. В астрономическом кружке, как и в других, занимались молодые рабочие заводов «Густава Листа» (затем — завод «Борец»), «Сименс и Гальске» («Красный факел»), Кушнеровской типографии («Красный пролетарий»). Руководил кружком молодой инженер Б. Н. Зимин, помогали ему студент Московского технического училища А. М. Бергман, П. И. Попов, только что окончивший Московский университет, и преподаватель К. А. Баев²³. Вероятно, в 1920-х годах телескоп перевезли в Калужскую область на Морозовскую дачу, переданную в 1918 году в ведение I Опытной станции.

В новом здании продолжили работу все подразделения «Сетлемента»: Дневной приют для приходящих детей Суцёвского попечительства о бедных, детский сад и «Частное учебное заведение III разряда для лиц обоего пола» Л. К. Шлегер, кабинет врачебной помощи, клубы для подростков, Ремесленные курсы А. У. Зеленко. Многие родители, услышав положительные отзывы о «Сетлементе», приводили своих детей в Вадковский переулок. Шестилетним мальчиком пришёл к Шацкому Иван Горячев, оставивший нам яркие воспоминания о своём детстве: *«Солнечный летний день. Улица, где мы жили, ничем не покрыта, земля и трава, на проезжей части слой пыли. Бегал я босой, придумал игру — изображал паровоз. При этом я сильно топал ногами по толстому слою пыли, гудел, шипел; довольный придумкой, старался побольше поднять пыли, представляя пар от паровоза.*

А тут вдруг обрывает мою игру зов мамы: «Ванька, иди быстро домой!» Обиженный, недовольный, пришёл. Мама меня увидела, ахнула и сказала: «На кого ты похож?» «На машиниста паровоза», — ответил я. Мама вымыла меня в корыте, одела чистую рубашку, штаны и даже

Дом в Вадковском переулке

Б. Н. Зимин со своей группой. 1908 г.

ботинки и сказала: «В том красивом доме Вадковском живёт хороший дядя Шацкий, у него много таких ребят, как ты, много игрушек и даже есть цветные карандаши. Он всё это даёт детям играть, только нужно его хорошо слушаться и не забывать вытирать нос — вот тебе платочек». Увидел я Шацкого и испугался. Уж очень он большой, а я, как воробей, схватился за мамину юбку, прижался и смотрю на Шацкого, подняв голову кверху. Мама с Шацким о чём-то поговорили, потом он погладил меня по голове и спросил: «Как тебя звать?» Я ответил: «Ванька». Шацкий сказал: «Хорошо. Только не Ванька, а Ваня». В комнате, где такие же дети играли, бегали, чего-то строили, Шацкий у меня спросил: «Хочешь, Ваня, остаться до вечера поиграть с детьми, а вечером тебя мама заберёт?» От ласковых слов Шацкого, от поглаживания по голове у меня вся робость пропала, я закивал в знак согласия, оторвался от маминой юбки и пошёл за Шацким»²³.

Самым оживлённым помещением в Вадковском доме была комната для ручного труда, где стояли верстаки, стол со слесарными тисками, паяльная лампа. Здесь мастерили компасы, звонки. В конце 1908 года кружковцы представили свои изделия на выставке «Искусство в жизни ребёнка» в Петербурге. За эти работы общество «Сетлемент» получило Большую золотую медаль, а Л. К. Шлегер — Большую серебряную медаль.

В новом доме В. Н. Шацкая организовала детский хор, и к концу года хористы начали разучивать арии из опер «Сказание о граде Китеже и светлом озере Светояре» московского композитора Василенко. Особый интерес у ребят вызывало театральное искусство. «Когда организовывался драматический кружок, — вспоминал И. И. Горячев, — все с удовольствием записывались в него и старательно разучивали роли. Сюжет постановки придумывали сами, и роль каждый выполнял своими словами. Изготовление костюмов очень старательно выполнялось, а гримировку наносили с видом заправского художника. Очень радостными были дни, когда готовились к новогодним праздникам. У нас были очень хороший зал и сцена. Однажды всех зрителей разместили на сцене, а мы делали отдельные небольшие выступления в зрительном зале. Тут были и потешки, и Дед Мороз с бородой в красной одежде, торговали блинами с выкриками и смачностью»²⁴.

Детский сад, школа, разнообразные кружки объединяли все возрастные группы детей и подростков. Сотрудники посещали семьи ребят, смотрели, как живут их подопечные, проводили разъяснительную работу с родителями. «Сетлемент» стал ярким

общественно-политическим явлением начала XX века, заложившим основы для создания I Опытной станции, организованной С. Т. Шацким в 1919 году.

Одним из пунктов Устава общества был принцип полной беспартийности, однако остаться «вне политики» «Сетлементу» не удалось. В период активизации революционного движения в России деятельность «Сетлемента» как нельзя лучше соответствовала взглядам антиправительственных партий. Подростки, приходившие в «Сетлемент», особенно ученики из типографии «Кушнеров и К», были политизированы и в период I русской революции вошли в одну из крупных боевых дружин Москвы. По свидетельству А. У. Зеленко, «в здании «Сетлемента» часть сотрудников-эссеров устроили в доме явку своих членов и этим подвели наше дело». «Излишний демократизм» общества не устраивал московские власти. Седьмого февраля 1908 года в Русском монархическом собрании устроили провокационное собрание, где «Сетлемент» предали анафеме. Докладчик сообщал, что *«все преподаватели — молодые люди самого «освободительного вида» в косоворотках, длинноволосые. Учительницы тоже недалеко ушли от учителей. Кто же даёт деньги на построение громадного дома с роскошной внутренней отделкой, кто содержит сорок учителей и воспитывает более двухсот детей, чей дьявольский ум изобрёл этот способ выработки из детей будущих фанатиков-революционеров, с малых лет прививая им парламентские привычки, научая их чуть ли не изготавливать бомбы и не признавать авторитетов»*²⁵.

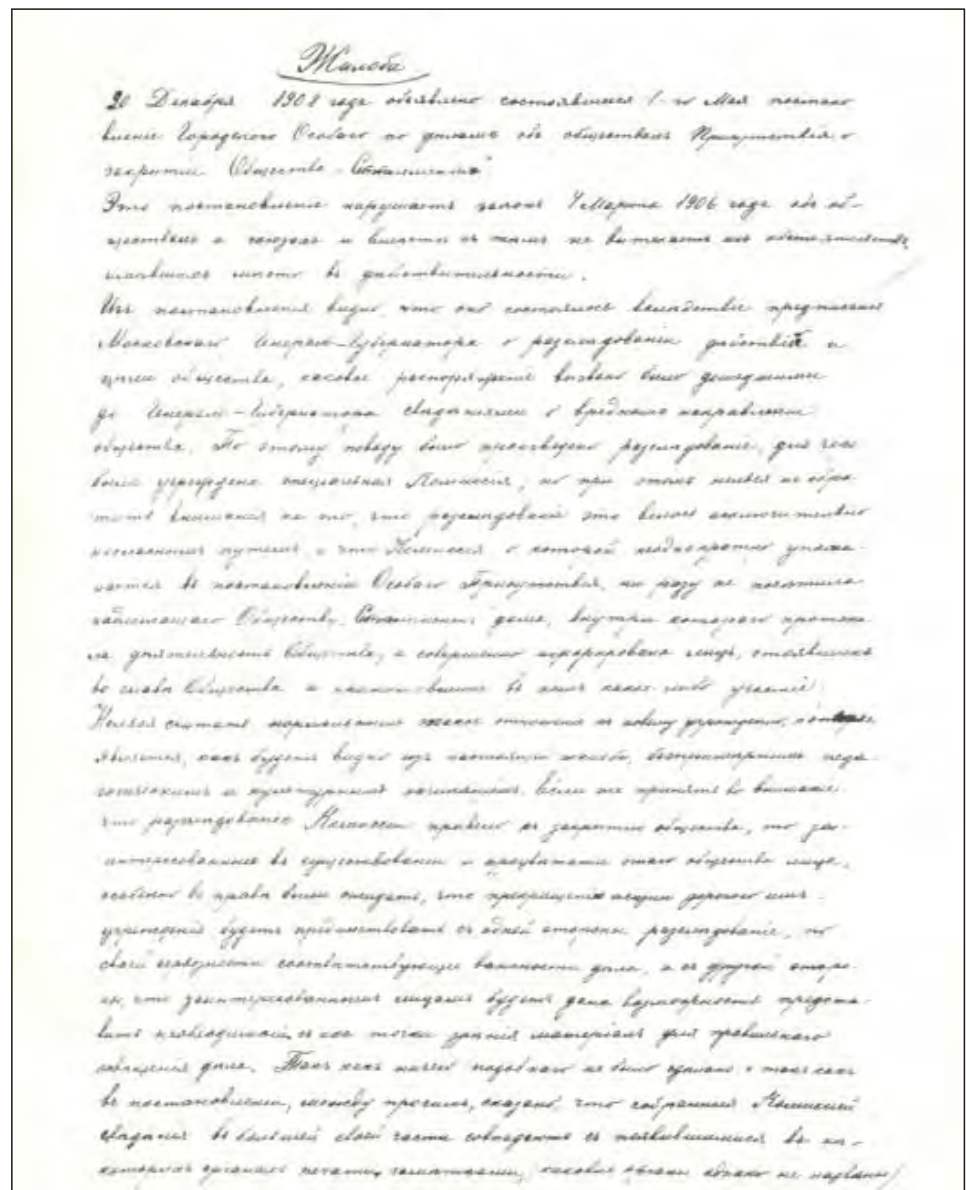
Московское градоначальство отреагировало на вопрос монархистов незамедлительно, назначив комиссию по проверке деятельности «Сетлемента». В квартире Шацкого и Зеленко произвели обыск, их самих арестовали, но вскоре выпустили из-за недостатка улик. Были арестованы руководитель столярной мастерской И. И. Борисов, руководитель кружка химии А. М. Бергман и незаметный швейцар клуба, входившие в большевистскую партию. Назначенная комиссия, хотя и не нашла прямых доказательств причастности членов «Сетлемента» к левым политическим партиям, представила его деятельность крайне негативно. В Журнале Московского особого по делам об общественных союзах Присутствия сообщалось: *«Авторитета старших для детей «Сетлемента» не существует, здороваются за руку, обращаются фамильярно, детям ни в чём нет запрета, никто, кроме сходки, не может им делать замечание. Всякий пустяк влечёт за собой созыв сходки, перевыборы председателя и тайное голосование»*²⁶.

1 мая 1908 года на заседании Московского особого городского Совета приняли решение о закрытии «Сетлемента», так как «учреждение явно уклонилось от всех типов учебно-воспитательных учреждений, указанных в законе».

Сотрудники «Сетлемента» подали жалобу на решение о закрытии общества. Летом 1909 года уже в Сенате продолжилось обсуждение правомерности действий московского градоначальства. «Но заступников было, как видно, мало, зато оппозиция усилилась. Теперь «Сетлемент» обвинили ещё в недостатке патриотического чувства и преклонении перед «иностранщиной»²⁷.

После закрытия «Сетлемента» А. У. Зеленко уехал в Америку, С. Т. Шацкий поступил работать учителем природоведения в коммерческое училище. Однако бывшие сотрудники «Сетлемента»

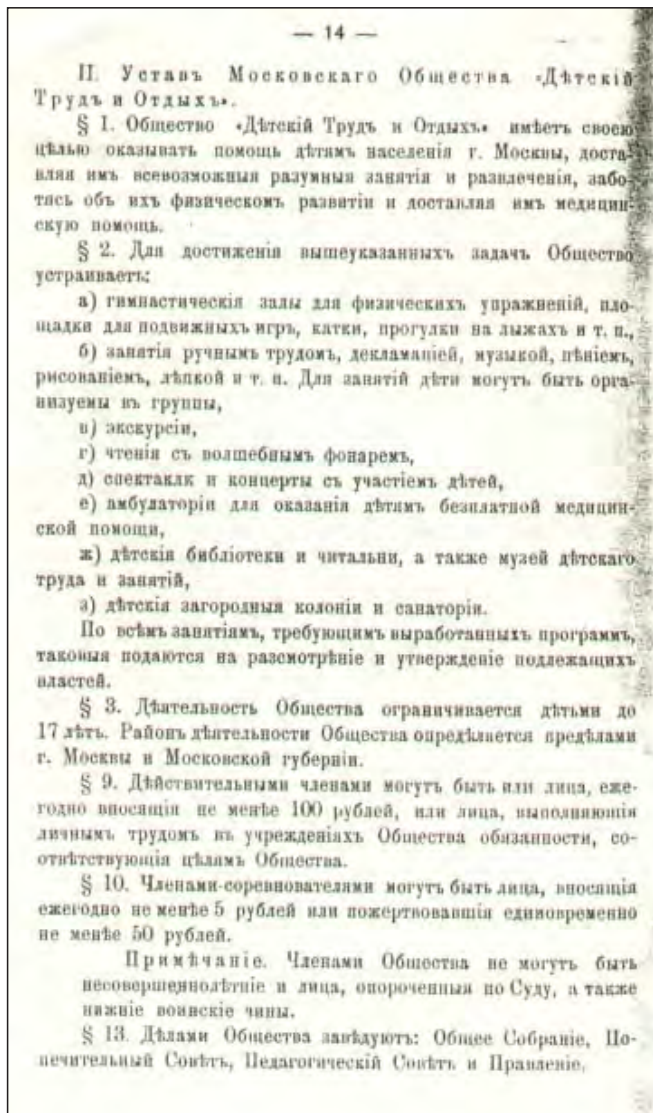
Жалоба
сотрудников
на решение
Московского
Особого городского
Совета о закрытии
общества
«Сетлемента».
1908 г.

не собирались «складывать оружия» и искали пути для организации нового общества. В этот переходный период Шацкий стал негласным лидером бывших сетлементовцев. Почему же именно Шацкому предложили возглавить новое общество? *«Прежде всего, он был вместе с Зеленко основателем нового направления в педагогике,— писала Л. К. Шлегер.— В процессе работы он завоевал симпатии и доверие всего коллектива. Мы все чувствовали незаурядность его личности, его силу, веру в дело»*²⁸.

14 февраля 1909 года педагогам удалось добиться разрешения открыть новое общество «Детский труд и отдых», продолжившее традиции «Сетлемента». Пришлось, однако, сократить прежний размах работы, отказаться от республиканской формы организации детей. Члены вновь созданного общества стремились создать учреждения, охватывающие все виды работы с детьми, начиная с яслей и заканчивая школой для взрослых, установить жизненные связи между всеми возрастами детей, используя различные формы воспитания. Желающих посещать учреждения общества «Детский труд и отдых» было предостаточно. В 1912 году число посетителей дошло до трёхсот человек, из них девяносто детей посещали детский сад Л. К. Шлегер. На средства, пожертвованные меценатами, и членские взносы удалось не только сформировать библиотеку, где было много оригинальной литературы на разных языках, но и издать печатные труды членов общества: «План занятий в начальной школе», «Первые шаги. Азбука и первое чтение после азбуки», «Материалы для бесед с маленькими детьми» и другие. В 1914 году Е. П. и П. В. Останины организовали колонию для маленьких детей, купив для этого дачу и две десятины земли в селе Пушкино. Продолжил работу и амбулаторный кабинет, где врачи проводили регулярный осмотр детей.

Практическая работа, проводившаяся в обществе «Детский труд и отдых», воспринималась Шацким как составная часть педагогического дела, подкреплённая теоретическими изысканиями педагогов. Stanisław Теофилович внимательно следил за педагогическими новациями, вбирая всё лучшее и интересное, что применялось педагогами начала XX века. Заинтересовавшись «теорией свободного воспитания», он пошёл работать в открывшийся «Дом свободного ребёнка», но очень скоро убедился в неправильности этого направления. Представители новой теории считали, что ребёнку — существу чистому, неиспорченному обществом и бытом, нужно давать полную свободу действия, не ограничивая его жизнь запретами и правилами. Шацкий был с ними не согласен, считая, что дети впитывают из окружающей действительности и хорошее, и плохое, поэтому относительно

Устав общества
«Детский труд
и отдых»

только в условиях летней колонии дети смогут на практике применить полученные в кружках знания, понять необходимость различных видов труда, укрепить здоровье, оторваться от пагубного влияния городской среды. В отличие от Щёлковской, в новой колонии предполагалось уделить особое внимание эстетическому и умственному развитию детей. Кроме того, здесь впервые планировалось проживание и мальчиков, и девочек. В 1911 году С. Т. Шацкому удалось осуществить свою идею.

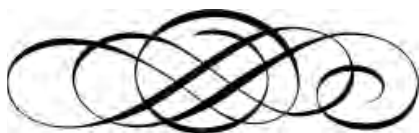
свободная жизнь детей должна проходить под наблюдением опытных педагогов, знающих особенности детской физиологии и психологии. Одним из мощных рычагов воспитательного процесса, по мнению Шацкого, являлся совместный труд во всех его проявлениях.

В 1910 году Станислав Теофилович совершил первую поездку за границу с целью изучить постановку дела в области трудового воспитания в Финляндии, Швеции, Норвегии. Познакомившись с работой сельскохозяйственных колоний этих стран, Шацкий сделал вывод, что «педагоги там порою являются неплохими организаторами трудовых процессов, но нет у них ни высоких идеалов, ни глубоких чувств, ни творческих идей. Труд детей сообщает им определённые навыки, но лишён воспитательного смысла»²⁹.

Вернувшись из заграничной поездки, педагог стал настаивать на организации летней трудовой колонии как необходимой формы трудового воспитания. Шацкий считал, что

Глава II

Летняя трудовая колония «Бодрая жизнь»

Член общества «Детский труд и отдых», богатая помещица-меценатка М. К. Морозова, на одном из вечеров познакомилась с Шацким, прониклась его идеями и решила помочь молодому педагогу. Недалеко от своего имения Михайловское (ныне — особняк в Нижнем парке) Маргарита Кирилловна выделила 42 десятины земли и деньги для организации колонии.

Зимой 1911 года работа в Вадковском доме закипела — дети готовились к переезду: из деревянных брусьев сколачивали кровати, шили мешки для тюфяков, кухонные полотенца, собирали посуду. В марте на месте будущей колонии построили двухэтажный барак с террасой и двумя балконами, сколотили шалаш-кухню. Рабочие начали копать землю под огород. Однако *«почва на месте колонии была ужасная — тяжёлая глина, которую крестьяне отказались обрабатывать, и колонисты приехали на малоподготовленный участок»*¹.

26 мая 1911 года двадцать пять детей отправились с Брянского вокзала в Калужскую губернию. Бывший колонист А. Щербаков вспоминал: *«Прозвонил второй звонок — Шацкого нет. Наконец, в конце поезда, появился Шацкий, он шёл спокойным шагом, переваливаясь. Его спокойная походка нас и обрадовала, и взволновала. Мы впервые за свою жизнь выбрались за город, поэтому неудивительно, что всё время было заполнено интересными впечатлениями и переживаниями... Поезд остановился. Все ребята высыпали, погрузили вещи в тележку и пошли своим ходом. Я примкнул к старшим, впрягся в тяжёлую тележку и с Шацким повёз вещи. Но здесь у меня произошёл конфуз — я поскользнулся, упал и разбил себе нос, так что я «пролил кровь на пороге колонии», — говорил Шацкий шутя»*².

Маргарита
Кирилловна
Морозова.
Начало XX в.

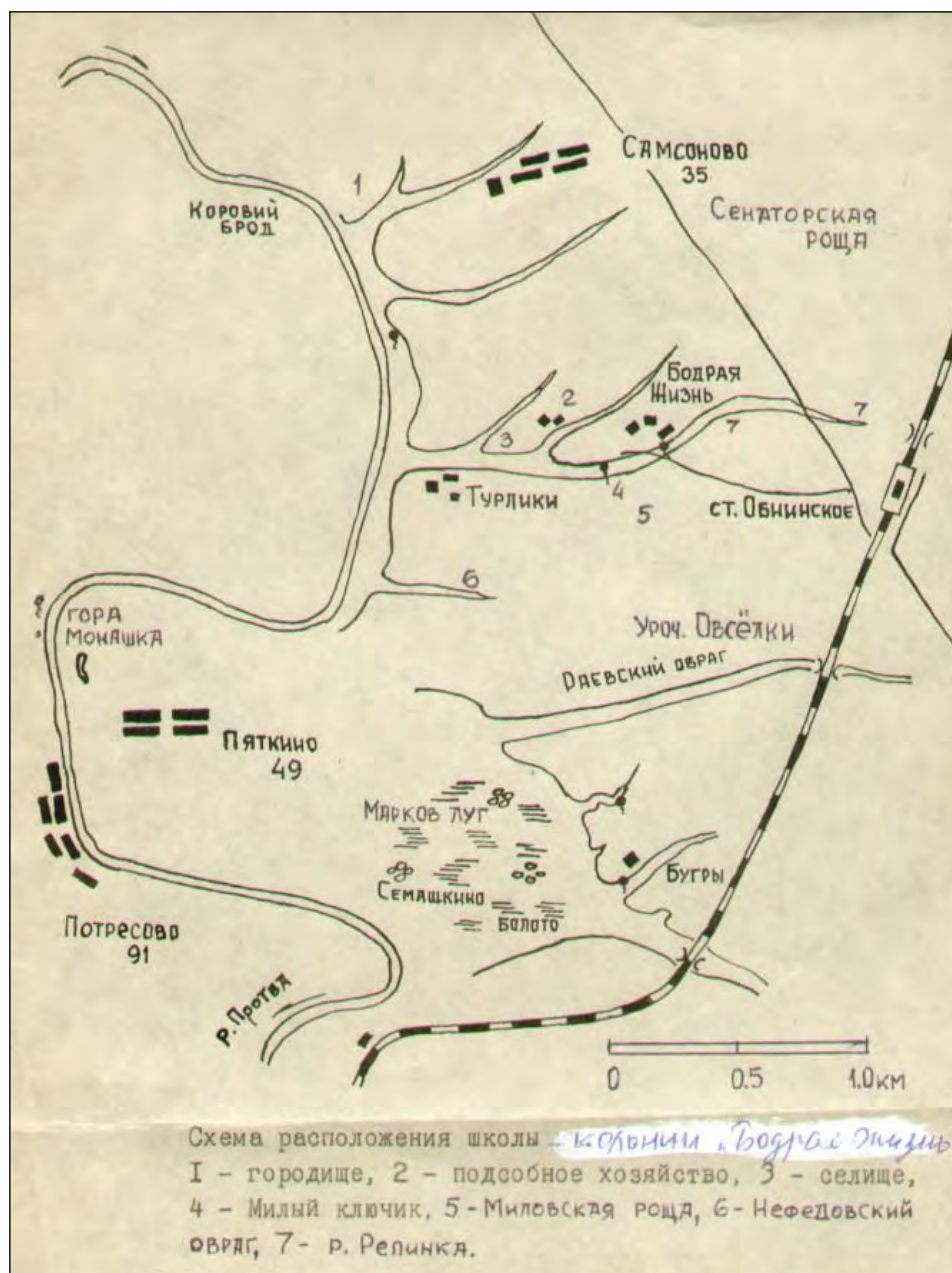

Схема
расположения
школы-колонии
«Бодрая жизнь»,
составленная
краеведом
В. А. Ивановым.
1970-е гг.

Первый дом
в колонии.
1911 г.

Чуть позже приехала вторая группа детей. Таким образом, в первое лето в колонии было 47 человек, из них пятеро подростков из «опытных» — прежних посетителей «Сетлемента». Из взрослых — кроме В. Н. и С. Т. Шацких — приехали московская учительница Е. С. Галкина и студент Н. Г. Зяблов.

Красота здешней природы поразила и восхитила ребят, полных энтузиазма и романтики. *«Наскоро закусив, принялись устраиваться: прилаживать кровати, набивать мешки сеном, а наиболее экспансивные забыли про всё и помчались в лес и овраг знакомиться с местами. Долго в этот вечер не могли уговориться; разговоры то затихали, то снова разгорались, и большого труда стоило уговорить ребят лечь спать»*³. На следующее утро сотрудники устроили первое собрание, чтобы

поговорить о том, как будут жить и работать колонисты. После долгих споров и обсуждений постановили: колонию назвать «Бодрая жизнь», все вопросы решать на общем собрании. Составили режим дня: в 7 часов — подъём, в 8 часов — чай, с 9 до 12 часов — работа, в 12 часов — обед, с 12 до 16 часов — свободное время,

Первые колонисты.
1911 г.

Первая выпечка
баранок.
1911 г.

Завтрак в колонии.
1911 г.

в 16 часов — чай, с 16 до 18 часов — работа, в 20 часов — ужин, в 21.30 — сон. Решили работать добросовестно, прислушиваться к советам старших товарищей, а кто ленится и хулиганит — покинет колонию после трёх замечаний. Поскольку ребята должны были делать всё сами, то установили дежурство по приготовлению пищи, мытью посуды, уборке помещений, стирке белья. Так, на нашей земле появилось «ребячье царство труда, свободы и равенства».

С. Т. Шацкий
с грибами.
1912 г.

Конечно, на первых порах без помощи сотрудников было не обойтись. Нужно было самим готовить пищу, мыть посуду. Со страхом и смущением ребята говорили: «Мы этого не умеем!» Всё же нашлись три девочки, согласившиеся готовить под присмотром Валентины Николаевны. Кулинарную науку вскоре освоили все ребята: научились печь хлеб, сдобные булочки, даже придумывали рецепты новых блюд.

Валентина Николаевна была большой любительницей сбора грибов и ягод и в воскресные дни приглашала ребят в лес за земляникой, черникой, «белыми» и «рыжиками», которых вокруг было великое множество. Потом варили варенье, пекли пирожки с грибами. После еды довольные и сытые ребята кричали: «Качать поваров!»

Это была наивысшая похвала для дежурных.

Осмотревшись вокруг, колонисты решили убрать площадку вокруг дома. «С жаром набросились на щепки», но скоро оказалось, что руками носить мусор и расчищать площадку неудобно — нужны носилки, лопаты, грабли. Тут же принялись их делать — появились молотки, гвозди, пилы. Все эти инструменты,

инвентарь были у сотрудников, но они ждали, когда ребята сами поймут их необходимость в работе. Таким образом, труд в колонии не был абстрактным, «лишь бы время заполнить», а конкретным, жизненно необходимым. Ребята расчистили площадку вокруг дома, подготовили землю для декоративных кустарников и цветов. Через несколько лет вокруг построек «Бодрой жизни» заблагоухали цветы, зацвели кусты сирени и жасмина. *«Мы любили дорожки около барачков, оформленные высокими белыми флоксами,— вспоминала Н. Руднева,— овальные клумбы красных и белых роз, высокие жёлтые шары георгинов по большой дороге к станции, кусты жасмина против центрального барачка с террасой»*⁴.

Общественные работы по уборке и благоустройству территории, дежурства на кухне и в молочной наладились довольно быстро. А вот возделывание земли для сада и огорода привело всех в отчаянье. *«Большинство колонистов заленилось, охладело, хотя и знали, что едут на тяжёлую работу. Начались ссоры. Решили: двадцать минут работать, десять — отдыхать. Дело не улучшилось. Шацкому пришлось вести разговоры: «Как теперь быть?» Младшие колонисты решили образовать «Общество коммунистов» и обработать небольшой участок земли. Трое старших мальчиков обратились к Шацкому за советом, как организо-*

Чистят грибы для ужина.
1912 г.

Готовят землю под огород.
1911 г.

вать артель по проведению дороги с участка. Работа пошла живее, начались толки и разговоры, сравнения между колониальной, рабочей и дачной жизнью-отдыхом. Пришли к заключению, что здесь не место дачникам, хотя некоторые составили группу бездельников, но потом и среди них всё же нашлись желающие провести канаву для осушки земли под сад»⁵. Следом за артелью по проведению дороги образовались артели по подготовке земли под ягодник и капустник. Наконец, все группы объединились и взялись за очень трудную работу — выкорчёвку пней на участке в четыреста квадратных саженей для будущего плодового сада. «Пней на нашем пути было мно-

«Унавоживание»
клубники.
1911 г.

Рассаживают
клубнику.
1911 г.

С. Т. Шацкий
и колонисты
корчуют пни.
1911 г.

го, — позже вспоминал Иван Горячев. — Шацкий достал специальные лопаты — узенькие, длинные, удобно меж корней землю вытаскивать и объяснил, как нужно пользоваться рычагом для вытаскивания корней. В последующие годы взамен рычагов корчевали специальной машиной. Когда её поставили, мы спросили у Шацкого: «А не трудно будет с ней работать?» Шацкий взял доску, велел всем сесть на неё, зацепил её

крючком машины и самому маленькому дал вертеть ручку, и он поднял всех усевшихся на доске без особых усилий. Все зашумели: «Вот это да!» Много мы тогда труда положили, но пни все выкорчевали, проложили дорогу. И когда всё сделали, сколько было у нас торжества: «Мы смогли, мы сделали!» А на собраниях нам сказали спасибо и все громко кричали: «Качать их, качать их!»⁶

Жизнь в колонии в течение первого лета постепенно приобретала стройность, упорядоченность. Вдруг одна из девочек заболела скарлатиной, три недели колония была на карантине. Случай этот ещё более сплотил ребят, переживавших за будущее колонии. После окончания карантина устроили большой праздник и совершили экскурсию в Серпухов.

За летний период 1911 года на нужды колонии затратили 4115 рублей, выделенные М. К. Морозовой. В этом же году она предоставила ещё 14 десятин земли для расширения хозяйства и строительства новых зданий⁷.

Приехав на следующий год, ребята не узнали свою колонию. Рядом со старым домом появились новые, красивые дома в северорусском стиле. На берегу оврага построили новую кухню с большой хлебопекарной печью, рядом — молочную, террасу-столовую. На возвышенности красовалось необычного вида здание бани и прачечной. К середине июля закончили строительство скотного двора. Жизнь ребят быстро «вошла в свою колею», на огороде посадили овощи, в саду — яблони и вишни.

Колонисты у корчевальной машины. 1912 г.

Новая кухня. 1912 г.

Молочная и терраса-столовая. 1912 г.

«Я приехал в колонию семилетним в 1912 году. Все мы «новички» шли за «старичками», которые торжественно, с каким-то глубоко знающим достоинством повели нас осматривать территорию. Собака Трезор, радостно виляя хвостом, увязалась за нами. Подходя к скотному двору, я увидел гуляющих кур и красавца-петуха породы Племутрок. Мы успели осмотреть все постройки, ручей, ключики с холодной водой, и нам дали команду делать себе кровати из брусков и досок, поставить их и закрепить. Опыт у нас уже был — в клубе столярничали. И пошла работа — отмерять, пилить, строгать. Шум, смех, все спешили, кто-то запел песню «По диким степям Забайкалья», стали ему подпевать. Боря Лебедев отрезал кроватную ножку короче, все засмеялись, закричали: «У тебя хромой сон будет!» Поставили и укрепили кровати. Пришёл Шацкий, спрашивает: «Крепко стоят кровати?» Все закричали: «Крепко, крепко!» Шацкий на одну из кроватей лёг тихонько. Все затаили дыхание. Когда Шацкий встал и похвалил, тут взрыв смеха и громкое «Ура!» Несколько секунд — и всех «смыло волной»: схватили тюфяки и наволочки, бегом на сеновал набивать сеном матрац и подушку. Петя Лебедев, крепкий мускулистый паренёк, особенно старался набить побольше сена, а когда все легли проверить свою работу, то Петя скатился с кровати, настолько плотно он набил тюфяк. Он сконфуженно схватил тюфяк и подушку, побежал на сеновал вытряхивать обратно лишнее сено. Когда об этом рассказали Шацкому, он улыбнулся и сказал: «Не всегда сила помогает — нужно «смекалкой» пользоваться». В первый день мы поработали на уборке строительного мусора и всех помещений. Вечером собрались в общей комнате, Валентина Николаевна сыграла нам на ро-

В. Н. Шацкая
(слева) кормит кур.
1912 г.

яле, малость спели знакомых песен и, полные впечатлений и усталости от насыщенного дня, улеглись на свежие, душистые, приготовленные своим трудом кровати. Забыв о Москве, крепко заснули и с непонятными снами проспали, как убитые, до утра». И. И. Горячев⁸.

Труд объединил ребят в единое детское сообщество, но сотрудникам нужно было позаботиться об организа-

ции не только физических, но и духовных сил. Объединяющим творческим началом стало издание рукописного журнала «Наша жизнь», первый номер которого вышел в июле 1912 года. Шацкий обычно писал вводные статьи: *«Наша колония — это место, где мы устраиваем вокруг себя хорошую жизнь, и чем дальше, тем лучше. Это — место, где мы работаем, один на всех и все на одного, где дети могут стать хозяевами, с достоинством отвечая за всё, что ими сделано»*⁹. За два месяца выпустили пять номеров с рассказами, стихами, рисунками, ставшими своеобразной летописью колониальной жизни. Вот лишь некоторые выдержки из журналов:

«С курами нам не везёт: купили наседку за 65 копеек, а она и не думает садиться, всё бегают; вчера летала на самый конёк крыши, а сегодня скрывается где-то».

«Место для ягодных кустов уже перекопано. При этом у всей смородины пропали ягоды, ещё совсем зелёные, а также у молодых ростков малины. Очевидно, растения были поражены болезнью «жадность колонистов».

*«Нам передали, что колонией куплены тарантас за 40 рублей, телега — за 23, водовозка — за 10 и лошадь — за 65 рублей»*¹⁰.

Тут же предложили к публикации рисунки расписных дуг. Ухаживать за лошадью особенно любили мальчики. Дежурный конюх чистил, кормил её, водил к кузнецу подковать, содержал в порядке сбрую и тарантас. На лошади возили воду для бани и прачечной, доставляли провизию из потребительской лавки. Однако возить воду на лошади было очень неудобно, и в 1913 году колонисты решили проложить водопровод. В Репинском овраге расчистили один из ключей, сделали бассейн из кирпича. Установили насос с двумя ручными маховиками, сверху соорудили деревянный сарайчик. К насосу подвели трубы от бани, прачечной, скотного двора, огорода. Появлению водопровода особенно

Запрягают лошадь.
1915 г.

Главный конюх —
Леня Виноградов

Заготовка сена.
1912 г.

водителя, сколько старшего товарища, с которым можно поговорить «по душам», обратиться за советом, поэтому они не называли его по имени отчеству, а обращались просто — «Шацкий». Станислав Теофилович всё делал искренне: и радовался, и возмущался, и хвалил, и громогласно ругал. Достоинства и недостатки старшего товарища ребята описали в «Шуточном словаре колонистов», опубликованном в журнале колонии в 1914 году: *«Шацкий — без имени и фамилии, толстый буйан, прислан губернатором в колонию для усмирения бунтов. Случайно, во время грозы проглотил гром и молнию, поэтому любит покричать. Мастер на все руки, опытный трубочист, оперный артист. Путаник. Гордится своей быстротой, хвалится, что всех бы обогнал, если бы не жирная комплекция. Не любит ставить самовар, варить суп, мыть посуду. Любит топить печь, если принесут дрова. Фантазёр. Живёт надеждой на будущее»*¹¹.

Игра в «зеваки».
1916 г.

Особенно азартен был Шацкий, когда играл с ребятами в городки или лапту, в футбол или «казаки-разбойники». *«Игра — это жизненная лаборатория,— писал Шацкий,— дающая тот аромат молодой жизни, без которой эта пора была бы бесполезна для человечества»*¹². Игр в колонии было множество: «гори, гори ясно», «караси и щуки», итальянская лапта, городки, футбол. Однажды, прочитав книгу про индейцев, Саша Лушин предложилделиться на апачей и каманчей, выбрать вождей, построить ба-

радовались цветоводы — кра- ны на территории давали воз- можность быстро поливать цветы.

Рядом с колонистами всегда был Шацкий: то он на кухне, засучив рукава, го- товил обед или месил тесто, то с лопатой в руках копал землю, то пел арии из опер в общественной комнате. Ре- бята тянулись к Шацкому, видели в нём не столько руко-

зы-крепости и провести сражение. Что и было сделано. Колонисты в набедренных повязках из листьев с перьями на головах пускали друг в друга стрелы, но сделаны они были не по правилам, летели очень тихо, так что противник ловил их на лету и пускал обратно. Шуму и криков было много, никто не хотел быть раненым или убитым, в результате все согласились на перемирие.

«Каманчи»
перед атакой
на «апачей».
1912 г.

В жаркие летние дни после обеда колонисты вместе с Шацким шли на Протву позагорать и искупаться. Станислав Теофилович хорошо плавал, чем приводил ребят в полный восторг: то исчезал под водой, то вдруг внезапно выныривал, пуская в стороны водяные фонтаны, за что и получил прозвище «Кит». После купания, лёжа на горячем песке, увлечённо рассказывал, «отчего происходит землетрясение, «как сделать искусственную радугу».

В свободное время ходили в походы по окрестностям, общались с крестьянами, которые приветливо встречали гостей, задавали Шацкому самые разные вопросы о хозяйстве, политике, просили взять их детей в колонию. В один из воскресных дней Станислав Теофилович отправился с ребятами в д. Передоль. Дойдя до деревни, путешественники встретили ватагу деревенских мальчишек, которые шли в лес полакомиться ягодами. Среди них был Викторин Соколов. Одиннадцатилетним мальчиком он впервые встре-

тил Шацкого и всю жизнь по примеру своего наставника связал с педагогикой. *«Шацкий был чрезвычайно прост в общении,— вспоминал Викторин Алексеевич,— внешне очень красив, в одежде простой, но опрятной. Шапка серебристых волос на голове, длинная белая рубашка, подпоясанная поясом с кистями. Утопая во ржи, Станислав Теофилович рассказал ребятам, сколько затрачено крестьянского труда, чтобы вырастить такую прелесть. От озимого поля спусти-*

С.Т. Шацкий.
1915 г.

Свозят цемент
на скотный двор.
1915 г.

лись к речке. Шацкий отыскал «купальню» и первым прыгнул в воду, за ним все. С криком: «Кит, кит!» — человек пятнадцать навалились на него, Шацкий пыхтел, оборонялся, затем крикнул: «Сдаюсь!» — и ребята отступились. После купания всем захотелось есть. Не успел Шацкий спросить: «Не найдём ли в деревне молочка?» — каждый из нас бросился по своим домам, схватил по махотке молока. Наелись. «Куда же дальше?» — спросил Шацкий. «В деревню!» — закричали все хором. Шацкий со своим «семейством» попал на сельский сход, представился, расцеловался со всеми мужчинами старше себя и попросил разрешения поприсутствовать на сельском сходе. Один из старичков настолько был тронут таким приветствием, что со словами «Сын родной никогда не поцелует, а тут чужой человек такое уважение оказал», — побежал в свою избу и принёс Шацкому стул¹³. Поговорив с матерью Викторина Алексеевича, Шацкий узнал, что в семье Соколовых пятнадцать детей, и предложил взять в колонию троих мальчиков. Так в «Бодрой жизни» появились деревенские ребяташки.

С каждым годом хозяйство колонии разрасталось, усовершенствовалось. На скотном дворе появились коровы, телята, козы, лошади, на птичнике — куры, гуси, утки; расширен огород, проложена дорога внутри усадьбы. Все эти годы Станислав Теофилович вёл дневник, где без прикрас описывал будни и праздники колониальной жизни.

Из дневника С. Т. Шацкого:

«29 апреля 1915 года. Томительная поездка в колонию. Дети не унывают. Дождь. Перетаскивание вещей. Колония. Забыли тюк на станции. Пили горячую воду вместо чая. Спали на полу, мальчики прямо на сене. Девочки в общей на матрасах. Утром говорят — тепло. После чего работали. Убирали кладовую, мыли кухню, переносили посуду, сгребали листья, копали канаву. Девочки играли в лапту. После обеда выкопали ёлку для посадки. Все к работе привыкли и делают охотно сами.

30 апреля. Чудесный день, тепло. Праздник (Вознесение). С утра убрали комнаты. Пили чай со своим вареньем. После

чаю — собрание. Работать надо много. После обеда — прогулка на речку. Игра большая в бабки. Всё-таки много переговоров и перекоров. Оживление есть, но есть и раздражение. Вечером говорил с ребятами о десятилетии с того дня, как я начал работать в колонии. Вася Почиталов говорит: «Вы уже десять лет нянчитесь с нами!» Виноградов очень правильно говорит про самую рабочую суть колонии: «Надо иметь характер каменный, чтобы здесь работать».

3 мая. Утром девочки ходили в церковь. Привезли рояль. Вечером в общей комнате было пение, не дружное, по настроению.

4 мая. С утра мальчики в ягоднике. Девочки рассыпают дерновую землю. Вечера приехали козы — девять штук. Сегодня случилось несколько пастухов. Приехало

много новых. Надо наблюдать упорно. Сейчас Троица — весёлый праздник. Все разбрелись за цветами. Со мной очень ласковы.

10 мая. Праздник. В своих костюмах, сшитых зимой. Очень довольны. Руднев хвалился своей красной материей на рубашке своего тканья — не разорвёшь. Спать надо искусством!»¹⁴

«Спайка искусством», начавшаяся в «Сетlemente», продолжалась в обществе «Детский труд и отдых» и в колонии «Бодрая жизнь». Валентина Николаевна организовала четырёхголосый хор, учила играть на фортепьяно, ставила музыкальные спектакли. Но всё это было позднее, а поначалу нужно было просто привить детям, воспитанным на уличных песнях сомнительного содержания, музыкальный вкус. «Иногда можно было наблюдать такую картину, — писала Шацкая, — вокруг рояля собралось двадцать — двадцать пять ребят-любителей, они с увлечением поют одну за другой наши песни. Издали же доносится «настоящее пение оппозиции», которая не признаёт наших песен и предпочитает во всё горло кричать «Марусю» или «Пожар московский»¹⁵. Постепенно Валентине Николаевне удалось организовать ребят: пели хором, сольно, во время работы и на отдыхе.

Вечером все собирались в общественной комнате, располагавшейся на первом этаже жилого здания. Девочки постарались украсить комнату: у окна стоял стол, покрытый цветным холстом, на стенах красовались ковры из разноцветных ниток, на окнах —

Стирка белья.
1915 г.

вышитые занавески. По стенам стояли широкие лавки, обшитые тёмным холстом со множеством подушечек, расшитых цветами, у окна — рояль. До глубины души трогали колонистов звуки этого торжественного инструмента, извлекавшиеся чуткими, музыкальными пальцами Валентины Николаевны. Исполнив классические произведения, она обычно предлагала что-нибудь спеть и спрашивала: «С чего начнём?» Начинали с песни, одобренной большинством. Если группа хористов пела новую песню, то все остальные, разучивая её, подпевали им. Станислав Теофилович был душой колонии, Валентина Николаевна — её сердцем, её руководящим и организующим началом.

Характеристика из «Шуточного словаря колонистов»:

«Шацкая Валентина Николаевна — фортепьянщица, играет быстро, но не ногами, а руками и то не всеми, только пальцами. Содержательница нашего хозяйства и весьма строжайшего поведения: тем только и живёт, что возмущается и тогда говорит: «Я не понимаю!» Избави бог с нею работать на пару — так сильно напирает, что её товарищам приходится через три минуты высовывать язык и дышать, как Дзизик. Очень любит грибы собирать, чистить маслята, солить огурцы, делать кофейную яичницу, мучить рояль, ходить босиком, спать под пятнадцатью одеялами, смеяться над Шацким и хорошую погоду»¹⁶.

Прослушав музыку, колонисты просили Шацкого спеть. Он подходил к роялю и под аккомпанемент Валентины Николаевны исполнял арии из опер; голос у него был такой сильный, что «стёкла в окнах дрожали». Все слушали, затаив дыхание, и рисовали в своём воображении сказочные картины заморских стран

с невиданными птицами. «Однажды Шацкий нагнулся к Валентине Николаевне и что-то ей прошептал. Валентина Николаевна стала играть незнакомую нам мелодию, а Шацкий запел: «Есть на свете чудный, дивный край, там дышится легко, музыка играет, песни поют, дружной семьёй все там живут». Мы поняли, что Шацкий пел о нашей колонии — все бурно захлопали»¹⁷. «Песню мельника»

Общественная
комната.
Нач. XX в.

Сцена из спектакля
«Белоснежка
и семь гномов».
1912 г.

Ф. Шуберта колонисты особенно полюбили и исполняли её в маршевом ритме во время походов.

Как-то раз Валентина Николаевна прочитала ребятам сказку «Белоснежка и семь гномов». Младшие колонисты решили её инсценировать. В молодом берёзовом лесу устроили дворец гномов (ныне на этом месте — кинотеатр «Мир»), изготовили костюмы, сочинили песни и стихи: «Мы — карлики-гномы, мы — духи лесов. Живём мы в тёмной чаще под тенью дубов». Так в колонии появился театр. Костюмы изготовили сами, декорации писали под руководством художника-педагога А. В. Гаврилова. Алексей Владимирович, окончив Строгановское училище, приехал в «Бодрую жизнь» в первые годы её существования и возглавил работу в области изобразительного искусства: был неизменным редактором рукописных журналов колонии, руководил изобразительным и театральным кружками. Ребята называли его Гавгушей и дали своему учителю такую характеристику: *«Художественно беспорядочная натура, разнообразный заведующий. Любитель зевать. Волосы все собираются на нос, и в самую жару ходит в прелестной суконной куртке. Упорный издатель журнала. Ловкий спортсмен»*¹⁸.

А. В. Гаврилов.
1915 г.

Колонисты ставили спектакли, стараясь приурочить премьеру к какому-либо празднику. Как-то раз, перед Троицей, они обратились к Шацкому: «Какой же спектакль нам поставить?» «Придумайте сами», — ответил педагог. Сбрав-

шись вместе, колонисты придумали сценарий и поставили спектакль «Мартын с балалайкой». Для показа спектакля установили сцену: «... притащили бочки из-под цемента, на них положили тяжёлые щиты из коровника, по бокам укрепили на жердях и досках стены из простынь, а впереди повесили большой кусок холста. Сцена была готова»¹⁹.

Жители окрестных сёл приходили в колонию на концерты и спектакли. Среди гостей часто можно было видеть М. К. Морозову, следившую за жизнью и развитием детей. После очередного посещения «ребячьего царства» Маргарита Кирилловна писала Е. Н. Трубецкому: «Вчера имела отрадное, умиленное впечатление — колония. Теперь я, кажется, начинаю убеждаться в том, какое это чудесное дело! И в Шацком я начинаю серьёзно убеждаться... Ты не можешь себе представить, как эти дети веселы, свободны и скромны вместе с тем! Ни тени пошлости, озорства или чего-нибудь грубого, распущенного»²⁰.

В праздники, на дни рождения своих детей Морозова приглашала колонистов в гости на дачу в Михайловское. Н. Е. Антиповская вспоминала: «Детей бывало около шестидесяти человек. Из колонии вышли часов в семь вечера. Шли Нижним парком. Так называли тогда участок Морозовского парка, разбитый непосредственно в овраге. Дорожки все посыпаны жёлтым песком, розы росли — очень красиво. Из оврага к дому поднимались в гору по косой дороге. Там, в Верхнем парке качались на качелях, бегали на «гигантских шагах». На увитой виноградом веранде, обращённой в сторону Протвы, для детей

Первая сцена.
1912 г.

накрывали стол. В два приёма усаживали всех, но сначала — девочек. В угощение — пирожное, чай. И у каждого прибора на блюде — роза белая, чайная, красная. В двенадцать часов ночи отправлялись домой. И не могли долго уснуть — так много было впечатлений. В другие дни Шацкий запрещал колонистам ходить через Нижний парк. Но искушение красотой было слишком велико, и однажды дети, не выдержав, подошли к границе Морозовского парка. Их вскоре учуяли собаки, подняли лай. Дети — наутёк. А границей парка был кустарник, во многих местах — сплошная стена боярышника. Ободрали в кровь кто руку, кто ногу, кто лицо. В колонии Шацкий пропустил их сначала через санпункт, затем устроил разнос на общем собрании: «Я же говорил, что нельзя ходить через парк Морозово»²¹.

Ребята приезжали в «Бодрую жизнь» на лето и каждый раз перед отъездом в Москву они проходили по любимым местам и пели песню собственного сочинения:

*Прощай, колония родная,
Прощай, быть может навсегда,
Прощайте, реки и долины,
Прощай, зелёные луга.
Вот скоро, скоро поезд грянет,
Гудок уныло зашумит,
И нас в колонии не станет,
А сердце тихо загрустит.*

В последнем номере журнала с грустью писали: «Мы уезжаем со скорбью в душе», «Колония — это место, где мы нашли свободу, равенство и братство».

Колониальную жизнь Шацкий называл «историей неудач и завоеваний», но то, что педагогам удалось создать дружный детский коллектив, очевидно. Опыт работы летней трудовой колонии В.Н. и С.Т. Шацкие описали в книге «Бодрая жизнь», написанной ими во время заграничного путешествия 1913–1914 годов²².

Шацкие посетили трудовые школы Франции и Бельгии. Впечатлениями, вынесенными из поездки, Станислав Теофилович

В.Н. и С.Т. Шацкие едут в гости к М.К. Морозовой. 1913 г.

Колонисты
провожают Шацких
за границу.
1913 г.

Письмо С.Т. Шацко-
го Л.К. Шлегер.
Берлин, 1914 г.

Как педагог-практик Шацкий реализовал себя, наладив работу в колонии. Но он прекрасно понимал, что изменить жизнь детей можно, лишь изменив окружающую их действительность, которая может воздействовать на растущий детский организм как положительно, так и отрицательно. Поэтому нужно изме-

делился с Л.К. Шлегер: «Всюду я видел чрезвычайно узкую постановку вопроса о трудовой школе, но в то же время меня поражало умение западноевропейских педагогов организовать работу и хорошо её оборудовать. Большой интерес во мне возбудили работы педагогической организации Декроли и кое-что в институте Жан-Жака Руссо в Женеве»²³.

но детей, но окружающей их действительности. Педагог приходит к мысли о создании системы учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений в виде Опытных станций.

В 1912 году Станислав Теофилович выдвинул первый проект Опытной станции, отчасти осуществившийся в Москве. Он включал в себя различные виды работ с детьми: детский сад, школы I и II ступени, клубы, мастерские, библиотеки. В 1915 году проект дополнился педагогическими курсами. Подчёркивая важность профессиональной подготовки будущих учителей, Шацкий писал: «Курсы — трудовая школа для взрослых». Тогда же С.Т. Шацкий и Л.К. Шлегер организовали курсы по дошкольному

воспитанию при университете Шанявского²⁴. Годом позднее В.Н., С.Т. Шацкие, учитель П.В. Коротков и студент Н.А. Борисов открыли педагогические курсы в имении Ново-Михайловском Спасской волости. По сообщению Малоярославецкого уездного исправника, слушателями курсов состояли: народные учительницы Клавдия Алексеевна Соколова и Антонина Ивановна Тулякова, дочь профессора, домашняя учительница Анна Николаевна Иванова, мещанка города Калуги, учительница Клавдия Александровна Теняева, домашняя учительница Брунгильда Акимовна Гредек и ученик Строгановского училища Василий Петрович Башкиров²⁵. Слушатели курсов в последующие годы составили костяк сотрудников I Опытной станции.

В 1916 году Станислав Теофилович предложил два проекта опытных станций. Общим для этих проектов «был охват значительного количества разных типов учреждений для детей и взрослых. Во всех проектах предусматривалась курсовая работа с учителями и функционирование Народного дома, работа которого должна быть увязана с деятельностью врача, агронома, ветеринара»²⁶.

Первый проект предусматривал организацию детских учреждений в Сущёвском районе Москвы. Со вторым проектом «Белкинского межуездного опытного участка повышенного земского хозяйства» Шацкий обратился в Калужское Губернское земство. Согласно представленному проекту, опытный участок включал населённые пункты на границе Боровского и Малоярославецкого уездов, где предполагалось открыть школы, ветеринарные и амбулаторные пункты, на базе колонии «Бодрая жизнь» — педагогические курсы. Однако из-за недостатка средств выполнить задуманное удалось лишь отчасти: в деревнях Белоусово, Трясь, Величково, Передоль, селе Белкино открыли библиотеки, в д. Самсоново и с. Белкино Е.Я. Фортунатова организовала детский сад и школу для безграмотных²⁷. Больше всего повезло крестьянам села Белкино, где, благодаря материальной поддержке М.К. Морозовой и энтузиазму С.Т. Шацкого, в 1916 году удалось открыть Народный дом. Морозова подыскала подходящее здание в Белкино — бывший конный двор белкинской усадьбы, заключила договор с его владельцами Обнинскими о сдаче помещения в аренду на десять лет. Отделка, перепла-

С. Т. и В. Н. Шацкие среди педагогов и жителей окрестных сел. 1912 г.

С. Т. Шацкий
и М. К. Морозова
на открытии
Народного дома
в с. Белкино.
1916 г.

нировка помещений осуществлялась также за её счёт²⁸. В Народном доме открыли сельскохозяйственное и потребительское общества, молочное товарищество, прокатный пункт сельскохозяйственных машин, в дальнейшем предполагали организовать кредитное товарищество, сельскохозяйственную школу и врачебный участок. Однако, по сообщению одного из сотрудников, «*работа этих подразделений велась очень вяло. Народный дом в Белкино функционировал, по преимуществу, как чайная. Очень редко в нём ставились спектакли, и, хотя собирали полный зал, были на низком уровне. Изредка читались лекции приезжих лекторов по агрономии и вопросам кооперации. При потребительском обществе имелось небольшое количество книг по сельскому хозяйству, но они быстро потрепались или затерялись*»²⁹.

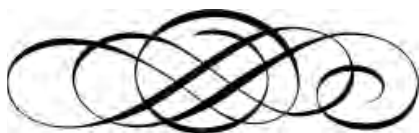
С. Т., В. Н. Шацкие,
Л. Н. Скаткин среди
руководителей
детских площадок.
1917 г.

Предложенные С. Т. Шацким проекты опытных станций в полном объёме осуществились лишь в мае 1919 года, когда педагог возглавил I Опытную станцию Наркомпроса — уникальное научно-педагогическое учреждение, не имевшее мировых аналогов.

Глава III

**На перепутье.
Первая Опытная станция
Наркомпроса.
Деревенское отделение**

Октябрьский переворот 1917 года всколыхнул Россию, разделив её на два непримиримых лагеря. К этому периоду деятельность С.Т. Шацкого, имея ярко выраженные демократические тенденции, вышла за рамки «узкого педагогического дела». Летняя трудовая колония «Бодрая жизнь» по сути являлась прообразом сельскохозяйственных коммун 1920-х годов, где дети *«постепенно сживаясь с колонией, привыкли считать всё её имущество общим. Будущее колонии рисовалось в виде фермы-коммуны, живущей на свои средства самостоятельно и проводящей культурную работу среди соседей»*¹. Казалось бы, Шацкий — основоположник демократической школы в России — должен приветствовать народную власть, но он был последователь Л.Н. Толстого и не терпел насилия. Карательные методы большевиков глубоко возмущали педагога, находившегося в смятении и тревоге за будущее страны. В 1917–1918 годах Шацкий выступал на учительских и рабочих собраниях с критикой нового правительства, «горячо настаивая на том, чтобы рабочие не разъединялись». Гражданская война казалась ему «самым ужасным делом». Хаос, царивший в стране, уничтожение культурных ценностей, репрессии вызывали в нём сопротивление новой власти. Однако демократизм и педагогический талант Шацкого был известен членам нового правительства, в частности А.В. Луначарскому, назначенному народным комиссаром просвещения². Луначарский предложил Шацкому возглавить один из отделов государственной комиссии по народному образованию, но получил от последнего гневное, обличительное письмо: *«Благодарю за эту честь. Мне, члену Московской городской управы, распущенной декретом «правительства», в состав которого входит г. Луначарский, это предложение кажется невероятным и нелепым... Это, так называемое правительство, ведёт систематический поход против русской интеллигенции, которую я слишком ценю, чтобы, подобно Луначарскому, мог под-*

Письмо в редакцию.

Сегодня мною получено письмо от А. В. Луначарского на бланке в. д. и. н. советских рабочих и сельских депутатов с предложением занять «пост» руководителя одного из отделов создаваемой вновь государственной комиссии по народному образованию, согласно законопроекту, имеющему пройти в ближайшее время, — комиссии, к которой «сверхординарные функции министра народного просвещения, его товарищей и комиссаров по бывшему министерству двора».

В письме указывается, что кандидатура моя «принимается» на основании «всех работников культурно-просветительного дела, группировавшихся вокруг советских».

Но благодаря за это честь. Мне, члену московской городской управы, распушенной декретом «правительства», в состав которого входят т. Луначарский, это предложение кажется невероятным и неблагодарным. Думаю только, что это, вероятно, отражение той предательской политики, которую ведет наше правительство всех задерживающих центром «правительства». Это так — признаем — правительство делает систематический подход против русской интеллигенции, которую и сжигают в печи, чтобы, подобно Луначарскому, мог подняться на нее руку. Сверх того прибавлю, что я участвую только в серьезных делах, помогать же т. Луначарскому в его административных восторгах и педагогическом дилеттанстве я ни в коем случае не могу. Педагогическое дело слишком мне дорого. Наконец, я не могу работать с людьми, которых я не уважаю, а к таковым после Ленина и Троцкого, к сожалению, приходится причислить и Луначарского. Чем скорее он уйдет от просвещения, тем лучше будет.

Член московской городской управы
С. Т. Шацкий.

Письмо-ответ
С. Т. Шацкого
на предложение
А. В. Луначарского
возглавить отдел
Государственной
Комиссии
по народному
образованию.
1917 г.

идеи созвучны его мыслям и желаниям. У педагога появились сомнения в правильности выбранной им позиции. Тогда же произошло знакомство С. Т. Шацкого с Н. К. Крупской, которая всегда поддерживала и защищала педагога. Высоко оценивая педагогическую деятельность Станислава Теофиловича, Надежда Константиновна писала: «Для нас идея «шацкизма» ценна тем, что она учитывает общественно-хозяйственную деятельность России и отыскивает жизненное решение острых педагогических проблем в условиях русской современности. Она поднимает и заостряет чрезвычайно важные вопросы воспитания кре-

нять на неё руку. Сверх того, прибавлю, что я участвую только в серьезных делах, помогать же Луначарскому в его административных восторгах и педагогическом дилеттанстве я ни в коем случае не могу. Педагогическое дело мне слишком дорого. Наконец, я не могу работать с людьми, которых я не уважаю, а к таковым после Ленина и Троцкого, к сожалению, приходится причислить и Луначарского. Член Московской городской управы С. Т. Шацкий»³.

Однако, спустя некоторое время, педагог пересмотрел своё отношение к наркому, сыгравшему исключительную роль в деле народного просвещения первых лет советской власти. А. В. Луначарский понимал, что «голод физический гораздо менее опасен, чем духовный голод, чем истощение народа в смысле культуры», и очень боялся, что народ-слепец окажется не в силах поднять образование и культуру. (А. Луначарский. Мир обновляется. М., 1989, с. 138). Он старался объединить вокруг себя таких людей, как Шацкий, чтобы «сложить цоколь для вселенского нового храма»⁴.

Осенью 1918 года при непосредственном участии А. В. Луначарского была подготовлена «Декларация о единой трудовой школе», одним из главных пунктов которой было трудовое воспитание подрастающего поколения. Для воплощения идей, изложенных в документе, деятели народного просвещения предложили создать экспериментальные базы, которые, по словам Луначарского, стали бы «рычагом, с помощью которого Наркомпрос будет поднимать работу массовой школы». Прочитав Декларацию, Шацкий понял, что изложенные в ней

С. Т. Шацкий
и Н. К. Крупская
среди сотрудников
научно-
педагогической
секции
Государственного
ученого совета.
1925 г.

стьянской массы во всей их особенности, как ни одна система воспитания в России»⁵.

После долгих колебаний и размышлений Шацкий сделал выбор в пользу нового социалистического строительства, он мечтал построить «школу будущего», «вырастить нового человека». Станислав Теофилович включился в педагогическую работу, с присущей ему страстью и убеждённости доказывая свою правоту в этот сложный период становления советской школы. Ему приходилось бороться и с «правыми», и с «левыми» течениями в педагогике. Взгляды «левых» выражала группа из Института методов школьной работы В. Н. Шульгина, М. В. Крупениной и др., ратовавшая за «отмирание школы». «Правые» во главе с А. Г. Калашниковым и А. П. Пинкевичем придерживались полярных взглядов, считая, что предметом исследования педагогов должны быть только школа и внешкольные детские учреждения. Шацкий занимал «серединную позицию», рассматривая школу не изолированно, а в связи с окружающей средой. «В основе воспитательной концепции Шацкого лежала идея «выращивания» человека, опираясь на традиции, обычаи, нормы микросреды, использование ценного в культуре семьи, детских неформальных группах, общественных организациях»⁶.

Идея Шацкого — «выращивание нового человека» — получила своё воплощение в учреждениях Первой Опытной станции, созданной в мае 1919 года. 16 мая 1919 года на заседании коллегии Нарком-

Удостоверение
С. Т. Шацкого —
члена секции
научных
работников
г. Москвы.
1926 г.

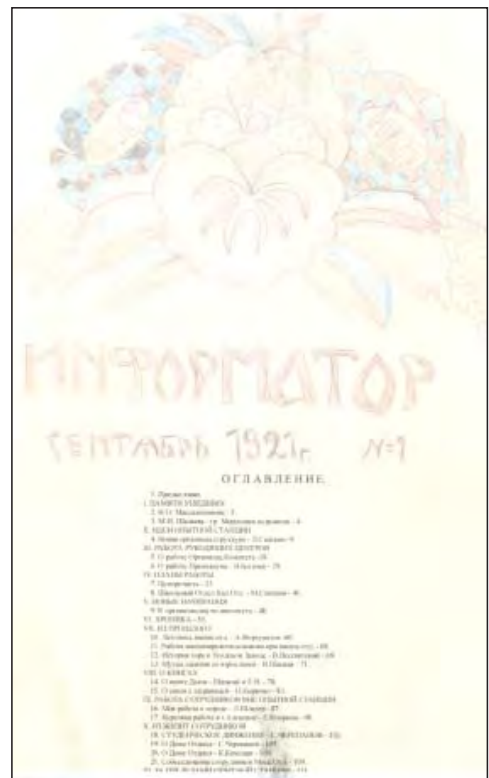
Н. К. Крупская,
Л. Д. Азаревич
(справа),
С. Т. Шацкий
среди учителей —
участников
педагогической
конференции.
Москва, 1926 г.

треть годового бюджета Наркомпроса. *«Попытки местных властей вмешаться в дела Станции решительно пресекались. Луначарский категорически запретил правительственной телеграммой мешать устремлениям педагога. Подобных, поистине «райских» условий, Шацкий не имел во всей предыдущей, многолетней деятельности. И это позволило ему развернуть эту деятельность на всю свою силу, сполна реализовать свой могучий педагогический потенциал. Он создал единый, структурно-организационный комплекс учебно-воспитательных учреждений с единым руководством, единой программной деятельностью»⁷.*

Первая Опытная станция состояла из Городского Московского и Деревенского Калужского отделений. Московское отделение включало школу К. В. Полтавской, детский дом «Гнёздышко» И. Г. Розанова, детский сад Л. К. Шлегера, педагогическую выставку и Информационное бюро. Ежемесячно издавался журнал «Информатор», где освещались события Городского и Деревенского отделений Опытной станции.

Журнал
«Информатор»,
№ 1.
1921 г.

проса утвердили «Положение о Первой Опытной станции», перед которой поставили задачу: изучить окружающую среду как фактор педагогического процесса, влияющего на воспитание и образование детей, и проводить работу по «культурному строительству» среди окружающего населения. Руководство Первой Опытной станции поручили Шацкому, предоставив полную «свободу действий». Все его условия были приняты безоговорочно. Более того, несмотря на сложнейшее экономическое положение в стране, Станции выделили баснословную сумму, составлявшую

Формирование Деревенского отделения началось в марте 1919 года, когда в Угодскозаводской больнице собрались «подвижники» культуры и просвещения края: С.Т. и В.Н. Шацкие, А.А. и Е.Я. Фортунатовы, Н.В. и О.П. Всесвятские, И.А. Молоканов. (Они сформировали организационный комитет, избрали президиум, возложив обязанности секретаря на давнего соратника Шацкого Л.Н. Скаткина, и вынесли решение о начале работы⁸.

Л. Н. Скаткин
(крайний справа)
с педагогами
школы-колонии
«Бодрая жизнь».
1936 г.

Деревенское отделение охватывало населённые пункты, располагавшиеся на границе Боровского и Малоярославецкого уездов. Характеризуя район, где предстояло развернуть работу Станции, Шацкий писал: «Пространство района — 163 квадратные версты или около 17 тысяч десятин. Около половины занято лесом. Остальное — луга и пашины. Преобладает женское население — на 100 мужчин приходится 110 женщин. Очень развиты отхожие промыслы, как и везде почти в Калужской губернии. Из 2500 мужчин рабочего возраста постоянно живёт не более 600. И отсюда совершенно ясно, что вся местная работа лежит главным образом на женских плечах. Следствия этого положения таковы: большая консервативность и отсталость населения, чрезвычайно низкий уровень сельского хозяйства и огромная детская смертность, доходящая до 51%. В общем складывается представление о районе отсталом, отчасти заброшенном, косном, с примитивным хозяйством и весьма низким уровнем развития населения»⁹. Следовательно, считал Шацкий, деятельность Деревенского отделения Опытной станции прежде всего должна быть направлена на создание сети учебно-воспитательных

Карта Деревенского
отделения I
Опытной станции.
1919 г.

Схема
Деревенского
отделения
I Опытной станции.
1919 г.

учреждений, которые стали бы социальными и культурными центрами деревни.

В октябре 1919 года при организационном комитете образовали школьный отдел под руководством Е. Я. Фортунатовой, главной задачей которого было формирование материальной базы и «насыщение Калужского района Опытной станции школами разных размеров, которые наряду с сельсоветами станут социально-экономическими и культурными центрами деревни»¹⁰.

За период с 1918 по 1919 год Опытной станции передали три имения: имение Обнинских в с. Белкино, где организовали пчеловодческое хозяйство и молочную ферму; имение М. К. Морозовой и имение Н. В. и О. П. Всесвятских в Угодском Заводе. Ни-

Юные пчеловоды.
1920 г.

колай Васильевич Всесвятский был хорошо известен местным жителям: врач по образованию, он открыл прекрасную больницу в Угодском Заводе, «был инициатором почти всех общественных начинаний в районе — первых школьных ёлок и вечеров, спектаклей, библиотек и даже почтово-телеграфного отделения. Он создал первый в крае потребительский кооператив. С. Т. Шацкий любил бывать

в доме Всесвятских и нередко сам, шумный и весёлый, увлекал присутствующих новыми идеями. Николай Васильевич, по мере надобности лечил его воспитанников-колонистов»¹¹. «Всесвятский являлся своего рода знаменем, под которым 15 лет (с 1905 по 1919 год) шло всё наиболее сознательное и культурное», — сообщалось в одном из журналов Первой Опытной станции. Незадолго до 1917 года Н. В. и О. П. Всесвятские приобрели небольшое имение, планируя создать образцовое хозяйство и помочь крестьянам сортавыми семенами и племенным скотом. После национализации имения эта работа была продолжена на базе Деревенского отделения. Николай Васильевич продолжал работать в содружестве с Шацким, но 5 июля 1919 года скончался от тифа. В память о своём соратнике сотрудники Первой Опытной станции решили построить новую школу в Угодском Заводе и присвоить ей имя Н. В. Всесвятского, а также продолжить дело, начатое им по организации районной музыкальной школы.

В 1918 году С. Т. Шацкий начал хлопотать о передаче в ведение Опытной станции имения М. К. Морозовой. Как видно из письма Станислава Теофиловича к Маргарите Кирилловне, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы решить этот вопрос положительно.

«Дорогая Маргарита Кирилловна! Делал два доклада в Малоярославце перед учителями в присутствии нескольких комиссаров, развил принципиальные мысли о курсах, о школах и вообще о создании педагогического центра. Результаты таковы: завтра придумать пять представителей всяких отделов, обследовать дело, и так как получил бумаги из Калуги относительно того, что Михайловское целиком относится к Малоярославцу, то они должны заставить боровчан вернуть незаконно взятое.

Дальше дело будет обстоять приблизительно так: имение передаётся Отделу Народного образования для культурно-просветительных целей, а оттуда в ведение колонии. К Вам лично, в совете как будто нет острого отношения. Когда всё определится, я свободно смогу поговорить с пяткинцами о том, что нужно для них сделать.

Затруднения большие с латышами, которые как будто вообразили себя хозяевами. Но я заявил, что при латышах я отказываюсь от всякого культурного дела. Если вы хотите приехать, то не думайте, что кто-то был там. Вместе можно было бы разобрать все дела... Ну, всего, всего хорошего. Не падайте духом и не огорчайтесь. Мы сила на силе, которая ничего не разбирает. Мы расплачиваемся за старое. Я пере-

стал негодовать, и хочу уехать, начинаю кое-что понимать с произведениями Ключевского «Смутное время». Преданный Вам С.Т. Шацкий»¹².

Весной 1918 года имение М.К. Морозовой (85 десятин) передали Опытной станции. В эти уголья вошёл так называемый «Попов луг» (6 десятин), вскоре добровольно переданный крестьянам д. Пяткино «ввиду их малоземелья» и участок земли в овраге реки Репинка, очень удобный для проведения научных исследований. Л.Н. Скаткин сообщал, что «здесь сохранились посадки кедра, горной сосны, гнездится множество пернатых, ещё уцелели барсучьи поселения»¹³. На этом участке установили метеостанцию, проводили экскурсии для учителей и учащихся окрестных сёл и деревень.

В бывшем доме М.К. Морозовой 1 июня 1919 года открыли пятнадцатимесячные курсы, получившие название Морозовских. Слушательница курсов А.В. Лёвина-Богачёва вспоминала: «Во-первых, всё решали коллективно, общим собранием. В основу

на курсах был положен труд. Зимой — пилка и колка дров, работа на скотном: уход за лошадьми и коровами, подвозка продуктов на лошадях, уборка помещения, приготовление завтраков, обедов и ужинов, а вечером всё записывалось в дневник. Весной — огород, поле, оранжерея, летом — полка, косьба, осенью — уборка. Каждый процесс работы по вечерам обсуждался с Шацким. Вот один случай: мы должны были идти косить. Я ещё совсем не умела держать косу, а стыдно — пойду, а если не смогу? Вот я и встала в три часа утра, пошла на верхнее поле, чтобы никто не видел, и стала косить — совсем ничего не выходит. Вся покрылась потом, руки устали, вижу, идёт Шацкий, мне стало неловко,

Слушатели педагогических курсов (в 1 ряду слева — Е.А. Польшман, во 2-м ряду слева — М.С. Семин). 1924 г.

а он так просто с улыбочкой взял косу, рассказал, как надо держать, я поняла, он пошёл дальше, сказав: «Надо обдумывать каждый процесс работы». Сам он весь физический труд хорошо знал.

Вечерами с нами занимались: по педагогике — Е. Я. Фортунатова, по искусству и драматургии — А. А. Фортунатов, Н. О. Массалитинова — игры, В. Н. Шацкая — по музыке,

А. И. Трояновская — по рисованию и лепке. Иногда приезжали лекторы из Москвы. Шацкий с нами ходил на экскурсии и беседовал о природе. Гаврилов с женой — художники, давали указания о костюмах для пьес»¹⁴.

Курсы эти были непродолжительными. В районе катастрофически не хватало учителей. Поэтому курсантов распределили по школам, а их обучение продолжилось в форме курсов-сездов. Еженедельно, в пятницу вечером, все учителя Калужского отделения Опытной станции съезжались в «Учительский дом» в д. Самсоново (бывший дом А. Н. Обнинского), обсуждали работу каждой школы. В любую погоду, подчас не имея подходящей одежды и транспорта, преодолев расстояния иногда в 15–17 километров, учителя приезжали на встречи. «Отмеривая эти километры, мы знали, что за последним утомительным шагом

нас ожидает радость общения с коллективом, творчески работающим над общим делом»¹⁵.

Одним из главных вопросов первых лет работы Опытной станции был вопрос о переходе в её ведение уже существующих на территории Калужского отделения и открытия новых школ. К первым относились земские и церковно-приходские школы Боровского уезда, переименованные в 1918 году

С. Т. Шацкий, Л. Д. Азаревич (слева, во 2-м ряду) среди курсантов. 1920 г.

«Учительский дом» в д. Самсоново. Нач. 1920-х гг.

в единые трудовые: Белкинская (39 учащихся и два учителя — К. К. Розанов, А. С. Кузнецов), Кривская (44 уч-ся, учительница З. Г. Троицкая), Кабицинская (39 уч-ся, учительницы Е. И. Смыкова, С. Г. Троицкая) — все они вошли в Деревенское отделение Опытной станции¹⁶. В Малоярославецком уезде в состав Калужского отделения вошли школы в селе Угодский Завод (Н. Н. Ремезов), в деревнях Величково (учитель С. Н. Ремезов), Потресово (учитель И. И. Нелюбов), Передоль (А. Н. Соколов), Михайловка (П. Н. Любимова), Трясь и Белоусово. К концу 1919 года появились школы в деревнях Самсоново, Пяткино, Доброе. Кроме того, открылись детские сады: вначале в д. Пяткино (1919 год), затем в Угодском Заводе, селе Белкино, деревнях Доброе и Самсоново. Одним из лучших считались ясли в Самсоново, где в течение всей зимы дети-дошколята собирались в школе. Ребята-школьники проводили с ними по пять часов каждую неделю — пели, играли, кормили обедом, делали игрушки. Все эти учреждения вошли в состав I Опытной станции.

В селе Белкино детский сад и школа разместились в бывшем барском доме, здесь же устроили клуб. В Самсоново также школа находилась в бывшем доме А. Н. Обнинского. Помещения, где располагались школы и детские сады, как правило, были не приспособлены для учёбы и досуга такого количества детей, поэтому на протяжении 1920-х годов сотрудники Опытной станции во главе с Шацким решали проблему постройки новых школьных зданий. *«Все надежды были возложены на получение зимних барачков из отдела военного снабжения Красной Армии,— писал Шацкий,— которая охотно предоставила в распоряжение Опытной станции требуемое количество с Рязанского завода.*

Детский сад
на празднике 1
Мая.
Начало 1920-х гг.

Школьники
с. Белкино идут
на расчистку
господского сада.
Начало 1920-х гг.

Учащиеся школы
д. Самсоново.
1920-е гг.

Новая школа
д. Потресово.
1927 г.

С. Т. Шацкий
среди учителей
и учащихся
школ с. Белкино
и д. Кабицино.
1 Мая 1930 г.

Крестьянские общества отнеслись с живым интересом к этой работе, и в целом ряде деревень уже готовятся к привозу своими силами как самих разборных бараков с железнодорожной станции, так и дров, кирпича и других строительных материалов»¹⁷. В 1926 году открылись новые школьные здания в Пяткино, Потресово, в 1927-м — новая кирпичная школа появилась в Кабицино.

Несмотря на большую загруженность в Москве, Шацкий приезжал на открытие школ, выступал перед крестьянами, рассказывая о грандиозных планах строительства школы будущего. «Так, осенью 1920 года он приехал на открытие Стрелковской школы,— вспоминал учитель А. И. Пронин,— построенной при большом трудовом участии населения. Началось торжественное собрание. Я счёл своим долгом

выступить с обширным докладом о принципах советского воспитания, считая, что Станислав Теофилович разовьёт и отшлифует мои неумелые высказывания. Но он «разочаровал» меня. Он очень просто и коротко рассказал собранию, сколько раньше было школ и сколько их стало теперь, в 1920-м году, всего лишь на третьем году Советской власти (надо заметить, что население до революции лет десять хлопотало перед земством об открытии школы, но безуспешно); сколько книг печатали раньше и сколько печатают теперь, сколько учебных принадлежностей выпускают, сколько готовят учителей. Для населения это выступление было, разумеется, неизмеримо более доходчивой агитацией, чем мои рассуждения о педагогике»¹⁸.

Открытие новых школ было только половиной дела, необходимо было обеспечить их оборудованием, наглядными пособиями, письменными принадлежностями, наконец, продуктами и дровами. С этим возникали большие проблемы, особенно в первые годы Советской власти. Шацкий обратился за помощью в Калужский губисполком. Последовало решение: «Ввиду важности значения означенной организации, губпродкому, губземотделу, губсовнархозу и другим учреждениям, в кои руководители означенной организации будут обращаться за содействием, исполнять их ходатайства без всякой задержки»¹⁹.

Список школ
и преподавателей
I Опытной станции.
1920 г.

№ школы	Наименование школы	Уч. год	Сод. уч. год	Наз. преподав.	Данные о преподавателе
1	Потресовская	45	II	Ф.Ф. Ирава	Воспитательница, в школе с 1918 г.
2	Белкино	70	II	В.В. Васильев	Воспитатель, в школе с 1918 г.
3	Лобовская	30	II	А.Г. Давыдов	Воспитатель, в школе с 1918 г.
4	Белкино	47	II	С. Ренков	Воспитатель, в школе с 1918 г.
5	Лобовская	46	II	В.В. Васильев	Воспитатель, в школе с 1918 г.
6	Троицкая	46	I	З.Г. Троицкая	Воспитатель, в школе с 1918 г.
7	Лобовская	35	I	А.С. Мякотина	Воспитатель, в школе с 1918 г.
8	Мякотинская	33	II	М.Н. Лагутина	Воспитатель, в школе с 1918 г.
9	Белкино	36	II	В.В. Васильев	Воспитатель, в школе с 1918 г.
10	Самосовская	26	II	В.В. Васильев	Воспитатель, в школе с 1918 г.
11	Семинская	46	I	А.И. Семин	Воспитатель, в школе с 1918 г.
12	Троицкая	50	I	М.И. Скаткин	Воспитатель, в школе с 1918 г.
13	Потресовская	47	II	А.В. Заминин	Воспитатель, в школе с 1918 г.
14	Добропольская	127	II	В.В. Васильев	Воспитатель, в школе с 1918 г.

работали прекрасные педагоги — А.С. Мякотина, З.Г. Троицкая, О.И. Лагутина, в Кривошеино — А.Г. Орлова, А.А. Григорьева, И.И. Лебедева, в Пяткино — А. Котин, З.Т. Большакова, в Белкино — М.Е. Великанова, Ю.С. Обнинская, в Потресово — М.С. Сёмин, в д. Доброе — М.И. Лобатая²².

В Кривской школе в начале 20-х преподавал М.Н. Скаткин, только что закончивший педкурсы в Морозово. В своём днев-

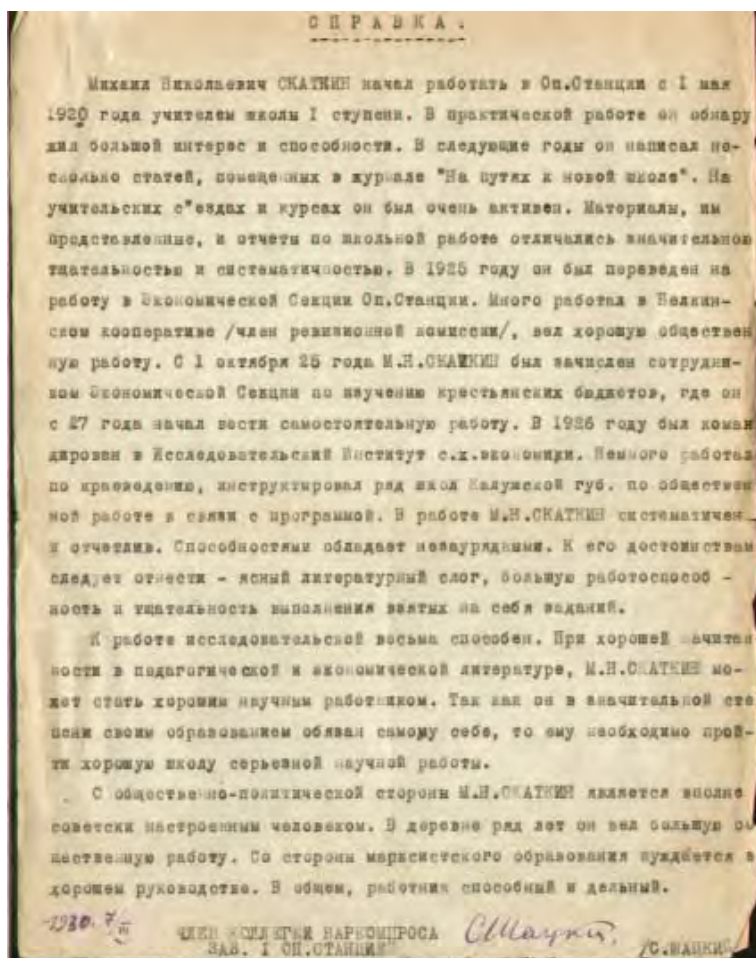
М.И. Лагутина
с учениками
начальной школы.
1925 г.

нике начинающий педагог записал: «Устроился я уютно, в светлой избе. Утварь в достаточном количестве, продовольствия хватает (учителям Опытной станции выдавали капусту, муку и другие продукты, хлеб пекли сами или с помощью хозяев). Только вот школа стоит без окон и с испорченной печкой. Когда начнутся занятия — не знаю»²³. Михаил Николаевич смог организовать учебный процесс, проводил обследование деревни, составлял экономические отчёты о крестьянских хозяйствах, выступал на крестьянских сходках, рассказывал, как правильно сеять, какие культуры лучше высаживать, как удобрять почву. В 1923 году Михаил Николаевич

женился на учительнице Клавдии Петровне Канарейкиной. Супругов направили в Самсоновскую школу, выделили для жилья кладовушку в крестьянском доме рядом со школой. Вскоре Михаила Николаевича пригласили работать в экономическое бюро Опытной станции, созданное для изучения окружающего района в помощь сельсоветам.

Дети, приходившие в начальную школу, были самые разные и по возрасту, и по уровню подготовки. Первоклассники Кривошеинской школы не умели держать в руке карандаш, в первом классе Угодскозаводской и Белоусовской школ, напротив, дети знали буквы, а некоторые даже читали. Задолго до начала занятий учителя изучали контингент будущих первоклассников, бывали в семьях, ходили с ребятами на экскурсии в лес. Особенно тщательно работали Мария Ивановна Лобатая из д. Доброе, Софья Алексеевна Польшман из начальной школы «Бодрой жизни».

Накануне начала занятий учителя проходили по деревне, заходили в каждый дом, проверяя готовность учеников к школе. Из центра приезжала придирчивая комиссия, осматривала

Характеристика на М. Н. Скаткина. 1930 г.

М. Скаткин. Общественная работа деревенских школ. 1926 г.

школу, как правило, не находя «ни сучка, ни задоринки». *«Школа чистая, блестящая,— вспоминала И. И. Лебедева,— в классе цветы, в зале столы накрыты новыми клеёнками, на стенах картины. В саду красуются яблоки. В цветнике благоухают флоксы, радуют глаз душистый горошек, астры. Двор чисто прибран, всё посыпано жёлтым песком. На школьном огороде тоже весело: лежат тыквы, кабачки, зеленеют ещё огурчики, даже земляные орешки поспели. Комиссия из детей показывает с гордостью свой инвентарий, который аккуратно хранится в сарае, сорок пар лыж. Дети показали и свою маленькую мастерскую, где они любят работать, библиотеку, где стоят полторы тысячи книг. А мы, учителя, показываем свой методический кабинет»*²⁴. Первое сентября было большим праздником для всей деревни. Матери, отправляя детей в школу, говорили: «Ну, у тебя сегодня всё равно как у нас Христов день!»

В годы становления советской школы каждый учитель преподавал по своим программам, используя местный материал. П. В. Сучкова вспоминала: *«Откуда-то учителя доставали церковные книги. Нам было удивительно и интересно, что там записаны фамилии наших кабыцнских мужиков. Кто говел, кто не посещал церковь. По математике решали задачки на местном материале. Помню, что были удивлены, когда высчитали, что наши поля и огороды, обработанные дедовским способом, не дают дохода. Мы учились читать не по учебнику. Нам из Морозово учителя привозили «книжки-коллективки», на класс по десять штук, и задавали по ним уроки. Помню, в 1922 году мы читали об одной деревне, как там крестьяне имели общее хозяйство, и очень подробно описывалась жизнь учеников начальной школы. Как ухаживали за телятами, жеребятами. Нам хотелось жить, как они. Мечтали наши пруды расчислить, посадить цветы, разбить сады в своей деревне»*²⁵.

Чтобы узнать жизнь детей, понять их психологию, выяснить их желания и потребности, педагоги предлагали ученикам написать сочинения, как зеркало, отражавшие традиции, быт и идеалы деревни. А. С. Мякотина писала: *«Не зная достаточно полно все щупальца, которые ещё держат ребят на старых идеологических позициях, мы не сможем по-настоящему вести борьбу с этими щупальцами. Только на основе подлинных детских записей, пусть в некоторых случаях показывающих отрицательное лицо среды, мы сможем вести подлинно руководящую работу в формировании мировоззрения. Только при беспощадном анализе всех болезней мы сможем принимать профилактические меры»*²⁶.

№ 822 ^{Отчет ссрм. на ртти. иорати}
 отчет ^{кабинетный ил. № 2/20}
 то мы узнали по хозяйству
 деревни и зачем узнавали про это.
 Мы по хозяйству деревни узнали
 от того: разбирали трех полей и
 сторех - полей а потом после их
 вели вместе и узнали что дает
 трех-полей убогости или прибогости и
 то дает сторех полей. И что бы
 се это узнать, мы брали у ссрм со
 брата списки и разбирали все по этим
 спискам, потом писали планы и со-
 ставили таблицу, а после брали
 ссрм, одной что бы знать родите-
 лей. Узнавали можно ли прокорнниться
 иныи обилии тааиствоя без селенных
 работ, мы узнали что обилии тааиств
 быт всей селен прокорнниться пелен,
 а без тааиств надо закипать землиде-
 лия, еще узнавали полей у
 нас в деревне не хватает полей

Отчет учащегося
 школы д. Кабицино
 на родительском
 собрании «Что
 мы узнали
 по хозяйству
 и зачем узнавали
 про это».
 1927 г.

X ^{16 марта} 167
 Как мы собирали золу.
 Мы ученики решили на собрании собирать золу. Мы вызвали нас
 ссрм Кривошеинскую школу по сбору золь. Теперь мы стараемся
 собирать золу. Мы решили на собрании ученикам в два мешка по ведру
 а крестьянам в два мешка по 5 ведер. Ученики собрали 10 ведер.
 А крестьяне 67 ведер. Золу мы идём для удобрения земли под
 картошку. Но некоторые крестьяне не собирают золу, потому что мы не
 знаем для чего идёт зола, или просто не хотят. Когда ученики
 собрали, тогда крестьяне стали собирать золу. Мы на собрании
 решили идти на деревню по три человека. В три дня мы
 пришли - хорошо, а в другой день еще лучше и показали золу, а в
 третий день пришли с два ведра, нам сказали: «на то она вам,
 идите отсюда, какую вам золу, не будет собирать». А мы
 сказали: «для удобрения полей».
 Леонид Анопа Учитель Истории Пласской Школы.

Сочинение
 «Как мы собирали
 золу» учащегося
 д. Трясь.
 Нач. 1920-х гг.

Книга. Трудовые
уголки в деревенской
школе.
1927 г.

Вот лишь некоторые выдержки из детских сочинений:

«Когда у нас в деревне бывает праздник, то наши родители покупают вино или самогонку и нас угощают, а если мы отказываемся, то нас заставляют пить самогонку. Недавно был праздник, и пьяный брат заставил ученика выпить два стакана самогонки. От ней у него кружилась голова, а ноги подсекались. На другой день он пришёл в школу и не знал урок. Пяткинская школа, 2 группа».

«Что я делаю дома. Подметаю, затопляю маленькую печку, курам посыпаю, молочка котикку даю, дрова ношу, стираю, нашего кота мну, убираю постель, корову загоняю, поросёнка чешу. Самсоновская школа».

«Развлечения и затеи мальчиков в д. Самсоново. Ходили по лесу и стреляли в цель. Костёр жгли, кусты поджигали. Ворону крестили, называли Арина, другую — Акулина. Вороньих детей сбрасывали. По птичьему пели, на дятла красовались, ужа смотрели, змею палкой понабдавали. На пьяных смотрели, вокруг хоровод водили. На деревья влезали, как обезьяны».

«Сочинение про насекомых в доме, как борются с ними и что про них говорят. Тараканов у нас нету. Сверчков у нас нету. Пауки у нас кое-где ползают. Клопов у нас много, и мы их обвариваем кипятком, и у нас есть такой самоварчик. Блоха у нас есть в одеяле. Моли у нас нету. Вишн есть у всех, они водятся всех больше в голове»²⁷.

Прочитав такие сочинения, учителя ясно представляли, что надо начинать «борьбу с антисанитарией», организовывать культурный досуг детей, увлекать их интересным, созидательным трудом. Детские санитарные комиссии во главе с учителями ходили по домам с зубными щётками, полотенцами, выдворяли из изб поросят и телят, «объявили войну» клопам и тараканам. Хозяйки сопротивлялись, говоря, что «таракан в доме — к богатству», «ушёл таракан — жди беды». Приходилось беседовать с «несознательными элементами», убеждать, приглашать из района врачей с докладами, поощрять тех, кто избавился от грязи, «фунтом мыла, полотенцем, настольной лампой и благодарностью». «Бывали случаи,— писала А.С. Мякотина,— когда к школе подходили ребята дошкольного возраста, которые, войдя в класс, сразу ставили «вопрос ребром»: «Сошьёте нам платьца, мы тоже руки моем? Мы, конечно, всем платьца шить не могли, но отдельным ребятам, где очень тяжёлое положение в семье, шили из ткани, получаемой с местной Ермолинской фабрики»²⁸.

В 1926 году в деревенских школах организовали трудовые уголки, где ребята делали нужные для хозяйства вещи: кормуш-

ки для птиц, вешалки, мышеловки, крышки для вёдер, коньки, лыжи, городки. Крестьяне одобряли это новшество. *«Зашёл как-то в школу крестьянин: “Александра Степановна, я слышал у вас мастерская, можно мне к вам прийти, для дома кое-что сделать? Шацкий, наверное, всё это удумал, теперь ребятам занятно учиться”»*²⁹.

Учителя поставили перед ребятами вопрос: «Что у вас в деревне плохого? Что мы можем сделать хорошего, чтобы жить стало лучше?» Ребята отвечали: *«В нашей деревне много есть, что плохого. Вот идёте вы по дороге, а тут грязь по колено. Потом совсем цветов нету. А потом, тем у нас нехорошо, что помойка не одна, а кто где что-нибудь выльет, там и помойка, а то и посередь деревни помойку устроят. Хорошо бы нарыть клумбов побольше и насажать туда цветов. А весной наделать скворечников, чтоб скворцы там жили»*³⁰. Сказано — сделано: организовали комиссии по благоустройству села, общества цветоводов, получили из школы-колонии «Бодрая жизнь» белые халаты, маленькие лопаты, формалин и с самым торжественным видом пошли по селу на «ликвидацию помоек». Своим внешним видом маленькие санитары вызывали «великое уважение» местных жителей, которые вскоре к приходу комиссии старались убрать свои улицы от мусора. Когда «навели чистоту» вокруг домов, решили украсить улицы и палисадники цветами. П. В. Сучкова вспоминала: *«Весной, соблюдая очерёдность, родители ехали за цветочной рассадой в оранжерею «Бодрой жизни». Мы*

Учащиеся школы
д. Кабицино
на пришкольном
участке.
Сер. 1920-х гг.

сажали цветы в своих садиках. У меня был очень ненадёжный заборчик у цветничка. Овцы в каждую щель пролезут. И я ежедневно, каждое утро безропотно вставала стеречь цветник. Однажды я не встала утром, овцы всё съели. Сколько было слёз! Летом, когда цвели цветы, приезжала Валентина Николаевна Шацкая на лошади «Ночка». И все ребята, от мала до велика, шествовали за цветочной комиссией во главе с Шацкой. Ходили от дома к дому, Валентина Николаевна хвалила каждый цветок. Как же я краснела, что мне нечего показать.

Приезд Валентины Николаевны был для нас радостным событием. От неё веяло культурой, интеллигентностью, благородством. После осмотра Валентина Николаевна заходила в школу, играла на необычном для нас инструменте — пианино. А мы, затаив дыхание, слушали»³¹.

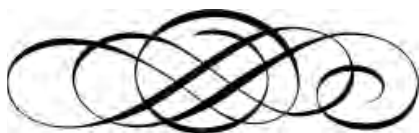
Деревенские школьники с большим уважением относились к старшим ребятам, учившимся в школе-колонии «Бодрая жизнь», и тоже мечтали стать колонистами. Для них это был другой мир с особой жизнью, хозяйством, распорядком. Они с удовольствием посещали колонию: учились правильно собирать семена, пикировать помидоры, получали рассаду цветов. В конце лета приходили в колонию на Праздники Цветов и Урожая. Седьмого ноября и Первого мая для деревенских ребят устраивали вечера в большом зале Морозовской дачи. Ученик кабицинской школы Дудкин так описал один из праздников: «Мы пошли ходко. Дошли до Морозова и у белого дома увидали ребят из других деревень, тоже пришедших на праздник. Мы вошли в комнату, сели на скамейки и стали слушать доклады. Потом спросил слово Шацкий. Он сказал: «Ребята, вы ещё малыши, а такими важными делами занимаетесь, может и взрослые за вами пойдут к светлому будущему!»

Потом колонисты показывали представление, как раньше жил барин, крестьянин, и как они живут теперь. Потом нас сняли на карточку (сфотографировали), поставили столы и начали угощать: раздали по ломтю хлеба, по половине яйца, яблока и огурца. И ещё пили чай. После чаепития мы с белкинскими учениками дошли до Белкина, потом нас догнали подводы, и мы доехали до деревни благополучно и счастливо»³².

Окончив начальную школу, ребята продолжали учиться в старших классах школы-колонии «Бодрая жизнь», являвшейся учебно-воспитательным, общественно-политическим и культурно-просветительным центром нашего края в 1920-е годы.

Глава IV

Школа-колония «Бодрая жизнь»

Первая мировая война, политические потрясения 1917 года повергли страну в хаос и разруху. Многие семьи остались без кормильцев, голодали, мёрзли в холодных домах. Жизнь в столице как будто замерла в ожидании перемен. С.Т. и В.Н. Шацкие собрали своих питомцев в Вадковском доме. Обсудив создавшееся положение, решили на следующую зиму поехать в колонию. Во-первых, нужно было сохранить хозяйство, во-вторых, в деревенской глуши легче было прокормиться, да и проблем с дровами не возникнет — вокруг лес.

Осенью 1918 года пятнадцать ребят, Шацкие и ещё два сотрудника выехали на зимовку в колонию. Так «Бодрая жизнь» из летней превратилась в круглогодичную школу-колонию. С 1917 года заведовать колонией стала В.Н. Шацкая. На первых порах возникали большие трудности. Сотрудница колонии Е.Н. Хиронова писала: *«Условия жизни были тяжёлые. Теснота. Наскоро приспособили для жилья баню и прачечную, где спали, учили уроки, шили, стирали и даже умудрялись устраивать маленькие спектакли. Голод, все ребята были без обуви и тёплого платья. Ходили в лаптях. Приходилось по пояс в снегу пилить дрова для себя и для оранжереи в Морозовском имении. Но хуже всего было то, что не было огня. Вечера проводили с одной лампочкой или при свете горящей печки. Но мы не унывали. Спаялись в одну семью и ещё более привязались к колонии»*¹. Своих продуктов, добытых с огорода и скотного двора, не хватало, поэтому ребята вместе с Валентиной Николаевной грузили на телегу пианино, ехали в соседние деревни с кон-

В.Н. и С.Т. Шацкие.
1922 г.

А. В. Левина-
Богачева
с колонистами.
1920 г.

Дом,
перестроенный
из барака.
Нач. 1920-х гг.

цертами — плату за выступления получали продуктами и тёплыми вещами.

После организации Деревенского отделения Первой Опытной станции положение значительно улучшилось. В 1920 году из материалов с Малоярославецкого лесопильного завода построили фанерные бараки. Затем Шацкий «выбил» ещё четыре госпитальных барака. Их соединили в одно здание в виде буквы «П», добавив в середине большую открытую террасу и мансарду с высокой крышей на первом этаже. После такой перестройки дом стал выглядеть менее скучным. Здесь устроили столовую, общежитие и библиотеку. В одноэтажном, оштукатуренном бараке впервые начались планомерные школьные занятия. В 1923 году первые выпускники покинули школу.

Осенью «Бодрая жизнь» преобразовалась в районную Деревенскую школу II ступени, сохранив из I ступени только третью и четвёртую группы. Основной задачей нового школьного учреждения на ближайшие годы стало создание детского и юношеского центра окружающего района. Из тринадцати сельских начальных школ в старшие классы приходило учиться около двухсот детей. Больше половины из них жили в общежитиях, остальные, чьи деревни находились недалеко от колонии, считались «приходящими» и ве-

Первые
выпускники. 1923 г.
(1 ряд слева
направо):
Катя Кожевникова,
Вера Преснова;
2 ряд: Валя
Изачик,
Миша Смирнов,
Петя Скаткин,
Люба Цирлин,
Нина Маврина

чером уходили домой. «И вот, те самые «приходящие» из этих деревень,— вспоминал Ю.Н. Скаткин,— возвращаясь домой, не могли рассказывать своим друзьям о жизни в колонии, не вызывая у них зависть. И упрашивали тогда ребята своих родителей, чтобы они отпустили их «жить у Шацкого». А Митя Расторпнов из Белкино даже пригрозил матери, что он сам убежит в колонию, если мать с Шацким не поговорит. Ваню Кондратьева из Тарутино, наоборот, пугали колонией, если он в своей деревенской школе будет плохо учиться. А он выведал у ребят, что это за колония и сам запросился туда»².

Воспитанники школы были, в основном, из многодетных, малообеспеченных семей. Многие из них, потеряв родителей, находили здесь свою вторую семью. Так, по ходатайству Общества политкаторжан приехали братья Анатолий и Юрий Дмитриевы. Оставшись сиротами или потеряв одного из родителей, воспитывались в колонии Татьяна Сероногова, Трофим Кутырин — из Белкино, Лида

и Ваня Пановы — из Пяткина, Серёжа Саржин — из Спас-Загорья, Михаил Коротков — из д. Любицы.

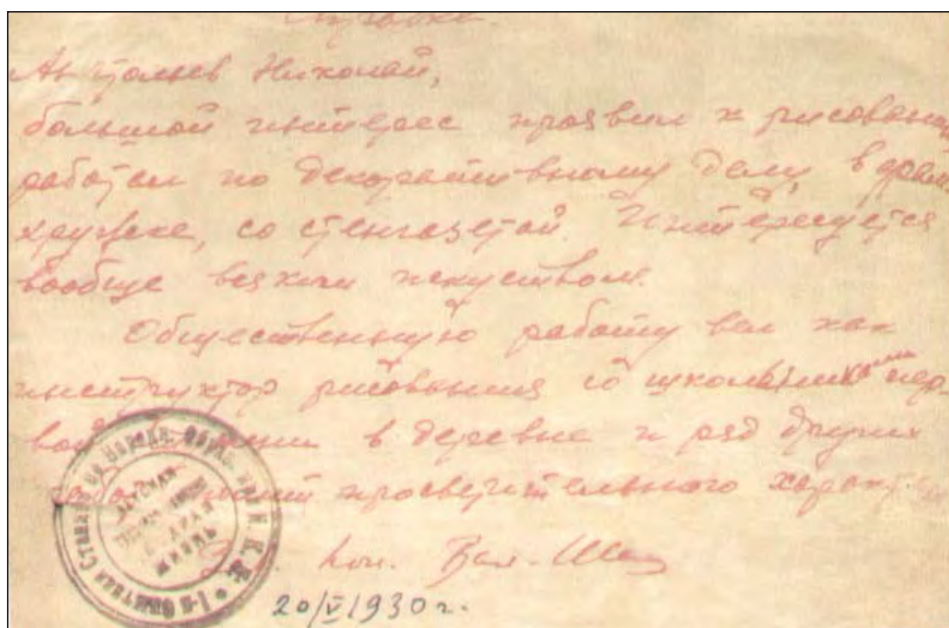
Летом 1926 года в «Бодрую жизнь» пришёл «босоногий мальчуган» в грязных штанах, рубашке навыпуск. «Кто ты такой и как тебя зовут?» — спросили колонисты. Мальчик ответил, что зовут его Николай и что сбежал он от приёмных родителей, кото-

Ходатайство Центрального совета Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев о приёме в школу-колонию «Бодрая жизнь» Юрия и Анатолия Дмитриевых. 1927 г.

Н. Анатольев (в центре) с друзьями. Слева — Н. Шильников). 1926 г.

Справка
Н. Анатольеву,
воспитаннику
школы-колонии
«Бодрая жизнь»,
активному
общественнику,
юному художнику.
1930 г.

рые его били и не давали учиться. Пока Николай уплетал хлеб, ребята с любопытством стали разглядывать его альбом для рисования, а беглец говорил, что очень любит рисовать, а красок нет. «Я их из травы делаю. Потру маленько и рисую», — пояснял Николай»³. Вскоре Николай Анатольев стал полноправным членом колонии, учился рисовать в изостудии А. В. Гаврилова, подружился с Юрой Скаткиным и Николаем Шильниковым.

Разных по возрасту и по социальному положению ребят предстояло сплотить в единый коллектив. А это было непросто. В одном из отчётов Валентина Николаевна сообщала, что особенное внимание нужно обратить на «приходящих», которые не желают выполнять общественные поручения, в столовой пытаются ухватить лучший кусок, в общежитии занять лучшее место. «В их представлении, — сообщала Шацкая, — школа — это то, когда учат; собрания, участие в труде — это не школа, а нечто, отнимающее время»⁴. «Приходящие» из одной деревни старались держаться вместе, селиться в одной комнате, играть в одной футбольной команде. «Кабицинские» жили своей деревенской жизнью и всех посвящали в текущие события и новости деревни. «Самсоновские» пришли своей группой, вначале держались изолированно, с большой осторожностью входили в общественную жизнь.

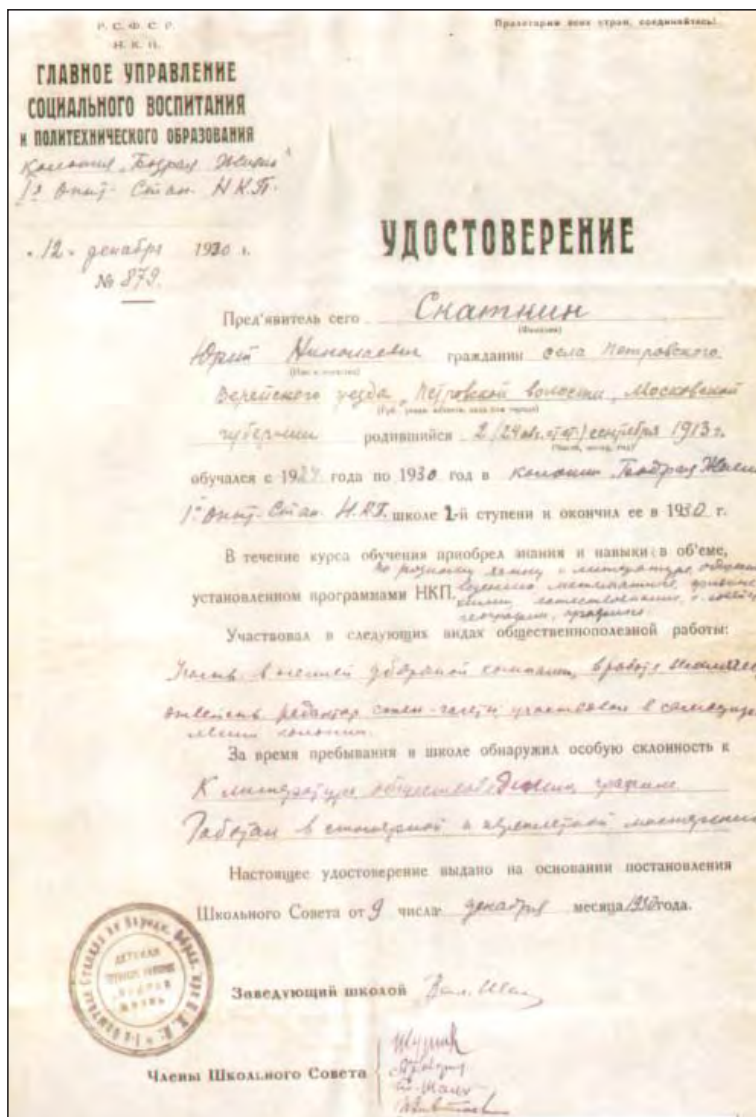
Особенно трудно было найти подход к «платным» (приходящим детям, обучавшимся за плату — пять рублей в месяц). Первое время они смотрели на многие дела как на одолжение, особенно на воскресные дежурства, лишаящие их возможности пойти домой. «Это совсем не наше дело, — говорили они, — на кой нам

скотный, он — не наш, пусть и работает, кто не платит». Иногда «платные» продавали своё дежурство за 25 копеек. Исходя из отчётов В. Н. Шацкой, все эти проблемы удалось решить. К середине 1920-х годов колония представляла собой крепкий, слаженный коллектив детей и педагогов с большим опытом организации учебной деятельности, труда и досуга.

Основной пружиной в жизни колонии было самоуправление. Все вопросы решались на общем собрании. Учителя и колонисты чувствовали себя «на равных», если надо, критиковали, невзирая на лица. Здесь же выбирали нарядчика. Его распоряжения выполнялись безоговорочно. Нарядчик не обращал внимания, где мальчики, где девочки. Важно количество их для работы. П. В. Сучкова вспоминала: «Помню, нас с Ниной

Ивановой назначили ехать в Морозово в пекарню за хлебом. Дали нам на ферме коня-ломовика. Звали его Копчёный. Стали мы его с горы погонять, а он встал и ни с места. Мы «творчески» решили забраться на верх горы и оттуда бегом спуститься вниз. Копчёный увидит и за нами пойдёт. Но он, видимо, нас не понял и с места не стронулся. Три раза мы это проделывали. Кричали, лупили двумя палками. На глазах — слёзы от отчаянья, хлеб-то нужен. А Копчёному надоело стоять и нас мучить, и он тихонько пошёл за хлебом»⁵.

Зимой 1925 года ко лонию облетела новость — будут строиться новые здания. Колонисты с нетерпением ждали выходной день, когда приедет Шацкий и подтвердит эту новость. Станислав Теофилович рассказал, что это будет новая, двухэтажная школа со светлыми классами, библиотекой, учительской и большим залом со сценой, где можно будет выступать с концертами и спек-

Удостоверение
Ю. Н. Скаткина,
воспитанника
школы-колонии
«Бодрая жизнь»
с 1924 по 1930 гг.

Колонисты
едут на лошади.
2-я справа —
Берта Аузина.
Нач. 1930-х гг.

таклями. После Нового года приехали рабочие — стройка началась. *«И пришёл, наконец, тот день, когда засверкали стёкла в окнах новых построек. Как заботливые хозяева, принялись колонисты наводить порядок. Девочки взялись за тряпки, чтобы мыть окна, мальчики — за носилки, выносить мусор. Когда навели чистоту, началось великое переселение, только не народов, а мебели и имущества»*⁶.

Вновь построенное здание считалось главным корпусом, справа и слева от него, образуя круг, располагались небольшие одноэтажные домики: общежития, квартиры сотрудников, изостудия, баня, прачечная, больничка. В 1934 году построили одноэтажное здание, где жили преподаватели Н. П. и А. Д. Кузины, Д. Ф. и М. В. Тамицкие, Е. М. Кадомская (ныне — отдел вневедомственной охраны). Рядом, в небольшом деревянном доме в 1933 году разместилась начальная школа, ранее находившаяся в д. Самсоново. Здание оказалось слишком маленьким, поэтому

Новое здание
школы.
1925 г.

1. Домик Шациков.
2. Общежитие мальчиков.
3. Общежитие девочек и взрослых.
4. Электростанция.
5. Изолатор.
6. Общежитие девочек.
7. Общежитие мальчиков.
8. Общежитие мальчиков.
9. Общежитие мальчиков.
10. Общежитие мальчиков.

План-схема
школы-колонии
«Бодрая жизнь»
и комментарии,
составленные
В. Н. Лебедевым.
2012 г.

в 1938 году построили новое (ныне — дом на улице Шацкого). На правом берегу реки Репинка, в 50-ти метрах ниже нынешнего кинотеатра «Мир», стоял домик, где жили Шацкие. Чуть ниже, по склону оврага, долго сохранялось двухэтажное здание клуба-столовой, разобранное в конце 1970-х годов (во время войны здесь находился штаб 53-й стрелковой дивизии полковника А. Ф. Наумова). Вокруг — волейбольные, баскетбольные, футбольные площадки, сады, огороды, скотный двор, ферма.

Чтобы пройти к ферме, а затем к Морозовской даче, колонисты шли по краю оврага небольшой речушки Репинки. Один из холодных ключей, наполнявший её воды, обложили кирпичом и назвали «Милым ключиком». «Милый ключик», затерявшийся в зарослях кустарника, был любимым местом свиданий влюблённых, особенно весной, когда благоухала сирень и пели соловьи. За оврагом, на пригорке, находилась ферма, где содержались коровы, лошади и множество другой живности. По воспоминаниям колонистов, «*достопримечательностью*» фермы была неизвестно когда переселившаяся сюда статуя безрукой

Изолятор,
электростанция
(справа), столовая-
кухня (слева).
1925 г.

Общежитие
мальчиков.
1926 г.

Дом Шацких.
Конец 1920-х гг.

Баня-прачечная.
1922 г.

Общежитие
девочек.
Конец 1920-х гг.

Колонисты
у «Милого
ключика».
Крайний справа —
Н. Шильников,
слева —
Н. Гаврилов.
1920-е гг.

Венеры. Она невозмутимо стояла на кирпичном постаменте при въезде на ферму. Когда-то проходила ревизия фермерского имущества, и проверявший, взглянув на статую, скомандовал: “Пиши! Статуй безрукий. Требуется ремонта”»⁷. Повернув от фермы налево, пройдя через мост, парк и оранжерею, доставшуюся в наследство от М. К. Морозовой, колонисты шли на уроки в кабинеты физики, химии, биологии, находившиеся в Морозовском доме.

Школа-колония «Бодрая жизнь» являлась экспериментальной базой Деревенского отделения Первой Опытной станции. Здесь проверялись различные формы и методы преподавания: дальтон-план, плэтон-план, метод проектов. Наибольшее развитие в экспериментальных школах начала 1920-х годов получил комплексный метод преподавания, при котором область практического участия молодёжи в социалистическом строительстве увязывалась с теоретическими занятиями в учебных кабинетах.

Колонистки
Е. Лобанова
и М. Анисимова
у статуи «безрукой
Венеры».
1922 г.

Морозовская дача.
Нач. 1920-х гг.

-4-

[illegible]

ла материал к отчёту по цветоводству. Надо сказать, что этот материал не представлял интереса для математики, а затрачено на него 70 учебных часов, много времени пошло на черчение диаграмм»⁹. С.Т. Шацкий, выступая перед учителями, требовал, чтобы знания по основным предметам были систематическими, не связанными с какой-либо комплексной темой. *«Возникает вопрос,— писал педагог,— как при проработке темы о домашнем скоте дать понятие о десятичных дробях или в области языка — как связать корову с шипящими согласными»*¹⁰.

Педагогические проблемы переходного периода «времени Крупской» не коснулись школы-колонии «Бодрая жизнь», где преподавали талантливые педагоги. *«Работать в школе-колонии было радостно и трудно,— писал завуч школы Н. П. Кузин,— трудно прежде всего потому, что школа требовала от педагога самоотверженного труда, полной отдачи. По сути дела, всё время учителя, а не только часы учебных занятий, принадлежало детям. Работа в этой школе требовала большой любви к делу, к детям. Если попадали в коллектив учителя, показённому относящиеся к работе, то долго в нём они не задерживались — уходили, не выдержав напряжения и высокой требовательности, которые предъявляли к ним товарищи»*¹¹.

Для педагогов школа-колония «Бодрая жизнь» была родным домом, где жили и учились их жёны, мужья, дети, братья, сёстры. Из кривошеинской школы пришла преподавать в начальные классы Анна Георгиевна Орлова. Здесь же учились её сестра Вера и сын Егор — гордость школы им. С.Т. Шацкого, единственная радость и надежда матери, погибший в самом начале Великой Отечественной войны. Анна Георгиевна создала в начальной школе атмосферу удивительной доброжелательности. Недаром по окончании занятий ребята не очень спешили домой.

В 1919 в «Бодрую жизнь» приехали сёстры Софья Алексеевна и Елизавета Алексеевна Польшман, всю жизнь посвятившие школе им С.Т. Шацкого¹². Вероятно, они познакомились с Шацким в Москве, где жила их сестра Мария с мужем Николаем Нюнбергом. Станислав Тео-

Е. А. Скаткина
с учащимися
4 класса школы
им. С.Т. Шацкого.
1936 г.

А. Г. Орлова
с учащимися
начальной школы.
1930-е гг.

А. Г. Орлова ведет
урок географии
в 3 классе.
1930-е гг.

филович часто бывал в гостях у Нюнбергов и, однажды увидев сестёр, предложил им переехать в колонию. Софья Алексеевна преподавала в начальной школе, Елизавета Алексеевна — математику в старших классах. По воспоминаниям Т. С. Соловьёва, Елизавета Алексеевна «была математиком «от бога», читала свой предмет с глубоким знанием дела, живо и вдохновенно, поэтому отстающих по математике у нас не было». Эта на вид маленькая, хрупкая женщина умела «держат в руках любой класс», но при внешней суровости была добрым и отзывчивым человеком. Иногда можно было видеть, как Елизавета Алексеевна несла «на закорках» порезавшего ногу ребёнка. Как и все учителя школы, она вела большую общественную работу: руководила клубом сельской молодёжи, курировала работу Белоусовского сельсовета, в 1927, 1931–32 годах замещала В. Н. Шацкую на посту директора. В «Бодрой жизни» Елизавета Алексеевна «нашла свою судьбу». В начале 20-х годов по приглашению брата в колонию приехал молодой учитель Теодор Теофилович Шацкий¹³. Вскоре Елизавета Алексеевна и Теодор Теофилович поженились, в 24-м роди-

Е. А. Шацкая
(во 2 ряду
третья слева)
с учащимися.
1934 г.

лась дочь Валя — выпускница предвоенного десятого класса школы им. С. Т. Шацкого¹⁴.

Теодор Теофилович Шацкий — талантливый педагог-физик, строгий, требовательный к ученикам — сумел привить многим колонистам любовь к своему непростому предмету. Теодор Теофилович не терпел зубрёжки и говорил: «Понимаете ли, физика вся в руках!» Когда к нему обращались за новой тетрад-

кой, он всегда спрашивал старую, просматривал её — правильно ли сделаны чертежи, схемы. Однажды на улице пятиклассники спросили у Теодора Теофиловича, как устроен таран. Увидев проходящую мимо Паню Сучкову, он сказал: «Паня, объясни им, как устроен таран. Если они не поймут, то ты будешь сдавать мне тему “Жидкость” снова». В кабинете физики его всегда окружали мальчишки: собирали фонарики, аккумуляторы, Пафнутий Глебов даже собрал фотоаппарат. Члены физического кружка провели в колонию электричество, изготовили насос для подачи воды в баню и прачечную. В один из дней Теодор Теофилович обратился к ребятам с предложением провести в колонию радио, чтобы быть в курсе всех событий. «Как же так получается, — сказал он, — из Москвы вещает радиостанция имени Коминтерна, а мы, находясь в ста верстах, не слушаем её передач?». Ребята одобрительно загудели, и работа закипела: одни собирали из берёзовых дощечек корпус, другие наматывали звонкую проволоку на деревянную болванку с металлическими спицами и проваривали её в парафине, третьи занимались сборкой, укрепляли графитовый кристаллик, а в заключение планку с иголкой приворачивали. Теперь дело было за антенной. Старшие колонисты привезли из леса два ровных шеста, крепко скрепили один с другим, водрузили их... Громкое «ура» огласило

Колонисты готовят площадку для футбольного поля. Слева — Е. А. Шацкая и дочерью Валея. 1925 г.

Т. Т. Шацкий с колонистами В. Скаткиным (лежит) и Е. Андреевым. Конец 1920-х гг.

В физическом кабинете. Нач. 1930-х гг.

Слушают радио. Крайний слева во 2 ряду — Д. Ордожоникидзе, 3-й — Л. Яковлев, в 1 ряду в центре — О. Пиотровская. Сер. 1930-х гг.

колонию»¹⁵. Местные крестьяне, узнав, что в колонии есть радио, прислали к Валентине Николаевне ходоков с просьбой установить радио в их деревнях. Вскоре в Кривском, Самсоново и Добром жители могли «слушать Москву» по радиоприёмнику.

Одним из любимых развлечений ребят было кино. И здесь не обошлось без любителей физики. На занятиях у Теодора Теофиловича младшие колонисты изучали устройство киноаппарата, чтобы заменить старших на киносеансах. *«По субботам в кинозале набивается много народу,— писал один из колонистов.— Ленты привозят из Москвы. Вот в последнюю субботу привезли кино «Бухта смерти». Вот началось кино. Люди забегали, и на море вышел пароход «Лебедь». Фильм был интересный — про мирное время. Но я больше люблю смотреть про войну. Особенно, когда «красные» побеждают «белых»*¹⁶.

С.Т. Шацкий сам подбирал педагогов для колонии, он «выискивал» их и в столице, и в глубинке; каким-то особенным чутьём понимая, что это именно тот учитель, который нужен «Бодрой жизни». В июне 1923 года по его рекомендации из Угодскозаводской школы пришёл в колонию математик Павел Алексеевич Фаворский и буквально «влюбил» старших колонистов в свой предмет¹⁷. Под его руководством ребята ходили в близлежащие деревни измерять усадьбы, определяли процентный состав почв в огородах, производили расчеты кормов для коров на ферме. Завидев Павла Алексеевича, крестьяне подходили к нему с разными вопросами, советовались, как лучше вести хозяйство, просили помощи в спорах по разделу усадеб. Фаворский, прекрасный скрипач, организовал в колонии оркестр народных инструментов, состоявший, в основном, из домр. *«За этими домрами мы с Павлом Алексеевичем в Москву ездили,— вспоминал Ю.Н. Скаткин.— Они оказались такими громоздкими, что пришлось их на двух легковых извозчиках везти. А когда про-*

П. Краснощеков
за киноаппаратом.
Конец 1920-х гг.

*езжали по Арбату, наши домры чуть трамвай не раздавили. Случилось так, что одна связка развязалась, и домры, как арбузы, по Арбату покатались. Трамваи звенят, извозчик ругается. Спасибо, добрые люди помогли поклажу собрать. Зато на станции чуть не вся колония нас встречала»*¹⁸. Через несколько месяцев участники оркестра уже гастролировали по деревням, выступали на областных музыкальных конкурсах, участвовали в концертах совместно с ре-

бятami из театрального и литературного кружков.

Литература была одним из самых любимых предметов в колонии. И в этом есть немалая заслуга преподавательницы русского языка и литературы Евгении Михайловны Кадомской. Евгения Михайловна пришла работать в «Бодрую жизнь» в начале 20-х годов. Всегда подтянутая, в строгом чёрном костюме, светлой блуз-

ке с тёмным галстуком, она входила в класс, олицетворяя собой спокойствие и строгость. Зоркий материнский глаз Евгении Михайловны «всегда был начеку», она умела распознать шалунов, по-матерински наказать, но при этом никогда не давала в обиду своих питомцев. С большой теплотой вспоминал о любимой учительнице Н. Шильников: *«Зима. Пошёл сильный снег, гулять на улице ни у кого не было желания, а потому мы, младшие, притаились в своём бараке, каждый намеревался что-либо сделать. Но, как всегда, нас опередила Евгения Михайловна — наша мамаша, учительница и воспитательница. Она сразу собрала нас вокруг себя и, как наседка, села с нами около открытой печки, в которой трещали сухие дрова, и начала читать «Белый клык» Джека Лондона. Она читала так увлекательно, образно, красиво, что мы видели всё как будто наяву. Но Митя Расторопнов, по прозвищу «Лиса», до того «внимательно» слушал, что даже заснул, не заметив, как все сидящие услышали его тихий храп. Мы засмеялись, и чтение было прекращено до следующего раза. Но мы не разошлись, а продолжали сидеть греться вместе с Евгенией Михайловной у печки, и пошли весёлые разговоры.*

«Геха, а Геха, (так мы просто называли Евгению Михайловну), скажите, а кто едет быстрее — поезд или трамвай? А почему луна светится? Что такое небо?

П. А. Фаворский (1-й ряд, 2-й слева), В. Н. Шацкая (1-й ряд, в центре), Е. А. Шацкая (справа) с колонистами. 1926 г.

Смешанный хор и оркестр сотрудников и колонистов. Крайний справа — П. А. Фаворский. 1927 г.

Когда поедem на экскурсию?» Мы даже не заметили, как пришло время спать.

И вот мы уже крепко спим, но не спит беспокойная Евгения Михайловна. Она обходит всех своих питомцев, вынимает руки из-под одеяла и лишь тогда неслышными шагами выходит из комнаты»¹⁹.

С большим уважением колонисты вспоминали Наталью Михайловну Кононюк. Как и Е. М. Кадомская, она была сильным преподавателем русского языка и литературы. В октябре 1941 года Наталья Михайловна вместе с Е. А. Шацкой вывозила школу в эвакуацию. В 42-м, вернувшись в наши края, восстанавливала школьное дело в Угодскозаводском районе, затем работала в Трудовой воспитательной колонии в здании бывшего Испанского детского дома № 5.

В предвоенные годы русский язык и литературу преподавал молодой учитель Алексей Александрович Жуковский, до этого — воспитатель интерната. Он был одним из самых деятельных членов педагогического коллектива, неизменным участником краеведческих походов, организованных преподавателем истории Н. П. Кузиным²⁰.

В 1929 году, после окончания педагогического факультета МГУ, Николай Павлович приехал работать в «Бодрую жизнь». По воспоминаниям колонистов, это был обаятельный человек, прекрасный историк, под влиянием которого многие его ученики поступили на исторические отделения вузов. Его уроки были настолько интересны и глубоки по содержанию, что, когда он рассказывал, класс «замирал в оцепенении». При изучении общей истории Николай Павлович умело использовал местный материал: документы, книги, фотографии, собранные у местных жителей, найденные в барском доме села Белкино. Так, при изучении

темы «Зарождение промышленности в России», педагог рассказал об истории Угодского железоделательного завода. Рассказывая о реформе 1861 года, Николай Павлович, использовал «Заметки по крестьянскому вопросу» П. Н. Обнинского, «Приложение к уставной грамоте деревни Пяткино».

Археологию учащиеся изучали не только по учебникам: проводили археологическую

Е. М. Кадомская
с учениками.
Слева —
Н. Шильников,
крайняя справа —
П. Сучкова,
крайние слева —
Л. Журкина
и В. Меленчук.
1931 г.

Поход в Бородино.
Слева —
А. А. Жуковский,
3-й слева —
Н. П. Кузин.
1937 г.

разведку, открыли несколько новых стоянок, составили археологическую карту, организовали в школе музей. *«В одном километре от школы, на берегу реки Протвы, в овраге ребята обнаружили необычайный в наших местах чёрно-серый рыхлый слой земли,— писал Н. П. Кузин.— Покопавшись в нём, они обнаружили несколько черепков глиняной посуды. Об этой находке они сообщили мне. Я высказал предположение о возможном расположении здесь древней стоянки. Планомерные поверхностные раскопки полностью подтвердили наши предположения. Мы обнаружили стоянку дофеодального периода. Здесь же на месте раскопок я провёл беседу, в которой пытался, на основе общеисторических данных, представить яркую картину жизни людей в нашей местности более тысячи лет назад»²¹.* Участвовали юные историки школы в раскопках славянского кургана под руководством К. Я. Виноградова.

При изучении темы «Война 1812 года» Н. П. Кузин представил ребятам документы, рассказывающие о событиях войны в Боровском уезде: «Донесение Калужскому губернатору от кордонного начальника Суходольского о взятии в плен неприятельского отряда», «Борьба крестьян Боровского уезда Рябушинской слободы» и другие. Учащиеся ходили в лес (напротив д. Мишково), где находили захоронения французских солдат и офицеров.

Подробно изучив маршрут похода армии Наполеона в Калугу, в конце июля 1937 года ребята вместе с Н. П. Кузиным и А. А. Жуковским отправились в семидневный историко-кра-

Б. Юдин.
Памятник
на Бородинском
поле.
3 августа 1937 г.

еведческий поход в Бородино. *«Наш путь лежал через Боровск, Верею, Можайск,— писал Николай Павлович.— Это был путь начала отступления французской армии. На Бородинском поле мы совершили четыре экскурсии: познакомились с музеем, поднялись на центральный редут, посетили Шевардинский редут, Багратионовы флеши, командный пункт М.И. Кутузова»*²².

Ученики Николая Павловича Кузина удостоивались высоких наград на конкурсах юных историков. В 1940 году Н. Евдокименков получил первую премию от МГУ за доклад «Из истории пореформенных отношений в Калужской губернии». Одним из лучших на конкурсе школьников Москвы и Московской области признали сочинение В. Лахтина «Быт помещичьей усадьбы конца XVIII — начала XIX веков по запискам М.Д. Бутурлина». После отъезда Шац-

ких в Москву в 1932 году Николай Павлович два года возглавлял школу, затем, до начала войны, оставался завучем школы им. С.Т. Шацкого. Он всегда был душой общества: необыкновенный рассказчик, любитель пошутить, азартный футболист, любитель мец колонистов предвоенной поры.

В 1930 году в школе появилась новая пионервожатая, молодая, жизнерадостная девушка Анна. Она приглянулась Николаю Павловичу, вскоре они поженились, один за другим у супругов родились дочери Майя, Света и сын Николай. Через два года Анна Давыдовна уже преподавала немецкий язык, который она, дочь политэмигранта, хорошо знала. Анну Давыдовну отличала необыкновенная доброта и деликатность. *«Она всегда была приветлива и спокойна, хорошо пела, и все с удовольствием разучивали и пели на уроках народные немецкие и антифашистские песни»*²³.

Рядом с ребятами были не только педагоги, но и воспитатели. Особенно любили Филиппа Петровича Терземана. Мальчики находили в нём советчика и друга, не стесняясь, рассказывали о своих

А.Д. и Н.П. Кузины

проблемах, первых влюблённостях. С его приходом в общежитиях появились зеркала, занавески, вазы с цветами. Платья девочки шили по выбранным ими фасонам.

Школа, по мнению С.Т. Шацкого, должна готовить человека «высокой культуры и с мозолями на руках». Педагог не мыслил всесторонне развитой личности без умения трудиться. Труд дисциплинировал, объединял, являлся стимулом для получения знаний, побуждал к творчеству. Именно такой созидательный, разнообразный труд лежал в основе жизни колонии. А поскольку «Бодрая жизнь» находилась в сельской местности, сельскохозяйственная работа была главной в её жизнедеятельности. Курсанты, посетившие колонию в 1923 году, сообщали: *«На труд затрачивается пять-семь часов в день. Дети работают сознательно, легко, труд перемешивается с рассказыванием сказок. Во время поливки огорода пришлось наблюдать взаимопомощь детей. Мальчик нёс два ведра. Девочка подошла и помогла ему. Она ловко бежит по бороздам, поливает грядки и тут же ведёт разговор о земле, её свойствах, об уходе за растениями. Дети многое ожидают от своей работы. Труд удовлетворяет их. Лучшие по их возрасту они и не могли работать»*²⁴.

С 1926 года сельскохозяйственным трудом руководили Х.М. Кононюк, Н.Н. Ночёвкин. Ботанику преподавал замечательный учитель Д.Д. Каупуж, биологию — Д.Ф. Тамицкий, одновременно завуч школы, химию — Л.А. Дубынин, Т.Ф. Смирнова. П.И. Музалевский обучал работе на сельскохозяйственных машинах²⁵.

Н. П. Кузин
с дочерью.
Конец 1930-х гг.

Ф. П. Терземан
с колонистами.
1935 г.

Моют посуду.
Нач. 1920-х гг.

В. Н. Шацкая
(справа),
Е. М. Кадомская
проводят собрание
с огородной
комиссией.
1924 г.

Д. Д. Каупуж ведет
урок ботаники.
1936 г.

Д. Ф.
и М. В. Тамицкие —
студенты
педтехникума.
Архангельск,
1926 г.

Работники учхоза
школы-колонии
«Бодрая жизнь».
Крайний справа —
Х. М. Кононюк.
1930 г.

П. В. Сучкова вспоминала: «*Пётр Алексеевич Завитаев. Личность яркая. Образован. Он до революции окончил Тимирязевскую академию. Остроумен. Помню, я сдавала тему, он вынул из-под стола подвздошную кость и спросил: «Что это?» Я, не думая, ответила: «Орбиты». Он хохотал, а потом вышел в коридор и говорит мальчикам: «Спросите у Сучковой, где находятся орбиты?» Спрашивал он очень строго. Немного запнулся — он сразу скажет: «Танцуй от печки»*»²⁶.

Хозяйство колонии было большое: сад, огород, молочное хозяйство, скотный двор, двадцать пять десятин колониальной земли включали пять десятин пахотной, двенадцать десятин покоса, десятина — занята огородными культурами. На полях сеяли рожь, овёс. В конце августа убирали урожай: срезали стебли косилкой, связывали в снопы,

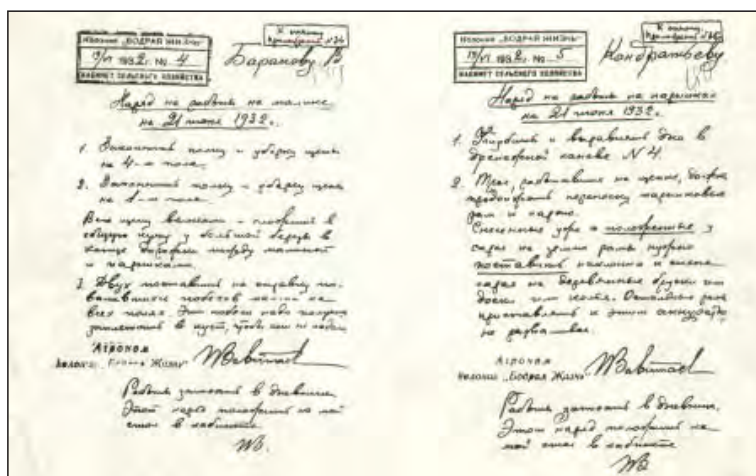

обмолачивали на молотилке с парным конным приводом, отвеивали, сортировали.

В кабинете естествознания изучали устройство сельскохозяйственных машин: сенокосилок, жмыходробилок, сноповязалок. Большим подспорьем в хозяйстве был трактор, появившийся в колонии в начале 20-х годов. Около полутора десятин засаживали картофелем, опытным путём получали его лучшие сорта. Согласно отчёту С. М. Зепалова, в 1924 году собрали 800 пудов картофеля.

В 1923 году перед колонией была поставлена новая задача — стать центром сельскохозяйственной работы в сёлах и деревнях, входящих в Белкинский, Белоусовский, Потресовский и Кабицинский сельсоветы. В производственном плане колонии появился раздел «Помощь колхозам». Учащиеся ходили по деревням, агитировали крестьян за новые методы ведения хозяйства, писали плакаты: «Что даст вашему хозяйству многополье, травосеяние?», «Для чего нужно собирать золу?», «Какие сорта картофеля наиболее крахмалистые?». Мечтали в сочинениях: «Я буду из всех сил стараться, чтобы перешли на четырёхполье», «Когда я буду большой, я всегда буду подбивать деревенских купить жнейку, косилку и на сходе буду говорить, чтобы трактор купить, и тогда легче будет работать и выгода в хозяйстве»²⁷.

В оранжерее колонии проверяли семена на всхожесть, готовили рассаду помидоров, цветов и клубники для жителей окрестных сёл. «Там колдовала над ящиками тётя Шура — Александра Васильевна Лёвина-Богачёва. И мальчики, и девочки успеш-

Наряды на работу в огороде.
1932 г.

Подготовка жатки-сноповязалки к работе.
1922 г.

Уборка ржи в сарай.
Нач. 1920-х гг.

Дискование почвы
трактором.
Нач. 1920-х гг.

блиця под названием: «Деревни, получившие семена и рассаду из колонии»»²⁸.

Летом по инициативе П. А. Завитаева в колонии устраивали сельскохозяйственные выставки: «Дары природы», «День урожая», «Праздник цветов». В июле каждая деревня представляла на выставке различные сорта клубники. В отчёте за 1929 год устроители выставки Миша Иванов и Таня Сероногова сообщали: «Двенадцатого июля в колонии была подготовлена выставка сортовой клубники. Пришли крестьяне из Самсоново, Белоусово и Потресово. В большой светлой комнате стоит длинный стол, покрытый белой скатертью, на столе — кусты клубники с крупными сочными ягодами, украшенные зеленью листьев. По бокам стол украшен флагами, а под флагами красуется красный стяг с горящим золотом лозунгом: «При правильном уходе за клубникой — можно получить большой доход!»²⁹.

Колонисты снабжали жителей окрестных сёл молодняком племенного скота, учили, как правильно ухаживать за животными, на дверях сельсоветов вывешивали плакаты: «Хозяин, береги здоровье скота, заткни все щели у двора!» На колониальной ферме и скотном дворе содержалось около двадцати дойных коров, быки, телята, лошади, гуси, куры и даже кролики. Члены скотоводной комиссии вставали в четыре часа утра, убирали скотный двор, кормили лошадей, коров. На общем собрании выбирали дежурных по скотному двору, ферме, пастухов,

В оранжерее
школы.
Справа —
Д. Д. Каупуж,
слева —
Н. П. Левин,
А. В. Левина-
Богачева.
1935 г.

но осваивали премудрости пикировки, пересадки и посадки всей этой армады цветочков, помидорчиков, растущих под стёклами оранжереи с невероятной поспешностью. Потом всё это хозяйство разбежится по клумбам и грядкам и совершит нелёгкое переселение во все окружающие колонию деревни. А в кабинете сельского хозяйства появится новая та-

молочников. Утром, часа в четыре, молочники вставали доить коров. Чтобы не проспать, брали из кухни будильник — он был один в колонии. *«Нам нельзя было опоздать, — вспоминала П. В. Сучкова. — Утром чистим, моем коров. Боже упаси, если молоко будет грязным. Но таких случаев не было. Дойка в обед и в ужин. Иногда вечером*

*колонисты просились пойти поучиться доить. Однажды нам это дорого досталось. Молоко коровы не отдали пришедшим поучиться, а мы не проверили. Пришёл П. А. Завитаев и сказал, что нужно каждые три часа массажировать вымя и днём, и ночью. Мы три дня дежурили, ни разу не пропустили. Никто за нами не следил, никто не проверил. А зачем? Разве можно не сделать, что надо? Мы работали, как взрослые. Никаких скидок на возраст»*³⁰.

Дежурные строго следили за состоянием здоровья своих питомцев. Женя Рычагов, дежуривший 2 июля 1923 года, записал в тетради наблюдений: *«У Мальчика — кашель, у Ветерка — чешотка не проходит, у телёнка тоже. Состояние остального скота хорошее»*. Летом работы прибавлялось. Нужно было заготовить сено, отремонтировать сараи, почистить стойла. Больше всего любили выходить на сенокос и пасти лошадей в ночном. Нина Руднева вспоминала: *«Мы любили посидеть у костра, наблюдать, как на небо выплывает оранжевая луна, и, вороша раскалённые угли, с самым загадочным видом рассказывать страшные истории. Под утро все боролись со сном, но вот светает, прилетает тёплый ветерок, трепещут листочки на ветках, начинают петь птички, появляется светлая по-*

Скотный двор.
1927 г.

Юные
кролиководы.
Нач. 1920-х гг.

Конюшня
(слева), коровник
(в центре), птичий
двор (справа).
1923 г.

СОБРАНИЕ ЖИВОТНОВОДОВ 26/УП-80 г.

В о п р о с ы

1. Отчет Елизаветы Алексеевны Шацкой.

2. Текущие дела

Реш. 7 июля от коровы Рыжухи, кормят как и хороших, нормально.

Елизавета Ал.Шацкая взялась работать на скотном по желанию.

С самого начала перевели во время отпуска коров в колонию.

Был произведен обмер коров. Введено рациональное кормление коров и телят, но это все-таки не прошло, так как не было кормов. Мы были связаны с учхозом. Первая трудность была с пастухом. Потом плохо обстояло дело с кормами, не вовремя его нам приносили. Не было часто соломы для подстилки, коровы пачкались. Без агронома у нас была трудность с помощью от фермы, например, от П.Левина несколько раз бегавши к нему на ферму по разным видам работы.

Исполком до сих пор не спросил животноводной комиссии отчета, а живкомиссия сама ставила на Исполкоме, чтобы был поставлен отчет живкомиссии.

Текущие вопросы

На скотном: надо повесить коровам хвосты к потолку, чтобы коровы не пачкались.

21.УП-80.

«Как нужно ухаживать за скотом».

Скотный двор нужно делать теплый, потому что если холодный двор, то забьет скот. Еще нужно делать кормушки или ясли, туда класть сено корове, потому что когда даешь корове сена, то она его втопчет в навоз и не наедается. Потом нужно делать амшанники, в них очень тепло. Их ставят на ику. В них делают окошки, только маленькие и потому чтобы ей было видно, а то есть такие мушкетеры и они кусают корову в темноте. Потом нужно корове давать по корму. В Дании выдумали кормить коров по корму и давать кормовыми единицами. Сначала нужно узнать живой вес коровы. Делается это так, берется веревочка и обмеривается от холки до корма хвоста, а потом обхват коровы, затем надо помножить вершки длину и обхват, когда помножим вершки, получаются фунты, а фунты переводятся на пуды, если например у коровы 18 пудов, то ей надо на сено дать за три пуда одну кормовую единицу, значит $18 : 3 = 6$ кормовых единиц, а потом ей еще нужно дать корм. единиц на молоко если она дает. - 9ф., то значит ей нужно дать 3 корм. едн. - это высчитали так 3 фунта молока равняется 1 корм. единице: $9 : 3 = 3$ корм. единиц.

Протокол собрания
животноводов.
1930 г.

Сочинение ученика
школы с. Белкино
Н. Головкина «Как
нужно ухаживать
за скотом».
1920-е гг.

лоса на востоке, слышится тихое ржание лошадей, пасущихся неподалёку»³¹.

Труд в колонии заключал в себе эмоционально-привлекательные моменты. Колонисты проявляли фантазию, изобретательность, эстетический вкус, занимаясь в кружках выпиливания, выжигания, вязания, шитья. В столярной мастерской у В.Г. Почиталова мастерили шкафы, табуреты, лыжи. «Однажды в ма-

В. Орлова (слева),
Н. Иванова,
А. Шацкая
в ночном.
1926 г.

В. А. Соколов
(справа)
на электростанции
школы-колонии
«Бодрая жизнь».
1924 г.

стерскую зашёл Шацкий. Он, оказывается, дома делал шкаф. Ему не хватило каких-то деталей. Он и пилил, и строгал, и шипы нарезал так ловко, как будто всю жизнь только и занимался столярным делом. Отложив инструмент, Шацкий подошёл к ребятам, которые трудились над шкафчиком.

— А ведь радостно, когда что-то существенное получается, сделанное своими руками,— рассуждал Шацкий, разглядывая шкафчик.

— А как же! — подтвердил кто-то из мальчиков.

— Вам, ребята, только позавидовать можно,— продолжил Шацкий.— Сколько у вас возможностей в колонии, чтобы проявить свои способности. У меня в детстве таких возможностей не было»³².

В. Г. Почиталов
(1 ряд, в центре,
слева —
Н. П. Левин)
с сотрудниками
и учащимися
школы-колонии
«Бодрая жизнь»
(2-й ряд слева
направо:
Г. П. Левин,
В. Скаткин,
П. Руднев,
А. Шильников,
Л. Почиталова,
В. Почиталов,
Н. Гаврилов).
Конец 1920-х гг.

В швейной мастерской у А. В. Лёвиной-Богачёвой девочки шили платья, полотенца, наволочки, рубашки, варежки, чинили одежду. Александра Васильевна, помимо оранжереи и швейной мастерской, работала на метеостанции. Вместе с ребятами она вела наблюдения за движением весны, лета, осени и зимы. Они отмечали прилёт птиц, появление бабочек, муравьёв, устанавливали удобное время для уборки сена, для проведения дальних походов. Муж Александры Васильевны Николай Пегасиевич Лёвин руководил электрокружком, со старшими ребятами обслуживал электростанцию колонии³³.

Начиная с 1925–1926 годов, школу-колонию «Бодрая жизнь» активно посещали советские и зарубежные педагоги, поскольку в мире больше не было педагогического учреждения с таким размахом работы. Приезжали турецкие, японские, китайские, индийские педагоги. Высоко оценивал деятельность С. Т. Шацкого известный американский педагог Д. Дьюи, посетивший Опытную станцию в 1928 году.

Педагог из Германии, побывавший в «Бодрой жизни» в 1925 году, написал: *«Несмотря на простые деревянные здания, на примитивное устройство Опытной станции, клубов пионеров и комсомольцев, они являются очагами нового сильного духа»*³⁴.

Многочисленные делегации встречала специальная гостевая комиссия. *«В дни приезда гостей,— вспоминал Ю. Н. Скаткин,— целая вереница открытых автомобилей с шумом вторгалась в колонию. В хорошую погоду для приёма гостей служила игровая площадка. Их рассаживали на скамейки, перед ними у стола вставал Шацкий в своей неизменной белой*

Приезд иностранных педагогов.
1925 г.

Турецкие педагоги в школе-колонии «Бодрая жизнь». Справа — В. Н. Шацкая, П. А. Фаворский.
1925 г.

толстовке, подпоясанной шнурком, и начиналась его беседа, которая затягивалась не на один час. Колонисты плотным кольцом окружали площадку, готовые в любую минуту стать экскурсоводами»³⁵.

Особый интерес иностранные педагоги проявляли к общественной и культурной работе колонистов с населением окрестных сёл и деревень. В статьях они отмечали, что «в знаменитой колонии Шацкого дети фактически являются проводниками агрономической культуры в районе». Однако в начале 1930-х годов «школа жизни» с акцентом на трудовое воспитание постепенно стала уступать место «школе учёбы». В 1937 году из учебных планов изъяли уроки труда, прекратили преподавание основ агрономии, что усилило отрыв школы от жизни. Отчасти это коснулось и школы-колонии «Бодрая жизнь», с 1934 года — школы им. С.Т. Шацкого. В колонии появились платные работники, выполнявшие работы, не имеющие отношения к учебно-воспитательному процессу: истопники, посудомойщицы, уборщики; фактически ликвидирована и передана в ведение учхоза работа на скотном дворе. Воспитанник школы им. С.Т. Шацкого Иван Довженко с возмущением писал: *«Когда-то труд в колонии был в почёте, но потом им начали пренебрегать, считая, что это может повредить учебным занятиям. Всё это произошло на глазах колонистов нашего поколения. Дело дошло до курьёзов. Для того чтобы привести территорию школы в порядок, Д. Ф. Тамицкий нанял дворника. Меня это прямо взорвало. А ведь при Шацких ребята водопровод сами строили»*³⁶. И всё же в школе Шацкого сохранились элементы трудового воспитания: школьники работали на пришкольном участке, в плодовом саду,

Трубят «подъём!».
1937 г.

дежурили в общежитиях, столовой, занимались в кружке юных опытников по сельскому хозяйству.

Свободное время проводили на спортивных площадках, играли в баскетбол, волейбол, футбол. «Те, кто овладел силой и ловкостью, брались за городки. Отличным городошником был Шацкий. Не успевал он появиться на игровой площадке, как вокруг него собиралась вся колония. Когда подходила

Лыжники.
1935 г.

очередь Шацкого выбивать фигуру, он занимал положенную позицию, широко расставлял ноги, неторопливо поднимал битую и, прицелившись, сильным движением посылал её вперёд. Каждый такой удар сопровождался оглушительными возгласами одобрения зрителей»³⁷.

Физкультурники-активисты проводили спортивные занятия в соседних деревнях. В деревне Кабицино пропагандировал спорт Иван Сучков: учил деревенских мальчишек и девчонок строиться в шеренгу по росту, ходить под счёт «раз — два», проводил зарядку. Ребята с усмешкой говорили: «Это для нас пустяки, мы по деревне и без физкультуры много бегаем».

Летом никогда не пустовали футбольные и волейбольные площадки, а зимой катались на лыжах. Д. Ф. Тамицкий так описывал лыжные прогулки колонистов: «По лыжне, проложенной на 5 километров, идёт целая компания, впереди сильно и размашисто идёт Гриша Галкин, за ним легко и красиво идёт «перекидкой» Паша Мурашкин. Он физически слабее, но зато богаче техникой. Через минуту эта компания скрывается за лесом.

На горе с криком и гиканьем катится Коля Евдокименков. Вслед за ним мчится Володя Лахтин, Серёжа Зелихов. Давиду Орджоникидзе завидно. Он неуверенно трогает под гору... Быстрее и быстрее. Толчок, и вдруг Давид делает сальто и вонзается головой в снег по плечи. Палки в разные стороны. Одна лыжа на ноге, другая, извиваясь, как змея, мчится под гору. Давид вылезает из сугроба и на уцелевшей лыже отправляет-

ся искать вторую. Он нимало не сконфужен. Отряхнувшись и достав лыжу, он через минуту-другую опять на горе и уже снова мчится вниз. На этот раз удачно! Он с торжеством оканчивает спуск и гордо смотрит на всех»³⁸.

В начале 1930-х годов особое внимание уделялось военной подготовке советской молодёжи. В газете «Комсомольская правда» сообщалось: «В то время, когда империалисты бешено готовятся к новой войне против Советского Союза, укрепляют свою боевую мощь, создают фашистские молодёжные организации, преступно заниматься лежебокством. Время передышки надо использовать для укрепления своей боевой мощи» (Комсомольская правда. 20.04.1930 года). Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление об обязательном военном обучении комсомольцев и переростков.

В «Бодрой жизни» появился новый предмет — военное дело, которое преподавал Пётр Семёнович Орехов. После его ареста некоторое время военное дело в младших классах вёл Коля Широков, затем его сменил Дмитрий Алексеевич Шаров³⁹. В военном кабинете ребята учились собирать и разбирать винтовку, изучали устройство пулемётов «Гочкис» и «Максим». Стрелки, подготовленные к стрельбе, взяв четыре винтовки, шли в тир. Тир находился в овраге, недалеко от д. Самсоново. Ученики старших классов соорудили земляные насыпи, поставили мишени, зимой очищали тир от снега. «Патроны получали под расписку,— писал Д. Ф. Тамицкий.— Команда: «Лёжа, заряжай!» Коля Широков обходит стрелков, проверяя у них изготовку, прицел. Стрельба — дело ответственное. Здесь присутствует военный руководитель, командир Красной Армии Шаров, наблюдая за соблюдением правил стрельбы. Отстрелялись. Пошли к мишеням строем. Хочется пуститься бегом, узнать скорее результаты, но устав этого не разрешает. Мишу Злова все поздравляют: он выбил последнее упражнение на значок «Юный Ворошиловский стрелок». После занятий трое учеников остаются чистить винтовки, остальные идут пить чай»⁴⁰.

Е. Арион оказывает медицинскую помощь Н. Кенгурову. 1935 г.

На стрельбище. 1938 г.

Татьяна Осипова

Н. Широков (слева) и В. Ратнер (справа) делают модели самолётов. 1935 г.

Руководитель планерного кружка Ф. И. Кузьмин с ребятами. 1 ряд слева направо: И. Гоберман, Д. Орджоникидзе, Г. Мордовцев, П. Мурашкин; 2-й ряд 3-й слева Ю. Ночевкин. 1936 г.

Планерный кружок (в центре — М. Ночевкин). 1936 г.

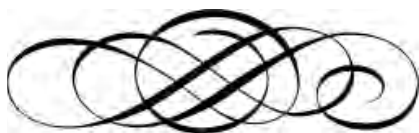
Значком ЮВС награждали не только юношей, но и девушек. Метко стреляла Таня Осипова⁴¹. В школу Шацкого эта боевая, задиристая девчонка пришла из д. Трясь в 1935 году. Таня занималась в кружке юннатов, выступала на I Всесоюзной выставке юных биологов; её обожали младшие ребята — ходили за ней гурьбой и знали, что в обиду она их не даст. Девушка прекрасно ходила на лыжах и могла «дать фору» любому мальчишке. После девятого класса она ушла в физкультурный техникум, но связь с колонией никогда не прерывала.

Молодёжь предвоенной поры «грезил небом», многие мечтали стать лётчиками. Мечту о небе воспитанники школы Шацкого воплощали в жизнь, занимаясь в планерном кружке. Началось всё с организации авиамodelьного кружка. Юра Ночёвкин и Володя Ратнер «выбили деньги» у директора, купили всё необходимое и принялись за дело. На торжественном вечере в восемнадцатую годовщину Великого Октября, во время доклада, когда зазвучали слова: «Наши самолёты всех быстрее и лучше», — по залу закружились модели самолётов. Вскоре в школе появились два планера, и ребята под руководством инструктора Филиппа Ивановича Кузьмина совершали самостоятельные полёты. Юношеская мечта Юры Ночёвкина сбылась: после войны, окончив Ленинградскую военно-воздушную Академию, он всю жизнь преподавал в Киевском высшем военно-воздушном училище⁴¹.

Глава V

Жизнь в искусстве

Жизнь воспитанников школы-колонии «Бодрая жизнь» была насыщена разнообразными впечатлениями, эмоциями, которые выражались в пении, танце, театральных постановках, в художественном творчестве. Всё, начиная с внешнего облика городка «Бодрая жи знь», было пронизано красотой и эстетическим вкусом её создателей, высокообразованных культурных людей. Жилые корпуса необычной архитектуры, комнаты ребят, заботливо украшенные рисунками, вышивками, цветами, формировали вкусы их обитателей, создавали тёплую, семейную атмосферу. Учителя, посетившие колонию в 1923 году, писали: *«Эстетика сильно отражается на жизни колонии. Вокруг зданий, против кухни, в рощице насажены цветы; в помещениях стремление к уюту, к украшениям цветами, картинами своего творчества, в большинстве случаев красиво убранные койки. Все дети с наслаждением подходят к клумбам и нюхают цветы, в костюмах нет красоты, но они опрятны. Мальчики менее взыскательны к своим костюмам. Девочкам предлагают выбрать фасон, и они хотят сшить себе платье, как у какой-нибудь руководительницы»*¹.

Расширяли кругозор, углубляли знания, сплачивали ребят экскурсии по родному краю: в Серпухов, Стрелковку, Боровск, Малоярославец. После 1917 года С. Т. и В. Н. Шацкие со старшими колонистами отправлялись в дальние путешествия по стране: в Крым, на Урал, Кавказ, в Поволжье. В 1921 году поехали в Архангельск и Пинегу. Последняя экскурсия вместе с Шацкими,

Обед в походе
возле Боровска.
В центре –
В. Н. Шацкая.
1924 г.

«Соловейники»
Костя Шильников
и Галина Шельбах.
Конец 1920-х гг.

запланированная на июль 1929 года, чуть было не сорвалась по вине колонистов. Ребята заранее готовились к поездке, зарабатывали деньги на стройке, на ферме колонии. Но тут случилось непредвиденное. Шацкий работал в Москве и в колонию приезжал лишь на выходные. Колонисты «почувствовали волю». Однажды Станислав Теофилович приехал внезапно и, пройдя по территории колонии, обнаружил курильщиков. «Попались, конечно, и наши «соловейники», шарахающиеся по кустам в овраге, за больничкой, изображая из себя влюблённых,— вспоминал Н. Шильников.— Общие вечера стали скучными, однообразными. И тут разразился гром. Началась выкорчёвка всех наших не-

достатков. Досталось всем! Пошли собрания за собраниями. Особенно был зол Шацкий на третью группу. Как-то, проводя собрание в этой группе, обрисовав перед ними жизнь в колонии в настоящее время, он вдруг не выдержал и крикнул: «Это мерзость!» — и ушёл, как уходил иногда демонстративно, когда мы галдели и не слушали его предупреждений. Шацкий дал две недели на исправление всех «мещанских недостатков». Мы стали исправляться, иначе и не могло быть, потому что мы слишком любили Шацкого и колонию»².

Двадцать шестого июня на поезде «Москва — Баку» колонисты отправились в путешествие. Девять дней шли по Военно-Осетинской дороге, ночевали в метель на Мамисонском перевале, побывали на леднике в Цее, в Кутаиси, затем поездом прибыли в Батуми. Оттуда Станислав Теофилович и Валентина Николаевна поехали отдыхать в Крым, а ребята — домой, в колонию. По прибытии Роман Шифоренко получил от Шацкого письмо, ставшее для колонистов наказом-завещанием педагога. «Я хотел бы, видя вашу смелость в горах, на крутизнах, среди серьёзных опасностей, которые вы легко преодолевали, видеть вас смелыми в вашей работе над наукой, техникой, общественной работой. Давайте ничего не бояться, давайте работать всюду, давайте разовьём в себе товарищеский дух, давайте помогать нашей великой партии в её колоссальном деле перестройки всего мира. Его надо перестроить! Ваш проводник С. Шацкий. Коктебель, 16 августа 1929 года»³.

Путешествуя по стране, ребята получали новые впечатления, знакомились с традициями разных народов, собирали фольклор,

давали концерты, учились искусству общения с людьми. *«Вспоминается один случай,— писала В.Н. Шацкая.— Нам с большим трудом удалось сесть в поезд в Армавире — он был буквально забит возвращающимися с сезонных работ сельскохозяйственными рабочими. Мы были встречены в переполненном товарном вагоне очень недоброжелательно, кто-то даже крикнул, что*

нас следует вытолкнуть на следующей станции. Я предложила ребятам потихоньку попеть. Начали с известных революционных и народных песен. И вдруг к нам начали присоединяться новые участники. Хор рос. Нам, потеснившись, освободили место, и мы не только благополучно доехали, но и расстались с рабочими, как близкие друзья. Так мы получили наглядный урок о силе воздействия музыки на людей»⁴.

Музыка сопровождала колонистов в повседневной жизни. Начиная с раннего утра, во время умывания, переходя из барака в барак, из столовой в кухню, работая в поле или на огороде, ребята пели любимые ими песни. Более половины колонистов занимались в фортепианном кружке у Ю.С. Обнинской⁵.

По субботам в колонии устраивали музыкальные вечера. Шацкий пел романсы, арии из опер. Иногда выступали приехавшие из Москвы артисты, но чаще — «местные таланты»: певцы, артисты, музыканты, чтецы. После концерта начинались танцы. *«В самый разгар «казачка»,— вспоминала Н. Руднева,— приезжали бывшие колонисты, которые учились в Москве и часто навещали колонию. Приехали два танцора — Вася Почиталов и Серёжа Богачёв. Они изображали в танце радость, разочарование. Танцы продолжались ещё долго. Те, кому не хотелось танцевать, уходили в библиотеку. Там уют-*

Катя Кожевникова
за роялем.
1923 г.

Приехали в гости.
Верхний ряд,
2-й справа —
С. Богачев, слева —
П. Скаткин.
1930 г.

За шахматами.
1935 г.

Сцена из спектакля
«Ревизор».

В ролях:

Городничий —
С. Т. Шацкий,
Хлестаков —
А. Лушин,
Добчинский —
С. Богачев.

Нач. 1920-х гг.

но, на стенах репродукции Рафаэля, Леонардо да Винчи. Одни читали, другие играли в шашки, шахматы»⁶. Иногда просили почитать стихи собственного сочинения Сашу Лушина, высокого, красивого юношу, талантливого художника и неперемного участника театральных постановок колонии.

Юные артисты колонии не только играли в спектаклях, но и писали декорации, шили костюмы, делали бутафорские вещи. Несмотря на большую загруженность в Москве, Шацкий принимал участие в постановках. Как режиссер он был строг и серьёзен, но в то же время умел увлечь ребят творчеством. Прежде чем начинались репетиции, он рассказывал об истории создания пьесы, погружал в ту эпоху, где про-

исходило действие спектакля, помогал начинающим артистам советом. Один из колонистов вспоминал: «*Феде Лушину в каком-то спектакле нужно было петь, а он у нас никогда не пел. Шацкий говорит: «Я тебя научу, приходи ко мне в больничку». Это домик, где жили Шацкие. И вот ребята пошли подсматривать, как он его обучает. И только слышали: «Федя, подымай рояль!» Это значит, чтобы он диафрагмой пел, а не горлом. Мы все потом смеялись, как увидим его, кричим: «Федя, подымай рояль!» А Шацкий всё-таки его петь научил.*»

Члены драмкружка ставили пьесы А. Островского, А. Чехова, А. Пушкина, В. Шекспира. Театр колонии считался лучшим в Угодскозаводском районе и собирал полный зал зрителей из окрестных сёл и деревень. Иногда артисты показывали пьески собственного сочинения и комические сценки из жизни колонии. На одном из таких вечеров Сергей Рычагов, изображая Валентину Николаевну, «носился по сцене в её платье и горжетке (добытыми неизвестными путями), поправляя причёску, как это

делает всегда Валентина Николаевна, отдавал самые срочные распоряжения комиссиям, не забывая посморгнуться второпях в зеркало и даже попудриться. Причём всё это копировалось с такой точностью, что мы узнавали моментально, кого изображают. Все умирали от смеха, а Шацкий даже вытирал слёзы»⁷.

«Заводилами» на школьных вечерах и новогодних карнавалах предвоенной поры были подружки Агнюша Николаева, очень собранная и любознательная девушка, Шурочка Платова, живая, смешливая и очень добрая, необыкновенно душевная, открытая Люся Пиотровская и строгая Валя Максимович. В школе их всегда можно было видеть вместе, да и после войны они оставались верными и надёжными подружками.

Воспитанники школы-колонии «Бодрая жизнь» выезжали со спектаклями в соседние деревни. Их встречали как дорогих гостей: присылали за артистами лошадей, готовили угощение.

Самсоновские, кабицинские, пяткинские собирались в Белкинском Народном доме. Набивался полный зал зрителей, которые бурно реагировали на представленное действо: выкрикивали с мест, одобрительно гудели, громко возмущались, а если пьеса не нравилась, замолкали и в полной тишине покидали зал. Юные артисты школы-колонии организовали драмкружки в деревнях Самсоново и Доброе. В деревне Доброе Лида Панова и Лиза Казанская собрали детей для постановки сказки «Огниво». Девочки с керосиновой лампой и книжкой по наступу зимой ходили за два-три километра на репетицию, обратно вся детвора провожала их в колонию.

Постоянными участниками театральных постановок были супруги А. В. и Н. П. Лёвины-Богачёвы. С 1936 года Александра Васильевна руко-

Сцена из спектакля «Спящая красавица». Нач. 1920-х гг.

Участницы маскарада. Слева направо: Т. Осипова, Т. Сахарова, А. Платова, А. Николаева. 1937 г.

Участницы
новогоднего
маскарада
(1 ряд слева —
А. Платова, справа
В. Максимович).
1937 г.

и остались на сцене, как напоминание о мирной жизни.

Художественным руководителем со дня основания театра являлся А. В. Гаврилов. Под его руководством ребята рисовали декорации, из ситца, мешковины, пакли изготавливали костюмы. Оформление спектаклей было настолько искусным, что публика при открытии занавеса буквально «раскрывала рты» от удивления. Восторг зрителей вызвала, например, печка, на которой ехал через весь зал Емеля из сказки, или курица, которая на глазах у зрителей неслась, как непревзойдённая рекордсменка.

Алексей Владимирович руководил кукольным театром. «Мастерская Гавгуши никогда не пустовала,— вспоминал Ю. Н. Скаткин.— Однажды Ваня Баранов сказал мне:

— Шурик! Ты в куклы играл когда-нибудь?

— Что я, девчонка, что ли? — ответил я.

— При чём здесь девчонка! Кукольным артистом хочешь стать?

Я сначала растерялся от неожиданного предложения, а потом вспомнил куклы, которые я видел у Гавгуши в мастерской, и понял, о чём идёт речь.

— Нам зайчонка не хватает,— пояснил Ваня.

— А я разве похож на зайца?

— По комплекции сойдёшь.

Пишут декорации:
справа стоит
А. В. Гаврилов.
1923 г.

На другой день я пришёл в мастерскую. Там уже репетировали сказку «О попе и о работнике его Балде». Дали мне роль зайчонка. Мне никаких слов говорить не надо, только лапками шевелить и ушами трясти. Закончили мы репетиции и на гастроли по деревням поехали, деревенских ребятишек к искусству приобщать. Ведь к ним, кроме артистов из колонии, никто не заглядывал»⁸.

Алексей Владимирович воспитал не одно поколение ребят — любителей живописи. Среди его первых учеников были В. В. Почиталов и А. Ф. Лушин, впоследствии известные художники⁹. В середине 1920-х годов в изостудию пришли Юрий Скаткин и Николай Анатольев¹⁰. Юрий Николаевич вспоминал свою первую встречу с художником: «Я обратил внимание на его необычный вид. На нём была широкая коричневая блуза. Волосы были длинные, подстриженные кружком. Был он немного курносый. Перед ним на треножнике была укреплена рамка, обтянутая холстом. На холсте уже были нарисованы лес, дорога и овражек, и небо — зеленовато-голубое, как на самом деле. Гавгуша держал в левой руке фанерку. По краю, свернувшись червячками, лежали краски. Сбоку фанерки была прикреплена железная баночка, куда Гавгуша обмакивал кисть. Обмакнёт кисть, потом возьмёт какую-нибудь краску, одну, другую, всё это разме-

В. В. Почиталов.
Сапоги.
1934 г.

А. В. Гаврилов
на этюдах.
Нач.
1920-х гг.

Н. Анатольев
и Ю. Скаткин
на этюдах.
1920-е гг.

Ю. Н. Скаткин.
Морозовский дом.
1920-е гг.

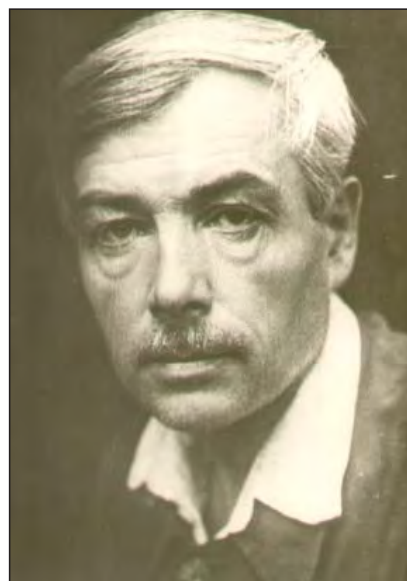
Н. А. Анатольев.
Сельский сход.
1929 г.

Д. И. Архангельский.
1933 г.

В 1934 году из Ульяновска в школу им. С. Т. Шацкого приехал новый преподаватель черчения и рисования Дмитрий Иванович Архангельский. Талантливый художник и педагог, Дмитрий Иванович, «открыл новую, яркую страницу» в художественной летописи школы. До приезда в колонию он уже был известен как художник-акварелист, запечатлевший в своих картинах ушедшие в прошлое уголки старого Симбирска. Применяя необычные методики преподавания, Дмитрий Иванович

шаает и несёт на кончике кисти на холст. И вот, словно по волшебству, появляется берёзка, усыпанная жёлтыми листьями, или увешанная красными гроздьями рябины»¹¹. Юрий и Николай проводили в мастерской художника многие часы, научились правильно рисовать, стали художниками, писали стихи и рассказы.

Жена Алексея Владимировича Елизавета Ивановна также преподавала рисование, она прекрасно пела и часто помогала мужу в постановках спектаклей. В колонии учился брат Алексея Владимировича Николай. Жизнь юноши оборвалась 8 января 1943 года — Николай погиб под Сталинградом. Супруги Гавриловы покинули колонию в 1931 году. На несколько лет работа в области изобразительного искусства замерла.

успешно преподавал в Объединённой школе города. В 1933 году он привёз на выставку в Москву работы учащихся и свои акварели с видами Симбирска. Здесь произошла встреча с Надеждой Константиновной Крупской, изменившая жизнь педагога. *«В назначенный день,— писал Дмитрий Иванович,— доклад нашей школы шёл вторым номером. Во время доклада нашего директора я внимательно вглядывался в чуть-чуть усталое лицо Надежды Константиновны и её ясные глаза. У меня, словно заворуженного, в памяти возникло всё, что я знал тогда из печати о трудной жизни Надежды Константиновны.*

Высказывания её были душевными, проникновенными, покоряющими нас, слушателей. Надежда Константиновна говорила тихо, не торопясь, приводила много примеров новой работы школ. По окончании заседания она тепло с нами попрощалась. Я пригласил её посмотреть выставку работ учащихся и мои акварели. При осмотре выставки я давал некоторые пояснения, рассказывал об Ульяновске и проведённой там реставрации Дома-музея В.И. Ленина, в которой я участвовал как художник-краевед. Надежда Константиновна поблагодарила меня, просила передать привет учителям и учащимся»¹². Встреча с Крупской определила дальнейшую судьбу художника. По рекомендации Надежды Константиновны Архангельскому предложили на выбор работу: в одной из экспериментальных школ Москвы, в Ясной Поляне или в школе им. С.Т. Шацкого.

В августе 1934 года Дмитрий Иванович с женой Надеждой Павловной и трёхлетней внучкой Нонной приехал в школу им. С.Т. Шацкого. Нонна Николаевна Шелаева вспоминала: *«В те годы электрички ещё не ходили. Из Москвы до станции Обнинское можно было доехать на паровом поезде. Идти от полустанка Обнинское до школы было недалеко, даже для меня, трёхлетней девочки. Сначала дорога шла по полю, затем был большой овраг, по дну которого протекала река Репинка. На другой стороне оврага располагалась территория школы.*

Дедушка и бабушка были городскими жителями, но им школа-колония «Бодрая жизнь» понравилась. Здесь имелись, в основном, все условия для нормальной жизни. Слева от главного здания школы находилось общежитие девочек. Оно сохранилось до наших дней. А рядом был двухэтажный дом, где на первом этаже располагались бельевая, изостудия, а на втором — находились четыре квартиры для учителей. Наша квартира (большая комната с балконом и кухней) на втором этаже с балконом и большим окном выходила на центральную территорию

Д. И. Архангельский.
Изостудия.
Сер. 1930-х гг.

тов её очень огорчало. Я помню, что в столовой можно было покупать фрукты из школьного сада, а также молоко и яйца — на скотном дворе. Завтрак бабушка готовила сама, а вот обед и ужин мы с дедушкой получали по талонам в столовой и в судках несли домой. Дедушка меня очень любил, баловал и почти всё разрешал. Это было не по правилам, и бабушка сердилась»¹³. Нонна Николаевна или, как её называли ребята, Ноник была самым юным студийцем колонии.

Через несколько дней после приезда Дмитрий Иванович пришёл в столовую и объявил, что будет писать этюд акварелью. Желаящие могут прийти. После обеда вокруг художника собрались ребята. Перед глазами изумлённых зрителей на бумаге появилось общежитие, зелёная трава и деревья. Ребята заинтересовались, стали расспрашивать педагога, можно ли так же научиться рисовать. Дмитрий Иванович предложил им попробовать. Так было положено начало изостудии школы им. С. Т. Шацкого.

Первые студийцы.
Слева направо:
Нонна,
Д. И. Архангельский,
В. Трофимов,
И. Довженко,
С. Кахана, Л. Панова.
Сентябрь 1934 г.

школы. Около дома росли большие кусты сирени и жасмина. В окна порой влетал чудесный аромат цветущего кустарника.

Школа Шацкого жила своей, обособленной жизнью, почти на натуральном хозяйстве. Ни магазинов, ни рынка поблизости не было. Бабушка была замечательной кулинаркой, поэтому отсутствие продук-

Зимой 1934 года изостудия располагалась в специальной комнате, а спустя год — на первом этаже дома, где жили Архангельские. Здесь были обыкновенные столы, индивидуальные столики с поднимающимися крышками, мольберты, музейный уголок, где висели картины известных художников, образцы резьбы по дереву, макеты, рисунки и этюды студийцев.

Первыми в изостудию пришли Володя Кузовкин, Сусанна Кахана, Лида Панова. Сусанна Кахана удивляла всех своим мастерством. Она могла в мгновение, не отрывая карандаша от бумаги, нарисовать портрет одноклассника с поразительной похожестью даже в характере. Лида Панова слыла художником-карикатуристом.

В один день с Дмитрием Ивановичем приехал в колонию Иван Довженко. Его родители рано умерли от тифа, Ваня работал подпаском в деревне, затем воспитывался в украинском детском доме и, наконец, в августе 1934 года четырнадцатилетним подростком оказался в школе им. С.Т. Шацкого. На всю его короткую жизнь Архангельский стал самым близким человеком. В воспоминаниях «старого студийца» Иван писал: *«На второй или на третий день после начала занятий в наш класс вошёл Николай Павлович Кузин и человек, похожий на доктора, в белом халате, с почти седой головой. «Преподаватель рисования и черчения Дмитрий Иванович Архангельский. Прошу любить и жаловать», — представил его Николай Павлович.*

Первый выходной день я бродил по колонии без дела, ребята группами куда-то уходили, играли, мне некуда было податься, ни с кем я ещё не смог подружиться. Тут-то встретил меня учитель, похожий на доктора, он взял меня за воротник и повёл с собой, объясняя, что мы идём на экскурсию в Белкино. Прогуляемся, посмотрим усадьбу, порисуем. Я рад был провести время, только смущался от такого обращения странного старика. Но он был так прост, весел и интересен, что пока мы дошли

В изостудии.
Сер. 1930-х гг.

Д. И. Архангельский.
Белкино.
Барский дом.
Сер. 1930-х гг.

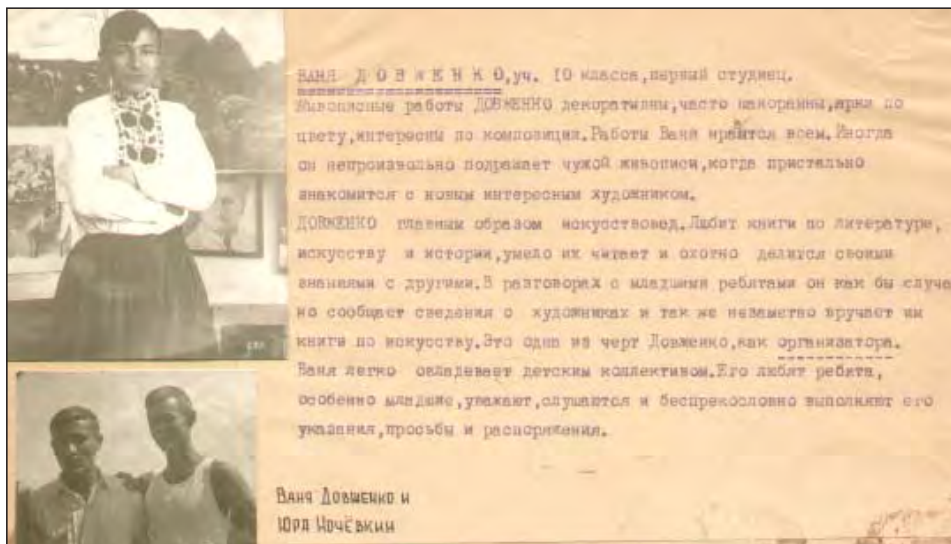

Д. И. Архангельский со студийцами.
1-й ряд слева направо: Н. Калябин, И. Довженко, Д. И. Архангельский, В. Аксенов;
2-й ряд: С. Леонов, В. Костерев, Л. Яковлев, Вязов, Б. Юдин.
1937 г.

Иванович взял кисть, сделал несколько широких мазков и сказал, что всех подробностей не нарисуете, надо обобщать.

Я вернулся с прогулки довольный, а Дмитрию Ивановичу этюд мой, видимо, понравился, потому что после он на каждое занятие изокружка ловил меня и заставлял писать акварелью»¹⁴. Иван Довженко или, как его уважительно называли товарищи Иван Терентьевич, считался одним из лучших учеников школы и самым одарённым студийцем Д. И. Архангельского. Только ему и ещё Лиде Пановой доверяли свою внучку Дмитрий Иванович и Надежда Павловна. С ними Ноника отпускали погулять в лес за грибами, зимой покататься на лыжах. «Ваня читал мне книжки, рассказывал сказки и назывался у меня «Ваня-Волк», хотя он был добрый, весёлый, доброжелательный», — вспоминала Нонна Николаевна.

Д. И. Архангельский называл И. Довженко лучшим пейзажистом школы. «Довженко «учит» природу, — писал Дмитрий Иванович, — старается передать самое характерное из каждого времени года. Не проверив на натуре, Ваня ничего не напишет.

Характеристика
И. Довженко.
1938 г.

Штрих его набросков уверенный, скупой, временами изысканный». Работы Довженко украшали классы, столовую, залы. К сожалению, многие рисунки, и особенно картины, написанные маслом, пропали во время оккупации.

Иван Терентьевич являлся старостой изостудии и первым помощником Дмитрия Ивановича. Он умел говорить с начальством, получал деньги, покупал в Москве кисти, краски, бумагу, руководил изостудией в отсутствие учителя. 1937 год для Ивана был тяжёлым. Его, активного комсомольца, секретаря комитета комсомола школы, члена райкома ВЛКСМ, исключили из комсомола. В вину юноше поставили якобы кулацкое прошлое его родителей и частое посещение «Дома на Набережной» (улица Серафимовича) в Москве, где жили его впоследствии репрессированные родственники. Ваня тяжело переживал эту трагедию, но ребята «не отвернулись» от него, встали на защиту своего товарища и добились восстановления Ивана в комсомоле.

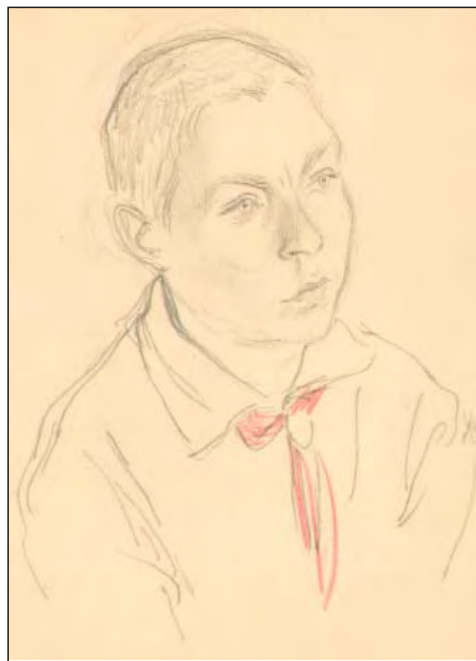
Ближайшим другом Довженко был Борис Юдин. *«Никогда не забуду приход Бориса в школу,— вспоминала А. Д. Кузина.— Небольшого росточка, в розовой сатиновой рубаше, босиком, с ботинками через плечо, он заходит в канцелярию и говорит: «Хочу у вас учиться». Его отца — коммуниста — убили кулаки»¹⁵.* Вскоре Борис стал одним из лучших учеников школы, за основательность прозванный ребятами «академиком».

За одной партой с Борисом сидела Екатерина Арион, весёлая, непосредственная девушка, она стойко выдерживала странности одноклассника. *«Я помню Бориса, когда он приехал в пятый класс из Скрипоровской школы,— вспоминала Екатерина Фоминична.— Это был толстенький, румяный мальчик, несмотря на жизнерадостный цвет лица, сам он был суров и ходил всегда чем-нибудь недовольный.*

Помню, посадили его со мной на одну парту, а так как в этом возрасте, как правило, мальчишки презирают девчонок, то сидеть мне

И. Довженко.
Протва вскрылась.
1936 г.

А. Пластов.
Портрет Б. Юдина.
1936 г.

с ним было нелегко. Он всегда что-то чертил, а для этого занятия у него был огрызок линейки и угольник. Когда он уходил на перемену, то говорил мне: «Арион, карауль, я сейчас приду». И я сидела всю перемену и подобно Аргусу берегла эти предметы. Со сверстниками своими Борис умел хорошо ладить, но особенным озорством не увлекался и никогда в грязных ученических историях не был замешан. Он всегда был сосредоточен в себе. Ученики его очень уважали, но между собой высмеивали его странности»¹⁶. В одном из номеров школьной стенгазеты опубликовали стихотворение, посвящённое Б. Юдину:

Что за шум? Что за звон?
Отчего так мрачен он?
Успокойтесь, ничего –
Вдохновенье у него.
Он собрался на этюды,
Не почистил даже зубы,
Не поел и не попил,
В лес зелёный укатил.
Через час иль через два
Воротился он едва:
Кудри врозь, и еле дышит,
На ланитах роза пышет.
Содрагается весь дом,
В окнах стёкол перезвон,
А в руках его они —
Два этюдища видны.

Б. Юдин.
Возле колонии.
1939 г.

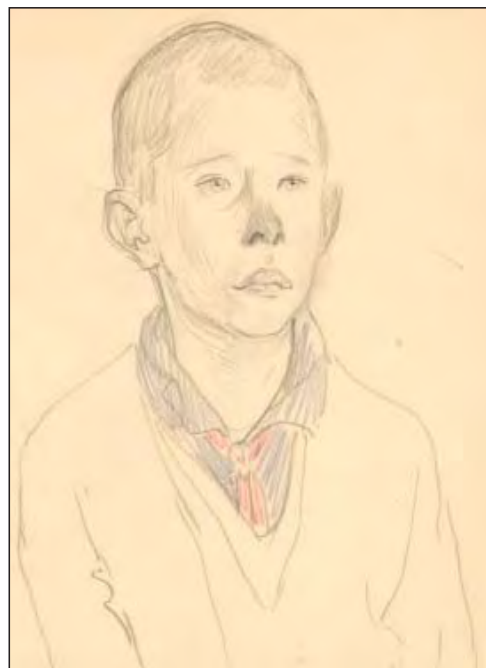
Богатый внутренний мир Борис раскрывал в своих акварелях. Почти все его рисунки посвящены природе, пылающей огнистыми переливами, мыслимыми только осенью, в ясный день. «Это гимн природе в сказочном, зимнем уборе, в иное с мглистыми, неясными далями, природе в глубоком, радостном сне, перед новой весной» (Д. И. А.). Борис «пропадал» на этюдах. Весной, в половодье, он, мокрый, приходил с Протвы с полной папкой рисунков. Писал этюды и в зимние морозы. Однажды, после очередного творческого похода, он развесил свои работы в изостудии и написал Дмитрию Ивановичу записку: «Уважаемый Дмитрий Иванович, просим вас с верхнего этажа спуститься на нижний для осмотра очередной выставки этюдов. Выстав-

ка акварельная (медовые краски в деревянной коробке). Писано на воздухе (–12 градусов). 1937 года, апрель».

Дмитрий Иванович считал, что каждый ребёнок способен воспринимать искусство и жить в мире прекрасного, а его задача — раскрыть и пробудить это насущное стремление. Он никогда «не давил» силой своего авторитета, старался сохранить индивидуальные способности каждого студийца. Просматривая рисунки ребят, можно определить автора по манере письма, тематике, цветовой гамме. «Медленно и вкусно», дробными мазками, мелкими штрихами в китайском стиле рисовал свои акварели самый молчаливый художник студии Вася Трофимов, прозванный «китайцем» за любовь к восточному искусству.

«Поэтом лирического пейзажа» называли Николая Евдокименкова из второго поколения студийцев. Творчеству Николая посвящён единственный выпуск рукописного журнала изостудии «Наше творчество». По мнению В.А. Иванова, обнинского краеведа — автора летописи изостудии, Николай Евдокименков «талантлив был необыкновенно, а по лиричности живописи, возможно, превосходил всех». Николай дружил с Вилием Девизовым. Так же, как и Довженко с Юдиным, Девизов с Евдокименковым были разными по характеру и по манере письма, но очень гармонично дополняли друг друга и в жизни, и в творчестве. Е.В. Ефимова вспоминала: *«Николай — крепкий, «грудь колесом», любил заниматься на брусках. Очень любил книги. Всё время таскал их с собой, набивая под курточку. Во время ремонта общежития мальчиков переселили в особняк Морозовой. При переезде туда выяснилось, что у Николая много книг на политические темы»*¹⁷. Вилий, самолюбивый и вспыльчивый, в отличие от Николая рисовал «мазисто», ярко, его лес «горел, кричал» всеми цветами палитры.

К третьему поколению студийцев можно отнести Сергея Леонова, Николая Калябина, Андрея Кремащева. Андрея привёл к Дмитрию Ивановичу директор школы. Это был рослый подросток, дико озирающийся по сторонам. Директор отвёл Архангельского в сторону и по-

А. Пластов.
Портрет
В. Трофимова.
1936 г.

В. Трофимов.
Сарай в лесу.
1936 г.

Н. Евдокименков.
Середина 1930-х гг.

Испанские дети
в изостудии.
За мольбертом
Н. Евдокименков.
1938 г.

лушѐпотом спросил: «Может, вам удастся вылепить из него человека?» Ершистый, недоверчивый юноша постепенно успокоился, но его огненный темперамент проявился в рисунках, изображающих батальные сцены из жизни пограничников, эпизоды боѐв на озере Хасан, войну в Испании. Под стать Андрею живо и динамично изображал сражения «на земле, на небе, на море» Сергей Леонов, работы которого отличались сложностью и масштабностью композиции. Сергей дружил с Николаем Калябиным. Николай в отличие от спокойного Сергея «спуску никому не давал». Неслучайно ребята называли Сергея уважительно «Леоныч», а Николая — «Каляба». Когда Николай впер-

ДВИЗОВ, уч. 8 кл. первое время только „привыкал“ к студии, присматривался к ребятам и работам. Это было в прошлом году. /1937-38г./ Ближе к лету Девизов попробовал свои силы в масляной живописи. Она ему далась. Девизов сделал около полдюжины живых по цвету и передаче об"ёма этюдов. Летом /1938г./ он стал серьезно изучать акварель. Пробует различные акварельные приемы: наладку одного тона на другой, работу по сырому, сухой кистью и т.д.

Характеристика
на В. Девизова.
Конец 1930-х гг.

С большой настойчивостью и методичностью ведет Девизов свои опыты в области акварельной живописи. Его этюды — результат острых наблюдений природы, худ. вдохновения, частых сомнений, глубоких размышлений.

вые появился в школе, он грозно сказал: «Я вам не шутки пришёл сюда шутить. Я — Каляба». Если ему что-то не нравилось, он смело критиковал своих товарищей, но в то же время был надёжным и любознательным юношей. В газете «Московский колхозник» поместили статью агронома «Бодрой жизни» о достижениях Н. Калябина — садовода и огородника: *«Ученик 6-го класса Калябин вырастил в четырёхрамном парнике 24 арбуза. Первые плоды поспели 8 июля. Арбузы весом два-три кило. Наш опыт показал, что в условиях Московской области вырастить в парниках арбузы и дыни — дело вполне возможное»*. Акварельные рисунки Н. Калябина особо отмечались на выставках, и его по праву называли «самым акварельным акварелистом изостудии».

«Живописцем-романтиком» называл Дмитрий Иванович Михаила Богдана. Юноша «грезил» путешествиями и очень достоверно изображал море, хотя никогда там не бывал¹⁸.

Много работ студийцев посвящено развернувшемуся освоению Северного морского пути, гибели ледокола «Челюскин» и эпопее спасательных работ, выдающимся перелётам через Северный полюс экипажей В. Чкалова и М. Громова, полярному дрейфу ледокола «Георгий Седов» в 1937–1940 годах, подвигу Папанинской четвёрки в 1938 году. Юные художники часто делали небольшие иллюстрации для

Н. Евдокименков.
Дорога в соснах.
1937 г.

В. Девизов.
Весна в Овражках-
Вялках.
Март 1942 г.

Характеристика
на А. Кремащев.
1939 г.

А. Кремащев.
Бородино.
1941 г.

АРБУЗЫ И ДЫНИ, ВЫРАЩЕННЫЕ В ПАРНИКАХ

1 марта дыни в глиняные горшки, которые поставили в теплицу. 5 апреля рассаду высадили в полутеплые парники.

9 июня ученицы 5-го класса Доброславская, Хрычева и Крюкова сняли первые дыни. Дыни вполне нормально вызрели и имеют прекрасный аромат и вкус. Вес дынь — от 1,2 до 1,6 килограмма.

Ученик 5-го класса Колябин вырастил в одном четырехрамном парнике 24 арбуза. Первые плоды поспели 3 июля. Арбузы весом 2—3 кило.

Наш опыт показывает, что в условиях Московской области вырастить в парниках арбузы и дыни дело вполне возможное и нетрудное. Культурой дынь и арбузов мы занимаемся уже несколько лет под ряд, и ежегодно они хорошо вызревают.

Агроном школы им. С. Т. Шацкого Н. Ночевкин.

(Угодско-Заводской район).

На снимке: Коля Колябин

Ученики 5-го класса школы им. педагога С. Т. Шацкого (Угодско-Заводской район) посеяли 15 февраля арбузы и

снял первый арбуз, выращенный в парниках.

Фото ученика IX класса школы им. С. Т. Шацкого Мити Зиминой.

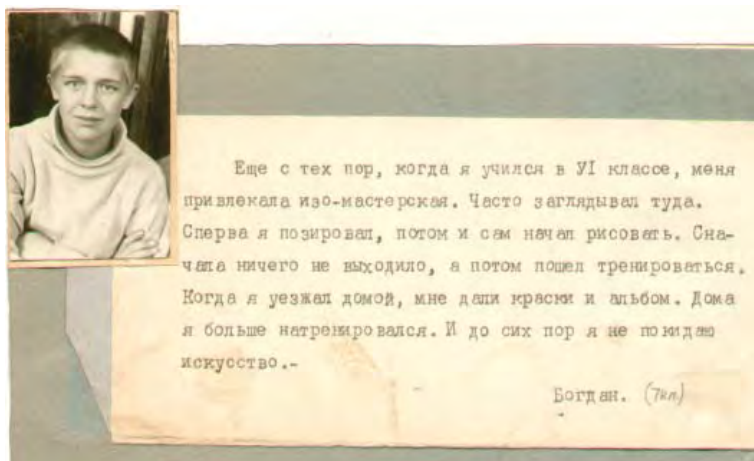
Статья из газеты
«Московский
колхозник».
9 августа 1937 г.

доски международных событий, выставленной в коридоре школы. С. Леонов и М. Богдан написали для газеты картины «Бой на улицах Барселоны» и «Прилёт экспедиции Шмидта на Северный полюс».

Катя Арион рисовала прекрасные иллюстрации к художественным произведениям, театральным постановкам. Сергея Зелихова Дмитрий Иванович называл прирождённым декоратором. «У него для этого есть все данные: интересный, кудреватый рисунок», упрощённость и выразительность в живописи, умение использовать любой формат и размер бумаги». По словам И. Довженко, Сергею ничего не стоило написать картину в 20 метров. Сергей, очень общительный, энергичный и компанейский парень, учился в школе с братом Анатолием. Юноши погибли в апреле 1942 года, почти в один день.

Рисунки, выполненные Д. И. Архангельским и студийцами, дают яркое представление о зданиях колонии, обстановке в классах и общежитиях, о быте и занятиях ребят. Евдокименков нарисовал, как «Ганелин пишет сочинение», как «Девизов чинит часы», Юдин изобразил, как ребята занимаются в планерном кружке.

Во время путешествий по округе студийцы делали зарисовки, позволившие нам представить, какими были деревни Пяткино, Самсоново, село Белкино. Приезжая с летних каникул, ребята показывали свои рисунки, а Дмитрий Иванович за неделю до начала занятий выставлял в вестибюле школы лучшие летние работы студийцев. Александр Селунский привозил этюды Угодскозаводского района, который он хорошо знал, разъезжая по нему со своим отцом — киномехаником, Коля Калябин неизменно рисовал свою деревню Верховье, Иван Довженко приво-

Характеристика
на М. Богдана.
Сер. 1930-х гг.

М. Богдан.
Покорение
Северного
Ледовитого океана.
1936 г.

Е. Арион

Е. Арион. Русский
исторический
костюм

зил с Украины акварели, образцы народной вышивки, Николай Евдокименков каждое лето радовал учителя пейзажами из Курской области, Давид Орджоникидзе представлял яркие акварели с видами Кавказа.

С 1935 года студийцы постоянно участвовали в областных выставках детского творчества, занимали призовые места, а в качестве награды получали краски, кисти, карандаши — дефицит тех лет. «1936 год стал знаменательным для изостудии. Шестидесят две работы ребят посланы в заполярную школу на полуострове Ямал. Это воспринималось как участие в освоении Севера. Студийцы готовят и посылают подарки Съезду Советов и X Съезду ВЛКСМ. Работы И. Довженко и Ж. Сардаряна побывали на выставке детского творчества в Париже. Всё это было свидетельством самой активной общественной жизни школы»¹⁹.

Н. Евдокименков.
Ганелин пишет
сочинение.
1938 г.

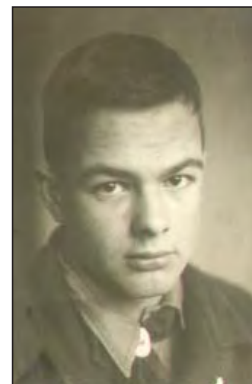
Изостудию Д. И. Архангельского можно назвать творческим и организационным центром школы им. С. Т. Шацкого 1930-х годов. Она объединяла юных художников, скульпторов, декораторов, оформителей, аниматоров. К когорте юных художников примкнули и школьные фотографы Леонид Яковлев и Николай Лебедев. Младший брат Николая, Володя, подобно своим товарищам, увлёкся рисованием, правда, изостудию посещал нечасто. С братом Николаем они на выходные обязательно уходили к матери в Кривошеино, помочь по хозяйству. По воле судьбы Владимир Николаевич Лебедев стал профессиональным художником²⁰.

Благодаря фотографам-любителям сохранилось много фотографий из истории изостудии. На одной из них — студийцы вместе с Дмитрием Ивановичем Архангельским и известным художником Аркадием Александровичем Пластовым²¹. Ученик Д. И. Архангельского, Аркадий Александрович, не раз приезжал в школу Шацкого к любимому учителю, беседовал с ребятами о живописи, написал портреты Л. Пановой, И. Довженко, Б. Юдина, С. Кахана, В. Трофимова, М. Богдана, «прошелся карандашом» по портрету Давида Орджоникидзе, Сусанны Кахана. Катрины А. А. Пластова экспонировались на школьной выставке, одну из них — «Московский трамвай» — художник подарил школе.

Посещал колонию и другой ученик Архангельского — Виктор Васильевич Киселёв, в те годы молодой начинающий художник. Привозила свои работы дочь Дмитрия Ивановича Галина Дмитриевна Невзорова, художник по текстилю²¹. Общение с гостями формировало художественный вкус, расширяло творческий кругозор ребят.

Бывали студийцы на даче известного художника П. П. Кончаловского. Н. И. Широков вспоминал, что Пётр Петрович был очень прост в общении, показывал свои картины, водил по саду и огороду, угощал вкусными, ароматными яблоками.

Различных по поведению и темпераменту, одарённых и не очень, маленьких и больших — всех студийцев объединяла любовь к своему учителю. «Для меня семья Архангельских была родным местом, — вспоминал Иван Довженко. — Не было дня, чтобы я не поднимался наверх. Много дней провёл я в этом замечательном семействе. Если днём не удавалось зайти, я заходил перед сном, пожелать всем спокойной ночи»²². Когда Дмитрий Иванович уезжал по делам в Москву, ребята с нетерпением ждали учителя и в любую погоду, вооружившись фонариками, с валенками или галошами, шли его встре-

Георгий Орлов

Г. Орлов.
Очередь в баню.
Из школьной
стенгазеты.
1939 г.

Д. И. Архангельский.
Начальная школа
в «Бодрой жизни».
1939 г.

А. Селунский.
Школа д. Трясь.
1940 г.

*Он с виду стар –
Седые волосы
И сгорблена спина,
Но вечно юная
Всегда кипящая
Душа художника его!
Он полон пламени!
Всегда с ребятами —
Он любит их, они его.
И учит их он без усилия —
Искусство дорого ему.*

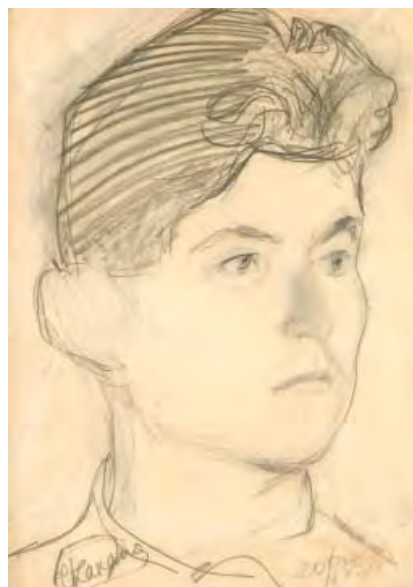
В юбилейной газете опубликовали приказ по школе за подписью директора М. С. Мякотина о возбуждении ходатайства перед Наркомпросом о предоставлении Дмитрию Ивановичу «научной командировки в пределах РСФСР» за отличную работу в школе им. С. Т. Шацкого. Как душевного человека, талантливого художника, Архангельского уважали и ценили педагоги, люби-

ли и боготворили ученики.

Дмитрий Иванович часто показывал студийцам свои пленительные, трепетные акварели. «Этюды ваши я никогда не мог смотреть спокойно,— писал Николай Калябин в одном из писем.— Мне всегда хотелось съесть их глазами. А ведь, кажется, как всё просто. И эти берёзки, и эти сосны — всё видел тысячу раз в натуре.

В. Н. Лебедев.
Бой на озере Хасан.
1940 г.

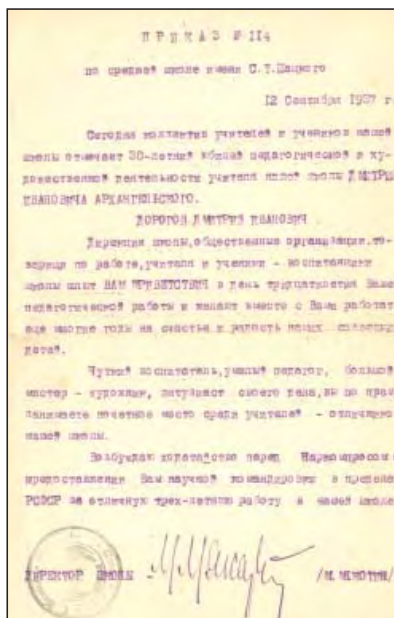

Здесь же смотришь в тысячу первый и не знаешь, плакать или смеяться от радости и счастья. Во всём запечатлена какая-то поэзия, которая в природе не сразу бросается в глаза». Дмитрий Иванович умел видеть в окружающем мире прекрасное и учил этому умению студийцев. «Нет, не учил. Сам любил, и рядом с ним по-другому было нельзя. Показывая этюды, он гладил деревья, рассказывал, как «лежит вода» или заваливается небосвод. Счастливый, собирал в папки рисуночки, акварели — все неумки своих учеников, которые роились вокруг него, как ку-тята, радостные его любовью»²³.

В 1939 году покинули школу первые студийцы Архангельского: Иван Довженко, Борис Юдин, Катя Арион. Но подрастало

А. Пластов и Д. И. Архангельский со студийцами. 1935 г.

С. Кахана. Портрет Д. Орджоникидзе. Правка А. Пластова. 1935 г.

Дочери Д. И. Архангельского: Нонна (в 1 ряду) и Галина (справа) в гостях у деда. 1935 г.

Приказ директора школы М. С. Мякотина от 12 сентября 1937 г.

Д. И. Архангельский.
Зимний пейзаж.
1935 г.

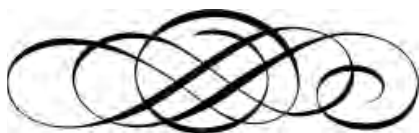
и расцветало новое поколение ребят. Появились одарённые ученики: В. Жаринов, Н. Калябин, С. Леонов, В. Костерев. Дмитрий Иванович продолжал работать, вкладывать в души ребят «разумное, доброе, вечное». Но 2 декабря 1939 года случилась беда. Сгорело здание изостудии с квартирами Архангельских и сестёр Польшман. В огне горели вещи, одежда, мебель, а Дмитрий Иванович со студийцами спасали из огня самое ценное — архивы, симбирские этюды, рисунки студийцев. Архангельские переселились в маленькую комнатку во флигеле Морозовского дома (дом, где впоследствии жил Д. И. Блохинцев). Дмитрия Ивановича тяготила оторванность от основной территории школы, о строительстве новой изостудии не было даже и речи. Просьбы педагога не находили отклика у администрации школы. Бывшие ученики поддерживали Дмитрия Ивановича — со всех концов «летели» в школу Шацкого письма. 30 января 1941 года красноармеец Василий Торфимов писал с Дальнего Востока: *«С сожалением смотрю на приходящую весну, а вырваться не могу. Передо мной проходят бывшие весенние эпопеи. С каким удовольствием я снова бы полазал по лужам, неся в сумочке неизменные краски, кисти и бумагу. У вас там, должно быть, какой запах, а какие лужи! Эх!»*

В июне 1941-го Дмитрий Иванович и Надежда Павловна переехали в подмосковный посёлок Родники, ставший на многие годы «узлом связи» и местом встречи колонистов послевоенной поры.

Шарж. В. Варюхин.
Встреча через 20 лет
(слева направо:
В. А. Варюхин,
И. Т. Довженко,
Т. Н. Ночевкин,
Б. Ф. Юдин).
1937 г.

Глава VI
«И вечный бой...»

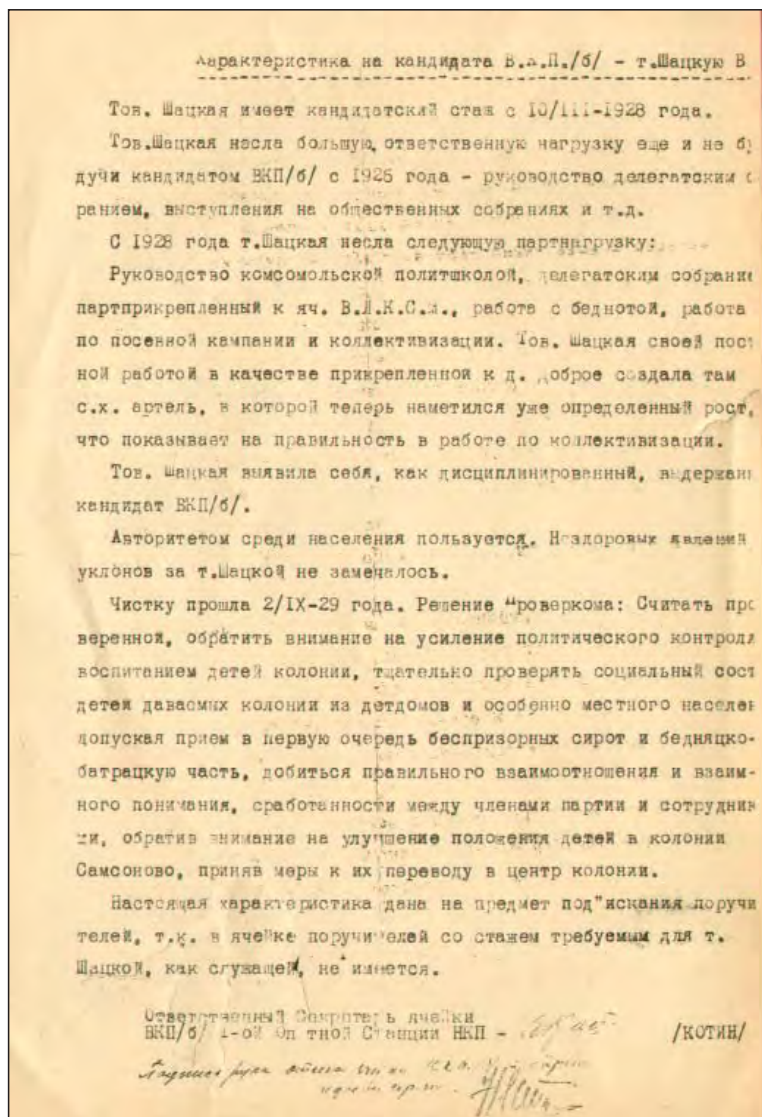

Модель школы, разработанная С.Т. Шацким, включала педагогов и детей в систему общественных отношений через общественно-полезную деятельность. С течением времени общественная работа всех структурных подразделений Опытной станции приобретала ярко выраженную политическую окраску. В 1921 году в Калужском отделении появился политработник, беседовал с учителями, выясняя их политические взгляды, читал лекции, готовил базу для создания партийной группы. В конце 1920-х годов в партийную организацию Калужского отделения вошли Н.П. Кузин, А.С. Мякотина, А.И. Котин, П.В. Кованов, Б.П. Бавыкин и, конечно, В.Н. и С.Т. Шацкие. *«Недавно получил свой партбилет,— писал Шацкий Н.К. Крупской,— и испытываю какое-то особенное чувство удовлетворения. Идёт огромная перемена личности, и я ломаю себя с большим азартом. Жаль, что всё это пришлось несколько поздно. Но ведь дело в том, чтобы полагающийся мне большой или малый остаток жизни прожить как следует, большевиком, и выудить из себя всё, что нужно партии»*¹.

Поверив в коммунистическую идею, Шацкий рассматривал детский коллектив как общественную организацию для пропаганды идей социализма и подготовки строителей и борцов за коммунизм. Вследствие этого, учебно-воспитательные организации школы-колонии «Бодрая жизнь» решали поставленную перед ними задачу социа-

Партийно-комсомольское собрание сотрудников I Опытной станции.
1 ряд слева направо:
3. А. Д. Кузина,
5. С. Т. Шацкий,
8. А. С. Мякотина;
2-й ряд: 1. А. Котин,
2. В. Н. Шацкая,
4. Н. П. Кузин,
5. П. В. Кованов.
1929 г.

Характеристика
на кандидата ВКП(б)
В.Н. Шацкую.
1929 г.

листического переустройства деревни.

Район непосредственного воздействия школы-колонии охватывал четыре сельсовета: Белкинский, Белоусовский, Кабицинский и Потресовский, в которые входили десять селений, семь школ и четыре детских сада. За каждым сельсоветом «закрепили» группу колонистов из общественно-политического кружка, организованного в феврале 1922 года и включавшего около 80 % учащихся школы. Члены кружка занимались политическим самообразованием: брали различные темы, например, «Жизнь и деятельность Карла Маркса по статьям В.И. Ленина», «Обращение к юношеству Кропоткина», «Германия прежде и теперь» — и делали доклады. В декабре 1924-го общественно-политический кружок разделился на секции:

сельскохозяйственную, санитарную, театральную, музыкальную, клубную. Ребята из сельскохозяйственной секции устраивали выставки, обследовали деревни Кабицино, Самсоново, Белкино и составляли отчёты о состоянии дел в каждой из деревень. Например, выяснили, что в районе Опытной станции многие жители занимались ткачеством, но цены на платки «упали» и люди остались без работы. Особенно это коснулось молодёжи. Кружковцы связались с производственной фабрикой «Льно-прибор» и организовали при колонии производственную артель деревенской молодёжи. Затем появились ещё две артели: по производству футляров для готовален и гирь для часов-«ходиков».

Члены сельскохозяйственной секции, изучив бытовые условия жизни крестьян, пришли к выводу, что «в Самсонове крестьяне живут чище и богаче, чем в Белкино, но, в общем, крестьяне живут в очень скверных условиях. Комнаты маленькие, грязные,

езде — беспорядок». Санитарная секция общественно-политического кружка начала пропаганду здорового образа жизни. Обратив внимание на большую смертность детей грудного возраста, приготовили выставку «Уход за грудным ребёнком и физиология женщины», беседовали о яслях, сообща организовали их в Белкино, Самсоново, Пяткино.

Чтобы привлечь деревенскую молодёжь, кружковцы решили открыть Клуб деревенской молодёжи, который должен был стать «не только местом развлечения, но и местом организации и выявления интересов молодёжи». Девятого ноября 1924 года Клуб деревенской молодёжи «открыл двери» для первых посетителей. Он располагался на втором этаже двухэтажного здания недалеко от дома, где жили Шацкие, на первом этаже — кухня и котельная. Каждую субботу с шести до одиннадцати вечера в клубе собиралось около восьмидесяти юношей и девушек из окрестных деревень. Играли в шахматы, брали книги в библиотеке, занимались в кабинетах математики, обществоведения, литературы, слушали лекции. После устраивали танцы, что особенно привлекало молодых посетителей клуба. Колонистам удалось привлечь творческую молодёжь и из деревенских кружков организовать театральную секцию. Поставили три спектакля А. Н. Островского, инсценировки Зощенко. При музыкальной секции появился хор. «Ребятам хотелось петь, а колонистам попробовать свои силы. В хоре участвовали «главным образом юноши, девушек было мало, так как последние очень зависели от родителей. Во время работы пришлось столкнуться с религиозными предрассудками, из-за которых из кружка вышло одиннадцать девочек». Это событие послужило толчком для проведения антирелигиозной кампании. Приводим очерк, опубликованный в одном из рукописных журналов колонии.

Клуб-столовая.
1926 г.

Драмкружок
д. Потресово.
Нач. 1920-х гг.

«Антипасхальная ночь в Белкино»

Свежие следы весны оставались ещё на дорогах и полях. Последние лучи солнца догорают на верхушках ещё не набухающих деревьев. Окунулось солнце, и стало темно, слышно лишь, как хлюпают сапоги. Маленький треугольный фонарик с огарком свечи тускло освещает весеннюю слякоть. Десять часов вечера. В парке высится тёмный силуэт трёхэтажного дома. Из открытых окон зала доносятся топот и смех. Входим в недавно открывшийся клуб. В зале красиво. Висят фонари, завёрнутые в разноцветную бумагу, зелёные ветки ёлок, портреты вождей переглядываются из зелени, и множество светящихся плакатов о первом мае. Молодёжь играет, бежит, шумит. В другой комнате за шашками ломают головы два старых крестьянина. На столе — газеты, журналы, тут же гармошка, под которую, вывёртывая ноги, пляшет молодёжь. В эту ночь, когда попы готовятся обобрать, одурманить тёмное крестьянство, здесь веселятся безбожники. Делая доклад о религии, заведующий школой приветствовал собравшихся безбожников, которые борются за новый культурный быт. За ним выступает заведующая колонией. По окончании её доклада поют Интернационал. Как сумели, так и спели, хорошо ли, плохо ли, но пели со всем чувством. Дальше выступают комсомольцы с небольшой пьеской. Пьеска была мало подготовлена, но под суфлёра она сошла хорошо. Закрыли занавес и стали приготавливать карликов. Двое ребят представляли одного карлика, руки первого служили ногами, руки второго — руками. Получились короткие, смешные фигурки. Один из карликов забыл, что у него рука служит ногой, и стал поправлять ею падающий цилиндр. Получилось очень смешно, но, к счастью, мало кто заметил.

Кончились номерки. Было 12 часов ночи. Ударили в церкви в дребезжащий колокол. Старые крестьяне вышли из зала, молодёжь осталась. Стали ждать кино, которое застряло у околицы. Лошадь завязла, порвала тяжи, а динамо-машина свалилась в грязь. Пока пошли тащить, принялись танцевать. Принесли кино, стали устанавливать. В колонии забыли провода. За провода сошла железная проволока. Заработала машина, закрутилась кинолента. С грехом пополам прокрутили первую часть. На второй — остановилась совсем. Динамо больше не работала. Сломанную потащили в телегу и на рассвете уехали. Кино испортило настроение. Захотелось есть. Опять принялись играть и плясать, но уже не с той охотой. Потом разошлись. Ещё морозная ночь сделала дорогу сухой, а когда

подходили к колонии, солнце выкатилось багровым шаром и принялось отогревать замёрзшую землю. Было пять часов утра»².

Подобные антипасхальные вечера колонисты провели в деревнях Кабицино, Самсоново, Потресово, Кривское. В Кривском вечером под Пасху выступал Шацкий. *«Когда родителям объявили, что*

*сегодня открывается вечер, где будем играть, петь, плясать, они ужаснулись: «Богохульники, под самую Пасху идёте беситься!» Многих ребят в клуб не пустили, некоторые насильно ушли, так что народу собралось человек сорок. После этого вечера ребята вышли довольные, даже и сейчас вспоминают. Нашу деревню могут организовать только колонисты. У нас, правда, есть комсомольцы, человека четыре, и то ещё молодые и недавно вступили в организацию»*³.

В «Бодрой жизни» комсомольская организация появилась в 1924 году. Разговоры об организации комсомола ребята начали вести за год до этого. Но как это сделать? За советом они обратились к С.Т. Шацкому. Станислав Теофилович посоветовал отнестись к этому решению очень ответственно и сказал, что хочет вступить в коммунистическую партию, но считает себя ещё неподготовленным к этому серьёзному шагу. В январе 1924 года В. Рожков и Н. Соколов поехали в райком комсомола г. Малоярославца и подали заявление о вступлении в комсомол. Райком «дал добро» на организацию комсомольской ячейки в «Бодрой жизни». Весной того же года комсомол колонии слился с комсомольской ячейкой села Белкино, в которую входили В. Блиников, В. Кондрашов и С. Синюхин. Сельсовет выделил ребятам домик около церкви. Комсомольцы украсили помещение плакатами, флагами, портретами пролетарских вождей, организовали библиотеку, проводили политзанятия. *«Первого мая с красным флагом и революционными песнями мы прошли по Белкино,— вспоминала В. Изачик.— Около Народного дома провели небольшой митинг. Молодёжь следовала за нами, а старики смотрели, кто косо, кто с любопытством, особенно на меня, единственную девушку-комсомолку»*⁴.

В начале 1925 года в «Бодрой жизни» организовали пионерский отряд. Сотни ребят стали пионерами, стремились хоро-

Комсомольцы
А. Сиваш (слева),
Л. Яковлев,
Ю. Левковский
(справа).
1940 г.

по учиться, выполнять добросовестно общественные поручения и глубоко верили в дело Ленина и Сталина. 11 апреля 1936 года стало для комсомольцев и пионеров Советского Союза замечательным днём. В этот день собрался X съезд ВЛКСМ, и в час его открытия по всей стране зажглись десятки тысяч пионерских костров. Завуч школы Д. Ф. Тамицкий так описал это событие: *«В столовой школы, которая одновременно являлась и клубом, сегодня необычная обстановка: в середине зала из красного полотна, еловых веток сооружён электрический «костёр». Кругом «костра» полукругом в несколько рядов — стулья, немного в стороне стоит пианино. Пока здесь тихо. Но вот на улице послышалась дробь барабанов и звук горна — это из школы строем идут пионеры. Пионерские отряды один за другим занимают места вокруг «костра», затем садятся комсомольцы. Красным пламенем загорелся «костёр». Свет от двадцати лампочек, мягко просачиваясь сквозь красную материю, создаёт необычайную, таинственную обстановку. У красной тумбочки — старший вожатый. Он начинает говорить, как возник комсомол. Шура Кабанова, пионерка из пятого класса, читает отрывок из замечательного романа Н.А. Островского «Как закалялась сталь», хор поёт песню «Смело, товарищи, в ногу». Катя Арион рассказывает о подпольной работе коммунистов в тылу у белополяков. Кровь стынет в жилах, когда Катя взволнованно говорит о том, как их казнили. Каждый думает: «Нет такой силы, чтобы остановить победоносное шествие рабочего класса. Кровью не застращаешь революционную молодёжь».*

Пионерский отряд.
1930 г.

Рассказ о двух орденах комсомола, о шефстве над военно-морским и военно-воздушным флотом дополняет Марш авиаторов. Радостно и легко на сердце от песни весёлой. Радостно и легко от той жизни, которую мы живём и от перспективы того будущего, к которому мы идём. И мысли о нашем счастье, о родине проникнуты горячей любовью к тем, кто привёл нас к победе.

Пионеры читают газету.
Нач. 1930-х гг.

Великому Сталину, стоя, аплодирует весь зал. В заключение, грозным предостережением звучат мощные слова: «А если враг нашу радость живую отнять захочет в упорном бою, тогда мы песню споём боевую и встанем грудью за родину свою»⁵.

Пионеры школы-колонии «Бодрая жизнь», следуя заветам вождей, «разжигали мировой пожар революции», переписываясь с ребятами из других стран. Так, в 1930 году берлинская пионерка Хильда Ахе написала в письме: *«Перед нами Первое мая. Как вы готовитесь к этому празднику? Здесь, в Германии, демонстрации запрещены, но мы всё же демонстрировать будем. Дойдёт до кровавых побоищ, будут стрелять в ребят. Каждый из нас сознаёт, что может быть убит или арестован.*

Скажите, будет ли у вас пионерский лагерь? Собственно говоря, у Вас всегда лагерь, раз Вы живёте в колонии. Напишите об этом.

Будь готов! Ваша Хильда Ахе»⁶.

Мощным средством пропаганды нового строя были политические праздники, проводимые колонистами совместно с молодёжью из окрестных деревень. К этим датам ребята писали сочинения, ставили спектакли, сочиняли стихи. В годовщину смерти В.И. Ленина 21 января 1925 года колонист С. Симов прочитал своё стихотворение:

*«Прощай, ты наш Ленин,
Товарищ и друг
И храбрый защитник рабочих.
Оставил идеи свои, ты, вождь, нам,
Прощай, ты наш Ленин,
Прощай ты, прощай.
Возьмёмся за дело мы смело».*

С. Т. Шацкий среди
работников детского
коммунистического
движения.
Москва,
1931 г.

Особенно торжественно отметили в колонии 10-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Разучили песни «Стройтесь в шеренги», «Держи порох сухим», «Мы победим», подготовили спектакль «От капитализма к социализму», выставку детского рисунка, кукольный спектакль «Комсомольский Петрушка». Седьмого ноября 1927 года в Белкинском Народном доме собралось 350 человек. Stanisлав Теофилович в тот день выглядел особенно бодро. Улыбающийся, с красным бантом на груди, он поднялся на сцену, чтобы поздравить собравшихся с праздником. Шацкий говорил просто и доходчиво. Он любил мечтать. И здесь не изменил себе: нарисовал захватывающую картину будущего.

Выступая на собраниях, конференциях, Stanisлав Теофилович всё чаще говорил о политике, призывая педагогов активно включиться в дело строительства счастливого социалистического будущего. *«Учитель, проводя работу с ребятами,— говорил педагог,— должен проявлять революционный пыл. Первая наша задача — содействовать стремлению крестьянства войти в колхоз».* Следуя призывам Шацкого, педагоги и воспитанники школы-колонии участвовали во всех политических кампаниях, проводимых советским правительством: митингах, перевыборах в сельсоветы, весенне-посевных баталиях.

В январе 1929 года готовились к перевыборам в сельсоветы: писали лозунги, плакаты, собирали материал о классовой борьбе, выступали на отчётных собраниях в сельсоветах. Для доклада председателя Самсоновского сельсовета сделали диаграммы рас-

Колонисты
агитируют вступать
в колхоз.
1929 г.

ходования средств самообложения, организовали доставку газет, составили воззвание к гражданам деревни и зачитали его на сходе: *«В воскресенье, 27 января в 6 часов вечера, будут проходить перевыборы сельсовета. Просим всех мужчин и женщин прийти, чтобы сообща выбрать хороших работников. Мы, в свою очередь, обязуемся:*

1. Помочь беднейшим детям учиться в школе.
2. Устраивать в деревне ясли.
3. Запретить продажу папирос и вина детям.
4. Обратить внимание на положение ребят-батрачат»⁷.

В день перевыборов колонисты ездили по деревням на агитповозке: лошадь с флагом на дуге, на санях — лозунги; под звук горна и барабана выкрикивали: «Бедняк и батрак, в сельсоветы!», «Женщина, иди в сельсоветы, помогай строить социализм!» Крестьяне с интересом смотрели на юных агитаторов. Бедняки поощрительно кивали им вслед, зажиточные ругались: «Ездите тут, дураки, делать вам нечего!»

После XIV съезда ВКП(б), провозгласившего курс на индустриализацию, социалистическая экономика стремительно развивалась: строились заводы, фабрики, вводились в строй электростанции. Город нужно было обеспечить продуктами питания, что в условиях НЭПа было уже невозможно. XV съезд ВКП(б) провозгласил курс на коллективизацию крестьянских хозяйств, ликвидацию кулачества. Но, как говорится, «лес рубят — щепки летят», страдали также и середняки. Политика насилия вызывала недовольство крестьян. В 1927–1928 годах отчётно-перевыборные кампании проходили в обстановке ожесточённой классовой борьбы. Срывались делегатские собрания, в Угодском Заводе зверски убили библиотекаря, покушались на сотрудника Опытной станции П. В. Кованова, активизировались уголовные элементы. По воспоминаниям Н. И. Широкова, в районе д. Передоль действовала банда Милого, специализирующаяся по грабежам

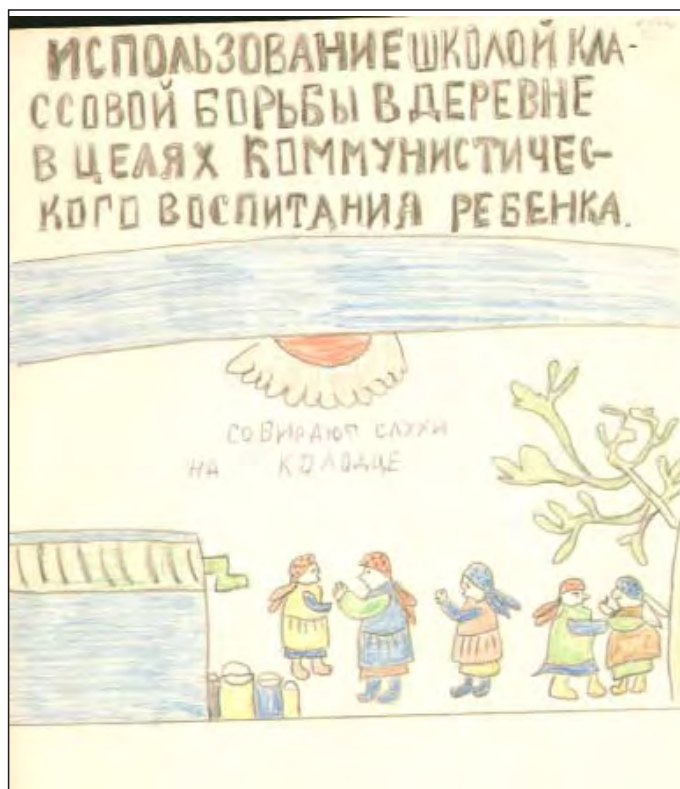
банков и касс. «В 1933 году,— вспоминал Николай Иванович,— поехали мы с отцом в Тарутино, около леса нас остановили бандиты, но, увидев, что мы — простые крестьяне, пропустили. Местные жители говорили, что бедняков бандиты не грабят, только тех, у кого есть деньги».

Недовольные советской властью, чтобы дискредитировать учителей-партийцев, распространяли самые нелепые слухи. Например, говорили: «Партийные учителя выступают потому, что им деньги платят», «Шацкая за каждое собрание от партии получает по 25 рублей, поэтому обязательно своего дожждётся», «Женщин стали в делегатки записывать — их легче опутать», «Хлеба в стране нет, потому что в Польшу свезли». Повсеместно наблюдались провокационные высказывания кулаков. Так, председатель Угодскозаводской коммуны им. Сталина товарищ Чеборин на вопрос из зала: «Правда ли, что коммунары ходят по деревням с протянутой рукой?» — отвечал: «Бывает так, кулак наденет сумку и идёт по деревне с пришепётыванием: “матушка, подай Христа ради! Было у меня середняцкое хозяйство, разорили, заставляли пойти в коммуну, а теперь вот и побираюсь”»⁸.

Особенно острое противостояние началось, когда стали агитировать вступать в колхозы. В январе 1930 года в д. Кабицино приехал из Боровска коммунист Лутков. П. В. Сучкова вспоминала: «На собрание пришли все. Никто на выступал. Все молчали.

Использование
школой классовой
борьбы в деревне.
Сочинение
«Что говорят
о колхозе».
1930 г.

Плакат.
Как государство
помогало колхозу
в 1930 году

Со скрипом, но многие вступили в колхоз — назвали «Верный путь». Стали коллективизировать лошадей. У хозяек слёзы. Наступила весна, а лошадей кормить нечем, у колхозников из личных хозяйств выгребли сено, овёс. Мать с соседкой Пелагеей засеяли поле вручную, сеялок не было»⁹.

Обстановка страха, смятения отражалась на детях, приходивших учиться в «Бодрую жизнь». Ребята из «середняков» с досадой говорили: «Выучишься в колонии, а потом — в пастухи». Некоторые ребята старались реже бывать дома. *«В деревню я хожу нечасто,— писал С. Панкратов из Трубино. — Когда приходишь в деревню, только и слышишь, что про войну. Теперь наши деревенские закупают много соли, ругают советскую власть. Кто-то встретил Николая Чудотворца, и тот сказал, что в субботу, под Пасху, будет свет-конец, но этому не все верят, а большинство относятся с насмешкой»¹⁰.*

Валентина Николаевна отмечала, что «напряжённость, а порой раздражение, «идёт из деревни», и призывала педагогов «идти в народ», бороться с мракобесием и бескультурьем. Шацкие в этот период много ездят по деревням, рассказывают крестьянам о преимуществах колхозной жизни, о происках кулаков. В записной книжке Шацкого термины «кулак», «середняк», «колхозное собрание» вытесняли педагогическую терминологию. Возвращаясь после очередной кампании, педагог, вконец измученный, записал в дневнике: «Я только что вернулся с поля битвы, вроде как из окопов. *«Дверь их дома никогда не закрывалась,— писала Н. К. Крупская,— и случилось, что часа в четыре утра к ним в спальню заходил какой-нибудь крестьянин из соседнего села, чтобы позвать на собрание»¹¹.* Вероятно, по причине такой политической активности Шацких, противники коллективизации подожгли их дом, сгорело имущество, книги, архив, рукопись II части книги «Бодрая жизнь». Как только потушили пожар, Stanisław Теофилович отправился читать лекцию крестьянам.

«Агентами нового мира» становились и сотрудники I Опытной станции. По сообщениям М. Н. Скаткина, в 1926 году 16 учителей вошли в сельсоветы. Сам Михаил Николаевич, член волисполкома, входил в ревизионную комиссию Белкинского кооператива. М. Н. и Л. Н. Скаткины входили в экономическое бюро Опытной станции, проводили статистические и социально-экономические обследования крестьянских хозяйств. И. А. Молоканов, член организационного комитета Калужского отделения станции, возглавил Угодскозаводское сельскохозяйственное товарищество. «По партийной лестнице» до второго секретаря

Угодскозаводского райкома поднялась А. С. Мякотина, преподававшая в д. Кабицино.

Педагоги Опытной станции не только входили в руководящие структуры района, но и сами организовывали колхозы. В 1928 году В. Н. Шацкая и Н. П. Кузин организовали в д. Доброе колхоз им. К. Маркса: вошло двадцать крестьянских хозяйств, председателем выбрали Егора Ивановича Кононова. С. Т. Шацкий не раз ставил в пример работу кол-

хоза: *«Нужно знать все аргументы в пользу коллективизации. Взять для примера Добринский колхоз. Там есть бесплатное питание, отпуск беременных женщин, то есть имеется всё, что не имеют единоличники»*¹².

В. Н. Шацкая
среди крестьянок
с. Белкино.
1927 г.

В 1930 году в селе Белкино возглавил колхоз «Большевик» учитель П. В. Кованов. В первые годы колхозники жили бедно. В Музее г. Обнинска хранится справка за подписью П. В. Кованова с просьбой: *«Отпустить на четырёх грудных детей колхозниц манной крупы. Так как отсутствие таковой затрудняет возможность участия работниц в колхозе»*¹³. Однако уже через год после организации колхоза оборудовали скотный двор, свинарник, купили шесть коров, пятнадцать поросят, выстроили

баню, открыли ясли, привели в порядок господский сад.

Одним из активных строителей нового общества был преподаватель школы им. С. Т. Шацкого Михаил Степанович Мякотин¹⁴. В 1928 году Михаил Степанович приехал в Угодку, организовывал в районе избы-читальни, создавал колхозы в деревнях Величково, Росляковка, Поливановка, в 1930-м — он директор Угодскозаводской школы колхоз-

С. Т. Шацкий
с сотрудниками
I Опытной станции.
Крайний справа —
П. В. Кованов.
1930 г.

ной молодёжи и первого в стране вечерне-колхозного университета. Заместителем М. С. Мякотина назначили преподавателя из д. Потресово Михаила Савельевича Сёмина. В университете готовили организаторов и руководителей колхозов, бригадиров, счетоводов, работников дошкольных учреждений. *«Занятия проходили в вечернее время, — вспоминал Михаил Степанович, — три раза в неделю. Интерес к учёбе был огромный. Несмотря на дальность расстояния, занятость слушателей, посещаемость была хорошая. Много сил и энергии отдавали этому благородному делу учителя школ и лекторы райкомов А. А. Стеблев, З. В. Соколова, И. С. Сёмин, Е. И. Всесвятская»*¹⁵.

С. Т. Шацкий, хотел «сомкнуться с крестьянской массой и начать двигаться вперёд». В 1929 году на съезде работников Калужского отделения I Опытной станции он представил грандиозный проект социалистического переустройства деревни. *«Перед Угодским Заводом, — писал Шацкий, — сейчас стоит очень интересная задача: отвести большой участок земли между Росляковкой и Угодским Заводом и построить там новый советский культурный городок, куда войдут школы I и II ступени, столовая, агрономический участок, стадион, площадка для игр, баня, прачечная, питомники. Это будет городок с большим количеством домов, которые необходимо построить так, чтобы они культурно обслуживались, то есть, чтобы*

М. С. Мякотин.
1930-е гг.

М. С. Мякотин
с педагогами
вечерне-
колхозного
университета.
1931 г.

Н. К. Крупская
и С. Т. Шацкий
среди делегатов
Всесоюзной
конференции
работников
школ колхозной
молодежи.
Апрель 1930 г.

там была канализация, водопровод, для того чтобы деревня видела, к чему сводится советское строительство. Вот эту-то задачу Опытная станция и должна выдвинуть и провести в жизнь»¹⁶. На деле осуществить такой масштабный проект не удалось — не было средств, да и «время Крупской и Луначарского», когда можно было экспериментировать, уходило в прошлое. «Сформированный в атмосфере свободы творчества, уважения к личности, учёный с тревогой отмечал усиливающуюся бюрократизацию управления народным образованием, стремление внедрить командные формы управления. Его угнетали централизм, формализм, укрепляющаяся власть чиновников¹⁷. Шацкий с его творческим подходом стал не нужен. Педагога клеймили за «излишнюю интеллигентность, толстовство, преклонение перед западной педагогикой». Резкой критике подвергли школьные программы, составленные Шацким. «Радикалам они не нравились, потому что, по их мнению, программы оказались слишком традиционными, школа не превращалась в колхоз, что они считали необходимым сделать. Консерваторы утверждали, что в программе недооценивается роль знаний, умений и навыков, недостаточно системно изложен материал. Разгром программ поручено было провести бригаде рабочих завода им. Лепсе, которым классовый инстинкт заменял компетентность. Рабочие камня на камне не оставили от программ, обвинив Шацкого в полном непонимании задач смычки города и деревни, руководящей роли рабочего класса»¹⁸.

Педагог видел, что «фабрикуется дело» против него, с тревогой и болью он писал Н. К. Крупской: «Не кажется ли вам, что наступает реальный перелом, и что его надо было давно учуять и подготовиться. Школа учёбы идёт со всех концов. Я хотел найти синтез. Я хотел пойти навстречу практической жизни. Мне это не удалось.

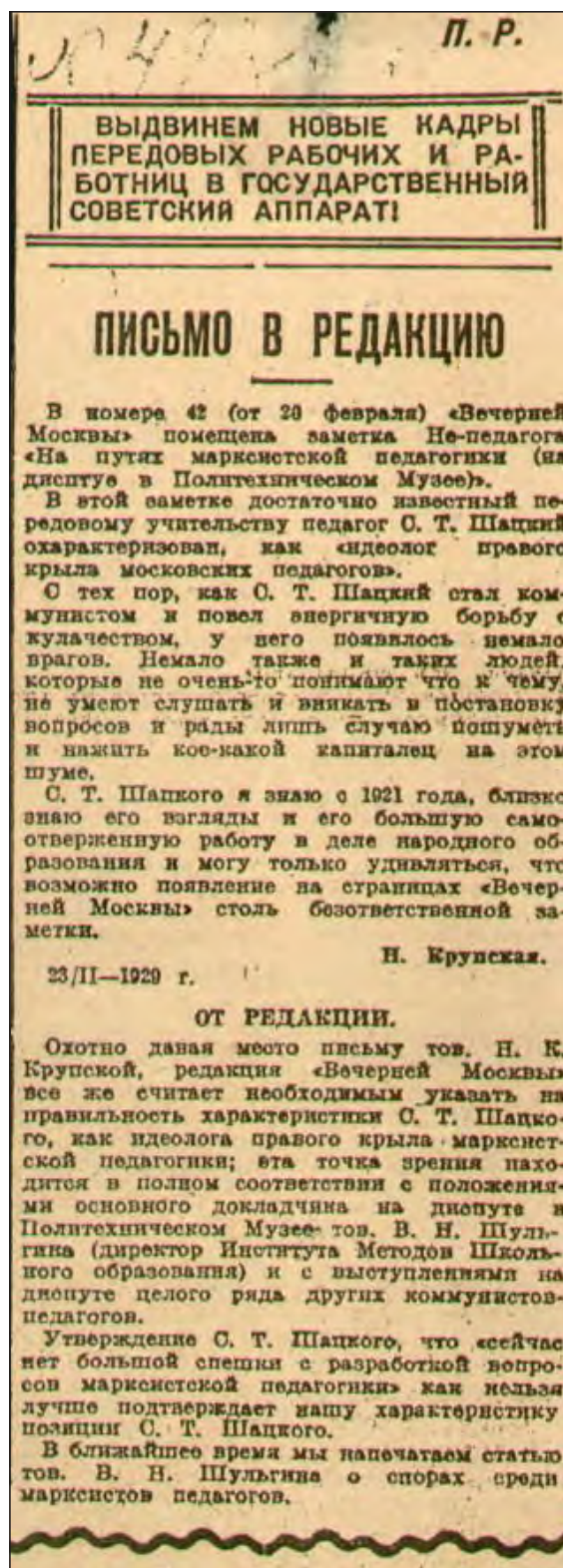
Но я ведь верю в наши идеи. И я так же, как и вы, не способен к работе административной, хотя организовать дело я могу. За все двадцать лет работы у меня не было лёгких условий — всё время была борьба, и каждый год я не знал, как буду работать на следующий. Не знаю и теперь»¹⁹.

Педагог видел, что многие его товарищи репрессированы, «изъяты из педагогики». Обвинения в адрес Шацкого всё более носили политическую окраску. В газете «Вечерняя Москва» его прямо называли «идеологом правого крыла педагогов». «Вы понимаете,— писал Станислав Теофилович Надежде Константиновне,— чем это пахнет во время железной борьбы с правым уклоном и грядущей чисткой?»²⁰

Н. К. Крупская выступила в защиту педагога. «В номере 42 от 20 февраля «Вечерней Москвы» помещена заметка Не-педагога «На путях к марксистской педагогике», — писала она. — В этой заметке достаточно известный передовому учительству педагог С. Т. Шацкий охарактеризован как «идеолог правого крыла педагогов». ... Шацкого я знаю с 1921 года, близко знаю его взгляды и его большую самоотверженную работу в деле народного образования и могу только удивляться, что возможно появление на страницах «Вечерней Москвы» столь безответственной заметки»²¹.

Шацкого волновала не столько своя судьба, сколько будущее Опытной станции. Он прямо спросил наркома просвещения А. С. Бубнова: «Что же будет с Опытной станцией?» Тот успокоил, уверив, что «ледокол советской педагогики останется на плаву». На деле всё произошло иначе. Девятого мая 1932 года члены заседания Постоянной коллегии Наркомпроса вынесли вердикт: «Станция в настоящем её состоянии с точки зрения структуры, охвата учреждений, обеспеченности кадрами и установок в работе не соответствует тем актуальным задачам, которые выдвигаются в настоящий момент перед опытными учреждениями». По сути, это был конец I Опытной станции, конец мечтам и планам Шацкого. Валентина Николаевна и Станислав Теофилович покинули колонию и поселились в Москве в «доме на набережной», который уже в те годы называли «домом предварительного заключения». По воспоминаниям родственников, в коридоре их квартиры всегда стоял мешочек с одеждой и запасом сухарей на случай внезапного ареста.

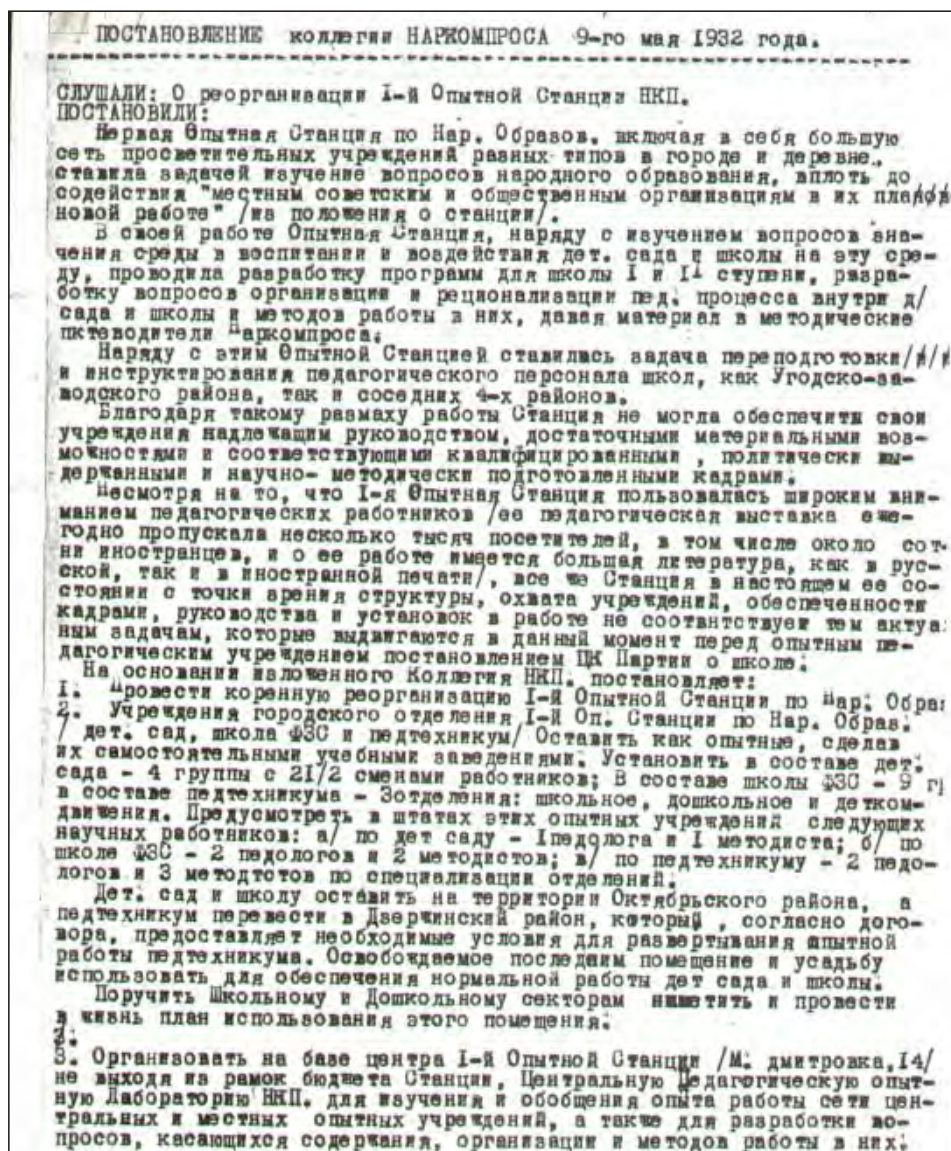
Калужское отделение преобразовали в I Опытную станцию им. М. С. Эпштейна, просуществовавшую до 1936 года. В Москве, на базе Городского отделения, организовали Центральную Педа-

Письмо
Н. К. Крупской
в защиту
С. Т. Шацкого.
1927 г.

гогическую лабораторию для изучения и обобщения опыта работы местных и центральных опытных учреждений. Руководителем назначили Шацкого, настоятельно порекомендовав ему ограничить свою деятельность рамками теоретической педагогики. Одновременно Станислав Теофилович возглавил Московскую консерваторию, где со свойственной ему энергией развернул кипучую деятельность. Совместно с преподавателями он выработал новые программы, вернул в консерваторию Р. М. Глиэра, С. С. Прокофьева, Н. Я. Мясковского, впервые организовал кафедру педагогики, оперную студию, башкирское и татарское музыкальное и вокальное отделения. Кафедрой детского музыкального воспитания руководила В. Н. Шацкая. А. Ф. Лушин вспоминал: «*Шацкий видел, что его многие не понимают, но его это не смущало. Он, как педагог, подошёл к организации коллектива Консерватории,*

Постановление
коллегии НКП
о реорганизации
I Опытной
станции.
9 мая 1932 г.

Похороны
С.Т. Шацкого.
1934 г.

Венки, возложенные
на гроб Шацкого.
1934 г.

В 1934 году школе-колонии «Бодрая жизнь» присвоили имя С.Т. Шацкого, в 1937-м перед главным корпусом школы установили памятник педагогу, выполненный известным скульптором С.Д. Меркуровым²³. Колонист Володя Ратнер пристроил к крыше две фары от автомобиля, которые с высоты освещали электрическим светом бюст Шацкого, оставляя светлую дорожку между памятником и школой. В школе продолжали работать С.А. Полюман, Е.А. Шацкая, Н.П. Кузин, А.Г. Орлова, Е.М. Кадомская, Н.М. Кононюк. «Старые», опытные кадры сохраняли и поддерживали традиции, заложенные Шацким, передавая эстафету

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ С.Т. ШАЦКОГО

Приказ по Наркомпросу РСФСР

В целях увековечения памяти директора Московской государственной консерватории тов. С.Т. Шацкого приказываю:

1. Организованной т. Шацким в 1911 году школе-колонии "Бодрая жизнь", входящей ныне в систему I-й опытной станции Наркомпроса, присвоить имя С.Т. Шацкого.

У входа в главное здание I-й опытной станции установить памятник тов. С.Т. Шацкому.

2. Организованной лично С.Т. Шацким оперной студии при Московской консерватории присвоить имя тов. С.Т. Шацкого.

3. Учредить в Московской и Ленинградской консерваториях три стипендии по 200 руб. в месяц, каждая имени С.Т. Шацкого для наиболее успевающих вокалистов.

4. В детской школе при Московской государственной консерватории учредить пять стипендий по 100 руб. ежемесячно имени С.Т. Шацкого.

5. Возбудить ходатайство перед правительством о назначении персональной пенсии семье С.Т. Шацкого и о закреплении за ней в пожизненное пользование занимаемой ею квартиры.

Нарком по просвещению А. Бубнов.

Приказ Наркома
просвещения
А. Бубнова
об увековечивании
памяти
С.Т. Шацкого.
1934 г.

вновь прибывшим учителям. Правда, по непонятным причинам, каждые два года менялись директора школы: 1932–1934 годы — Н. П. Кузин, 1934–1936 — С. Н. Ялтуновский, И. И. Барсуков, 1936–1937 — М. С. Мякотин, 1937–1940 — Г. Ф. Сергеев, 1940–1941 — (?) Калинин.

Частая сменяемость руководства не отразилась на качестве обучения, школа им. С. Т. Шацкого считалась одной из лучших в Советском Союзе. В 1936 году из стен школы вышли первые десятиклассники: из восемнадцати выпускников шестнадцать поступили в высшие учебные заведения. В это время в школе обучалось около трёхсот

детей, часть из них жила в интернате бесплатно, 78 мест занимали «платные ученики» (от 75 до 150 рублей в месяц), больше половины ребят приходили из окрестных сёл и деревень. В середине 30-х годов в школе им. С. Т. Шацкого жили и учились

Памятник
С. Т. Шацкому.
1937 г.

Педагоги школы
им. С. Т. Шацкого.
Слева направо:
1. ...,
2. А. В. Левитина-
Богачева,
3. М. С. Мякотин,
4. А. Д. Кузина
с сыном Павликом,
5. Н. П. Кузин,
6. Е. А. Шацкая,
7. ...,
8. Е. М. Кадомская,
9. Н. С. Шильников.
Сер. 1940-х гг.

Похвальная
грамота
Ефимовой Е. В.
17 июня 1941 г.

дети известных политических деятелей, членов правительства: Г. Бройдо — дочь Первого секретаря компартии Таджикистана, сёстры С. и М. Кахана — дочери венгерского писателя-коммуниста, приехавшие в колонию по рекомендации Н. К. Крупской, Д. Орджоникидзе — племянник министра тяжёлого машиностроения С. Орджоникидзе, В. Ратнер — сын первого заместителя Л. Когановича, А. Клопман — сын норвежского коммуниста. Рядом с ними сидели за партами деревенские и городские ребята из обычных семей, дети репрессированных и отвергнутых Советской властью педагогов. Между ними не было вражды, более того, ребята поддерживали семьи репрессированных.

В 1937 году якобы за причастность к одному из националистических течений арестовали биолога Доминика Доминиковича Каупужа — десять лет он провёл в Каргапольском лагере. После ареста семья педагога продолжала жить в школе им. С. Т. Шацкого. Жена, Надежда Сергеевна, заведовала живым уголком в Испанском детском доме, что находился неподалёку. Дочери Каролина, Эльвана и сын Роальд учились в школе. Каролина после блестящего окончания биофака МГУ должна была остаться в аспирантуре, но из-за ареста отца её направили на противочумную станцию в песках Каракума.

В этом же году арестовали учителя физкультуры и военного дела Петра Семёновича Орехова, бывшего офицера царской армии. Его семья также осталась в колонии. Жена, Клавдия Ивановна, работала библиотекарем, сын Виктор, очень дисциплинированный, спортивный юноша, учился в последнем предвоенном

Выпускники
предвоенных
лет (*сидят слева
направо*):
Л. Яковлев,
А. Платова (Богдан),
И. Лукинец,
В. Максимович;
(*стоят*):
Н. Воскресенский,
А. Сиваш,
О. Пиотровская.
1940 г.

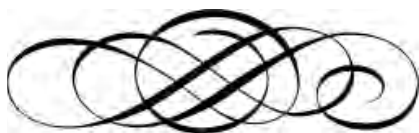

выпускном классе. Видимо, П. С. Орехова позднее реабилитировали, так как он воевал в Великую Отечественную войну.

Д. Д. Каупужа освободили после войны в 1948 году, много лет он преподавал в сельскохозяйственном техникуме в Прибалтике. А вот директора Белоусовской школы Фёдора Даниловича Иванова «взяли» ночью и через три дня расстреляли как участника восстания эсеров в Тамбове.

Воспитанники С. Т. Шацкого старались держаться «вне политики» в отношении репрессированных, никогда не осуждали их и не клеймили как «врагов народа». Это вполне соответствовало характеристике детского сообщества, данной Шацким ещё в 1920 году. «*Детское сообщество,— писал педагог,— может быть устроено лучше взрослого. И может стать для взрослых «культурным образцом», моделью настоящего общежития*»²⁴.

Глава VII
«А завтра была война»

Семнадцатого июня 1941 года в школе им. С.Т. Шацкого провожали «во взрослую жизнь» десятиклассников последнего предвоенного выпуска. Вчерашние ученики мечтали о будущем, строили планы. Учителя, украдкой смахивая слезу, желали своим воспитанникам успехов на поприще науки и труда. Но все надежды на счастливое завтра перечеркнула Великая Отечественная война, искалечившая судьбы многих советских людей.

После объявления о начале войны в школе состоялся митинг. Ребятам рассказали о выступлении товарища Молотова и призвали помогать фронту. Деревенских распустили по домам, остальные учащиеся остались в школе. С этого дня они стали ближайшими помощниками агитаторов: оповещали население о предстоящей беседе, рассказывали о событиях на фронте. С передовой приходили неутешительные вести — части Красной Армии отступали. Политические беседы в эти дни были непродолжительными, но с большим чувством патриотизма и веры в победу. Обстановка осложнилась после взятия фашистскими войсками Ельни и Минска. Среди населения распространялись слухи о скором взятии Москвы. Однако ребята не верили слухам и пресекали панические настроения. Когда стало известно, что в окружающие деревни эвакуируют детей из Москвы, школьники готовили к их приезду помещения, собирали и устанавливали мебель, помогали в устройстве прибывших детей. Повсеместно начались занятия по ПВХО, по оказанию первой медицинской помощи. В школе Шацкого эту работу проводили старшеклассницы под руководством фельдшера Н.С. Ромейко.

Учащиеся
последних
предвоенных
выпусков.
1939 г.

На случай бомбёжки ребята принимали защитные меры: заклеивали окна полосками бумаги, носили на чердаки песок, дежурили в деревне, когда колхозники были в поле.

Д. Ф. Тамицкий, завуч школы Шацкого, вспоминал: «Однажды в полдень я пришёл в д. Доброе проводить беседу с населением: колхозники все были в поле. В деревне пусто. Подхожу к пожарному сараю: навстречу выбегают два ученика пятого и шестого классов. Их колхозный бригадир назначил дежурить к пожарному сараю. Я произвёл пробную тревогу по сигналу: «Пожар!» Подростки не растерялись: один побежал к пожарному колоколу, а другой быстро и деловито запряг лошадь в телегу с пожарной машиной, проверил оборудование и выехал на дорогу. Я похвалил ребят и отметил их на общем собрании колхозников»¹.

Вскоре начали рыть «щели» и бомбоубежища, которые должны были вместить всех учащихся в случае нападения немецких самолётов. Работа была нелёгкая. Выкапывали котлованы глубиной три с половиной метра на 50 человек, сверху — накат из брёвен, который засыпали вынутым грунтом и маскировали под окружающую местность. При школе Шацкого вырыли четыре таких котлована и несколько зигзагообразных щелей. Младших колонистов ставили наверх, на более лёгкую работу — откидывать землю, но они снова оказывались внизу, на дне котлована.

В первые дни войны воспитанники школы Шацкого объединились в трудовые отряды для помощи колхозникам в уборке урожая. Н. Евдокименков, В. Девизов, Г. Ганелин работали на уборке яблок в совхозе имени Молотова недалеко от д. Машково. 12 августа 1941 года Вилия Девизова прямо из совхоза забрали на фронт.

На уборке картофеля особенно отличился трудовой отряд Е. А. Шацкой. Елизавета Алексеевна с тридцатью учениками

выехала в д. Трясь. Поселились в домах колхозников и каждый день, с утра до вечера, работали в поле. Когда ломалась картофелекопалка, брались за лопаты. За тринадцать дней ребята убрали картофель с площади в 60 гектаров. О трудовом подвиге ребят из школы Шацкого сообщалось в районной газете «Колхозник», и первый секретарь Угодскозаводского РКП(б) товарищ Алиханов лично приезжал посмотреть на их работу.

Удостоверение
Ефимовой Елены
Васильевны
о присвоении
квалификации
тракториста
II категории.
2 августа 1941 г.

В начале августа большинство населения привлекли к подготовке оборонной линии на рубеже рек Протва и Лужа. Расчищали в лесу и на полянах площадки для аэродромов, вдоль всей линии реки рыли противотанковый ров, готовили блиндажи, на полях копали противосамолётные канавы, на лугах, после уборки сена, вбивали в шахматном порядке столбы, открытые поляны забрасывали верхушками деревьев, чтобы немецкие самолёты не могли высадить десант.

Бригады старшеклассников школы Шацкого и Угодского Завода посменно по десять дней работали на водном рубеже около д. Чёрная грязь и на аэродроме около д. Колесниково. Работали без усталости, только «лопаты сверкали». Ежедневно, в полдень, по всему рубежу передавали на фанере стенгазету, где отмечали всех передовиков. В.Т. Шацкая вспоминала: *«Девчата попали на земляные работы. Срезали два отвесных берега реки Лужа, создавая род эскарпа — противотанкового заграждения. Временами над нами летали немецкие самолёты. Низко летали, даже физиономии лётчиков были отчётливо видны. Правда, не обстреливали — бросали листовки: «Девушки, зря роете!» Затем нас перевели поближе к школе. Теперь ходили на работы пешком, за посёлок Белоусово. Аэродром строили. Бывали сообщения о небольших немецких десантах. В таких случаях работу прекращали, а парней, фактически невооружённых, организовывали в истребительные отряды»².*

С началом войны значительно поредели преподавательские ряды школы. Под Ленинградом сражался историк Константин Александрович Воронков, проходил фронтовыми дорогами математик Виктор Иванович Кулагин, после реабилитации воевал Пётр Семёнович Орехов. В августе 41-го ушёл на фронт добровольцем завуч школы, любимец ребят Н.П. Кузин. *«Дрался я в стрелковой части как комиссар батальона на Западном фронте, — писал Николай Павлович в письме своему ученику Степану Капустину. — В начале октября наша часть попала в окружение, из которого мне удалось выбраться довольно скоро. Тут же мы переформировались, я получил коммунистический ударный батальон и с ним вступил в бой под Наро-Фоминском. В один из дней (28. X.) мы получили приказ выбить фашистскую сволочь из деревни. В течение дня я три раза ходил с батальоном в атаку, под сильным миномётным огнём противника. К исходу дня меня тяжело ранил фашистский автоматчик. Вытащили меня из боя с трудом, без сознания. После этого я тяжело болел — четыре месяца — и едва выбрался. Сейчас у меня совсем неподвижна правая рука, пишу левой. Так как сейчас я не могу драться*

с оружием в руках, то стараюсь принести возможно большую пользу делу победы своей агитационной работой»³.

После демобилизации Николай Павлович приехал к семье в Златоуст, работал лектором в горкоме партии, в 43-м педагог переезжает в Москву и всю оставшуюся жизнь посвящает педагогике. Он постоянно получает письма от бывших учеников школы Шацкого. *«Добрый день, Николай Павлович,— пишет Ляля Доброславская 21 мая 1942 года в Златоуст.— С тридцатипятилетием Вас, с большой и хорошей жизнью поздравляю и желаю всего того, что хотите Вы сами в будущем, которое завоюем мы сами, вырвем из пасти Гитлера. В этой вынужденной разлуке Анна Давыдовна и Вы для меня стали ещё родней, ещё дороже. Я всё чаще вспоминаю школу, особенно когда запахло весной. А сегодня мне дали в руки берёзовый веник, я понюхала, и вдруг так защемило сердце — перед глазами встали наши берёзы, берёзы кругом. И мы — десятиклассники, такие гордые и самые старшие, но нет, не надо, а то плакать хочется. Ещё будут вёсны, мы соберёмся в школе и расскажем по очереди, что с нами было, как вышли мы в жизнь: не учениками, а самостоятельными людьми»⁴.*

Несмотря на тревожную, прифронтовую обстановку, 1 сентября начались занятия в начальной школе. Учителя усиленно обучали детей, как вести себя во время налётов, в случае опасности проводили по деревням. Старшеклассники сели за парты 10 октября. Однако интерес к учёбе заметно снизился. По дорогам шли беженцы, санитарные машины везли раненых солдат, подростки гнали в тыл колхозные стада.

Летом 41-го получил первое боевое задание Володя Лебедев, ему исполнилось только шестнадцать, и на фронт его никак не хотели брать. Когда немцы уже приближались, Володя вступил в партизанский отряд. *«Однажды вызвал его комиссар отряда М.А. Гурьянов и сказал: «Вот тебе боевое задание: собери скот из соседних деревень и гони его в тыл, чтобы немцам не достался, они уже рядом». По правде говоря, Володе такое задание не понравилось, он хотел воевать, но ослушаться приказа командира нельзя. И вот они с матерью и с помощниками отправились по бездорожью на восток с большим гуртом коров и овец. По пути скот подыхал, да ещё мессершмитты издевались, с воздуха обстреливали голодную скотину. Наконец добрались до деревни Абакумово под Гусь-Хрустальным. Мать стала работать в школе. Родители приносили картофельные очистки, из них пекли блины; парили рожь. А Володя в колхозе землю пахал, лапти плёл, крапиву, щавель собирал.*

В школе выписывали «Правду», и вдруг увидел Володя в газете знакомое лицо — М.А. Гурьянова, комиссара партизанского отряда, а рядом девушку из соседнего отряда — Зою Космодемьянскую. Шёл январь сорок первого. Потрясённый Владимир читал, как их пытали, мучили проклятые фашисты, а потом повесили. Взял он тогда контурную карту и на оборотной стороне разведёнными чернилами нарисовал большие портреты героев. И по сей день висят эти портреты в Обнинском музее.

1943 год не успел ещё наступить, как помчался Володя в военкомат, и взяли его в офицерское училище в г. Суздале, но проучиться успел только полгода. Бросили ребят на Курскую Дугу»⁵.

Осенью 1941 года над территорией школы всё чаще пролетали немецкие самолёты, а однажды обстреляли из пулемёта здание, где шли уроки. Спешно эвакуировали детей на нижний этаж. После на чердаке нашли бронебойные пули. Теперь в случае опасности старшеклассники дежурили на чердаке школы. Однажды дежурили ночью. Немецкие самолёты уже пролетели на Москву, возвратятся только под утро. Можно отдохнуть. Из всех уголков большого чердака ребята потянулись в учительскую. Все с противогАЗами, в рукавицах, кто с лопатами, кто со щипцами для хватания зажигательных бомб — словом, в полной боевой готовности. «Сидели в темноте, кто-то из девушек усомнился, будут ли зимой занятия? Кто-то из мальчиков бросил ироническую фразу о том, кому нужна теперь школа, когда кругом надвигается враг, когда требуется защищать Родину. Спорили горячо. Все собирались идти на фронт, о будущем как-то совестно было думать.

Вдруг стало светло как днём. Пожар! Все бросились по местам. Начальник поста послал связного в штаб узнать, где и что горит. Оказалось, в воздухе появились какие-то новые яркие «лампады». Это были первые немецкие осветительные ракеты. Вся площадь была залита каким-то бледно-синим лунным светом. Все объекты видны, как «на ладони». Фашистские самолёты фотографировали местность. В ту же ночь наблюдали воздушный ночной бой трассирующими пулями. Вскоре впервые испытали действие фугасной бомбы»⁶.

Десятого октября все школы прекратили занятия. Е. А. Шацкая писала дочери (Валентина жила у тётки С. А. Польшан в Москве): «Срочно собирайся, немцы прорвались к Боровску, станцию бомбят уже несколько дней, через два дня эвакуируемся». 13 октября последним эшелонам эвакуировались педагоги и учащиеся школы Шацкого. Местом их назначения был город Шадринск

Челябинской области. В эшелоне для школы выделили четыре вагона-теплушки с печками посередине и нарами по стенкам: первый вагон занимали мальчики, второй — девочки, третий — сотрудники, в четвёртый погрузили продовольствие из школьных запасов, что успели взять в страшной спешке. В письме Д. И. Архангельскому А. Г. Орлова писала: *«Убегая 13 октября из Морозово, мы бросили всё и собрались идти до Москвы пешком. Взяли только то, что можно было донести на сто километров. Брошено было всё дорожное мне — Егорушкины рисунки. Не буду описывать, как казнь себя за это»*⁷.

По пути следования эшелона на остановках в больших городах руководители брали какие-то официальные бумаги и шли в город за продуктами. В Шадринске школа остановилась. «Вскоре из неё получилось что-то типа всесоюзного детского дома — в школу перевели многих ребят из оккупированных немцами областей»⁸.

Восемнадцатого октября территорию школы-колонии «Бодрая жизнь» заняли немцы. В главном корпусе расположился немецкий штаб, поэтому здание уцелело, но парты немцы изрубили и истопили в печах, хотя рядом стояло в штабелях более ста кубов сухих дров. Кабинеты разгромили: стеклянные приборы, посуду разбили, пятнадцать микроскопов и телескоп увезли. Библиотеку С. Т. Шацкого в 30 000 экземпляров, которую он собирал в течение двадцати лет, фашисты вынесли на футбольное поле, облили керосином и сожгли. Около костра поставили часовых и не допускали школьников, которые хотели эти книги взять с собой. Здесь же погибли личные библиотеки Н. П. Кузина, Е. М. Кадомской, Е. А. Шацкой, С. А. Польшан, Д. Ф. Тамицкого. Памятник С. Т. Шацкому чудом остался цел.

23 января 1942 года воспитанник школы Шацкого Володя Лахтин писал в письме Анне Давыдовне Кузиной: *«Хочу поделиться с Вами радостной вестью. Вы знаете, когда пришли немцы, мама была в школе, и я не думал, что она останется жива. И вот, через пятнадцать дней после освобождения Угодского Завода она написала мне письмо. Школа осталась цела, но оборудование сожжено и разрублено. Все рабочие живут в домах педагогов. Мать пишет, что скот весь съели, во всём Белоусове осталось две коровы. Многие девушки убиты или опозорены. Многие остались без крова и пищи. Но я рад, что немцы уже не ступят поганой ногой на нашу землю, школа Шацкого свободна!»*⁹

В конце декабря 1942 года, после освобождения нашей территории, учителя стали возвращаться из эвакуации. Одним из пер-

вых приехал в Угодский Завод Д. Ф. Тамицкий. Объехав сёла, он увидел страшную картину разрушения. В селе Болотском, например, из 60 домов осталось три случайно уцелевших, сгорела дотла деревня Пяткино, половина деревни Самсоново. При отступлении немцы сгоняли всех жителей в один дом на край деревни, не разрешая ничего брать с собой. Выход снаружи подпирали. А «факельщики» в это время обливали дома горючим и поджигали. Если кто пытался войти в свой дом и гасить, немцы бросали в окно гранату. Так погиб ученик Александр Иванов из деревни Доброе. В Самсоново немцы согнали жителей в дома Дарьи Петрухиной и Евдокии Петровой, отобрали валенки, тёплые вещи, вокруг поставили часовых и пошли поджигать деревню. Жители бросились спасать свои дома — началась перестрелка. Из сорока сгорело двадцать два дома.

В период оккупации особенно пострадали школьные здания, которые немцы уничтожали в первую очередь. Например, в Угодскозаводском районе из 34 школ уцелело только семь. Д. Ф. Тамицкому поручили восстанавливать материальную базу школ, формировать педагогические кадры. Особыми срочными телеграммами он вызвал из эвакуации Е. А. Шацкую, С. А. Польшман, Н. М. Кононюк, Т. Ф. Смирнову. Оставшиеся в эвакуации учителя писали своим коллегам письма, иногда полные печали и скорби. Из деревни Макарово А. Г. Орлова писала Д. Ф. Тамицкому: *«Неудачи преследуют меня с тех пор, как 13 октября ушёл от меня мой милый, славный мальчик, точно унёс он с собой, сам того не желая, моё счастье, мою радость, мою удачу. Сердце — сплошной нарыв. Только работой забываюсь»*¹⁰. Гордость и надежда матери — Егор Орлов — умер в январе 1942 года.

Н. И. Широков.
1943 г.

С разных фронтов Великой Отечественной войны присылали в Угодку военные треугольники бывшие воспитанники школы Шацкого. *«Здравствуйте, многоуважаемые товарищи преподаватели школы им. С. Т. Шацкого, — писал выпускник 1939 года Николай Широков. — Примите привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни на благо нашей любимой родины от бывшего ученика и воспитанника, в настоящее время бьющегося с немецкими озверелыми бандами, которые катятся на запад, оставляя технику и людей. В данный момент мы идём по полям, городам и сёлам Украины, наши твёрдые шаги, которыми уверенно продвигается Красная Армия, далеко слышатся на Западе, нас ждут. Перед нами руины*

Е. Ф. Лушин
(справа)
с товарищами.
1943 г.

сёл и городов, перед нами трупы расстрелянных мирных жителей. Вот за что мы будем мстить, вот за что поплатятся немецкие «фрицы» и «гансы»¹¹.

Какая же тяжёлая была эта война, если очень добрый и жизнерадостный Коля Широков написал такое письмо, полное боли и ненависти! Николай начал боевой путь в составе 34-го танкового полка. Двадцать третьего июня их полк подняли по тревоге и бросили в Латвию на оборону Даугавпилса. В полку было всего четыре учебных танка Т-26. Николая назначили командиром огневого взвода и выдали четыре огневых артиллерийских орудия. «А как везти? — вспоминал Николай Иванович. — Колёса то деревянные. Кое-как на грузовых машинах довели. На реке Великой окопали орудия и приготовились к бою. Немцы налетели внезапно, пришлось отступить,

вначале под Ново-Ржев, потом в Кубинку. Здесь дали неделю, чтобы повидать родителей в Передоли. Доехал на санитарном поезде, а оттуда на товарном до родной деревни. Приехал ночью. Мать увидела и как закричит: «Отец, сын приехал!» Зашёл в школу Шацкого. Никого нет, пусто — все в эвакуации».

Подобно Николаю Широкову, многие воспитанники школы Шацкого воевали с самых первых дней войны. Евгению Лушину принесли повестку 22 июня 1941 года. Уже на следующий день он поехал на Западный фронт. Провожая сына на вокзале, отец сказал ему: «Да, тяжело вам будет, ох как тяжело, но всё равно вы победите». Осенью 1941-го Е. Лушин, боец 161-й стрелковой дивизии, освобождал Ельню. Это стоило больших потерь. Дивизии присвоили звание 4-й Гвардейской. Восстановив силы, бойцы вошли в состав ударной армии для прорыва к Ленинграду. «Это были самые тяжёлые бои, — вспоминал Евгений Фёдорович, — особенно трудно, когда попали в окружение. Голодали, на день приходилось по 125 граммов сухарей, пили хвойный настой, берёзовый сок». В конце марта пробили выход из окружения шириной в два километра. Коридор этот нарекли «Долиной смерти», потому что он обстреливался немцами со всех сторон. Истощённые, измученные, ослабленные шли, ползли, помогая друг другу. Но из окружения вышли, немного пришли в себя — и снова в бой, под Сталинград.

В минуты отдыха Евгений писал письма отцу, товарищам, Юре Скаткину и Коле Шильникову. *«Юра, дорогой друг! Сегодня с очередной почтой получил открытку. Не представляешь моей радости кусочку ватмана. Сердечно тебя благодарю за весточку. Ужасно приятно и радостно встречать друзей хотя бы на бумаге, после долгой разлуки. Ведь самые дорогие и интересные в нашей жизни были годы, проведённые в колонии. Поэтому чаще всего, а сейчас особенно, вспоминаешь то счастливое, радостное, полное жизни и бодрости время. На войне же как-то особенно ярко воспроизводится всё в памяти и кажется во сто крат дороже.*

За это время столько всего произошло, я даже сам удивляюсь, как всё перенёс. Видел Березину, Волхов, Дон и всего другого массу. Бывал по соседству с тобой. Временами было ужасно трудно. Я ведь никогда не воевал в шинельке. Свободные минуты, особенно вечером, проводим за беседами, шутками. Вот сейчас сижу в блиндаже, при свете коптилки пишу тебе. Время позднее, в жилище нашем тишина. Слышна приглушённая ария «артиста-пулемёта», да изредка доносится солидное выступление заслуженной «артистки-пушки». Фрицу мы даём хорошие концертики, от которых скоро ему совсем станет скучно. Ну, буду заканчивать, прости, друг, за такую писанину, уж как-нибудь прочтёшь. Будь жив, здоров. Твой друг, Женя»¹².

Война разбросала друзей по разным фронтам. Лишь в 1943 году Евгений Лушин узнал, где воюет Коля Шильников, и написал ему письмо: *«Коляч! Дорогой друг! После долгих усилий достал твой адрес от Юры Скаткина. Ты, наверное, знаешь, что я с первого дня войны в армии, стаж имею солидный, многое испытал, многому научился. Сейчас у нас время очень горячее, и я шибко занят. Буду просить тебя, мой ближайший друг, не забывай меня и пиши обязательно обо всём. Всего доброго, твой старый друг, Женя»¹³.*

Весной 44-го Лушин уже на Украине. Грязь, дороги развезло, ноги вязнут по колено, колёса машин — до кузова, даже танки застревают. Двигались очень медленно и в августе подошли к границе Румынии. Война пощадила друзей, она даровала им жизнь. Три друга — Лушин, Скаткин и Шильников — возвратились домой.

Наравне с ребятами из школы Шацкого воевали и девушки. В составе 586-го истребительного авиаполка М. Расковой в Будапеште закончила войну Ольга Пиотровская. Ида Гоберман, Люся Власенко стали фронтовыми врачами, Женя Воздвиженская — офицером-переводчиком в разведке. С боями, от Камышина

О.Я. Пиотровская.
1943 г.

до Берлина, прошла Таня Осипова. В июне 42-го из Москвы она присылает письмо Дмитрию Фёдоровичу Тамицкому: *«Попала в набор связисток. С первого мая занимаемся. Вот уже пришёл запрос для фронта на телеграфисток-морзисток. В первую очередь отправляют хорошо успевающих. Был зачитан список, где была и моя фамилия. Завтра комбат будет нас проверять. Только бы не «ударить лицом в грязь». А если пройду, то поеду с удовольствием... Я каждый вечер вспоминаю школу. Чертовски хочется сесть за парту и ощутить, что ты — ученица 10-го класса, Осипова Таня, которую выгоняли из школы и которой очень хочется вернуться»*. Татьяну взяли в роту связистов. *«Тридцать первого мая отправили часть девчат-телеграфисток на фронт,— пишет Таня Д.И. Архангельскому в Родники,— жаль было расставаться. Ничего, они бодрились и мы носы не вешали. Недели через три-четыре — и мы отправимся на расформирование»*¹⁴.

После этих писем Татьяна на несколько лет исчезает из поля зрения одноклассников. И лишь в марте 45-го от неё вновь придут письма. По рассказам колонистов, весь свой «закрытый период» Татьяна провела в партизанском отряде на Украине.

Война продолжалась. Позади страшные годы поражений и потерь, годы жестокой борьбы и первых побед. Н.И. Широ-

ков воюет уже на Брянском фронте в составе 42-й танковой бригады. Первую награду — медаль «За отвагу» — он получил за Сталинград. Войну герой закончил в Чехословакии. После продолжал службу в Австрии, недалеко от концлагеря Маутхаузен. Николай не знал тогда, что в этом страшном месте погиб его школьный товарищ Геннадий Мордовцев. В 1938 году, с отличием окончив школу, Геннадий без экзаменов поступил в Московский авиационный институт. В 40-м изучал лётное дело в авиаучилище г. Энгельса. И как только началась война, ушёл на фронт. В 22 года Геннадий Мордовцев уже командовал боевой эскадрилей грозных штурмовиков и считался мастером штурмового удара. На станции Гремучая его группа уничтожила 48 вагонов с воинским грузом противника. Мордовцев участвовал в дерзком ночном налёте на аэродром

Геннадий
Мордовцев.
1943 г.

г. Сальска 9 января 1943 года, сбил десять немецких самолётов. По три-четыре раза в день вводил в бой свою эскадрилью на Сталинградском фронте, дрался за Ростов, взламывал «голубую линию» на Кубани. В феврале 1943 года командование полка представило Г. Мордовцева к званию Героя Советского Союза. Однако окончательное решение по делу так и не было принято, поскольку в этом же году Геннадий попал в плен. 26 сентября капитан Мордовцев последний раз поднялся в воздух. В бою его самолёт подбили. Выпрыгнув из горящей машины, лётчик отстреливался до последнего патрона. Без сознания, раненого в руки и ноги, его захватили в плен.

В Маутхаузен Мордовцев попал после неудачного побега. Его сразу же отправили в блок смерти. Об ужасах в блоке другие узники только догадывались по душераздирающим крикам, доносившимся из-за стены. Смертники были полностью изолированы. И только каждое утро из ворот вывозили тележку, доверху нагруженную мёртвыми телами. Несмотря на нечеловеческие страдания и строгую охрану, узники задумали побег. Мордовцев вошёл в подпольный штаб. Однажды, когда охранники принесли баланду в металлических баках, он инсценировал потасовку, упал на землю и незаметно снял со дна бака записку с планом местности. Блоковой-гестаповец, заметив что-то странное в поведении заключённого, столкнул его в канализационный колодец. Мордовцев погиб, но благодаря его действиям, побег состоялся. Вернее, это было восстание узников. Безоружные, истощённые, едва живые люди уничтожили до ста гитлеровцев, впереди идущие бросались на провололочные заграждения, чтобы расчистить путь другим. Из семисот бежавших смогли скрыться только 62 человека.

Трагично сложилась судьба Александра Горелова. Колонисты называли его «наш Горелыч». Это был сильный, скромный до застенчивости юноша. Он как будто стеснялся своей силы. Его очень любили и уважали одноклассники. В 1941-м Александр ждал призыва в армию дома (близ ст. Башкино). Оказался в оккупации. Немцы приняли его за раненого солдата и потребовали, чтобы он был переводчиком. Юноша отказался — погиб в плену под Юхновом. В партизанском отряде погиб В. Н. Ночёвкин. Война искалечила судьбу школьного музыканта — Саши Сиваша. Получив тяжёлое ранение головы, он навсегда потерял память.

«Узлом связи» для воспитанников школы Шацкого в годы войны стал подмосковный посёлок Родники, где поселились Надежда Павловна и Дмитрий Иванович Архангельские. Бывшие ученики писали любимому учителю, с щемящей грустью и лиризмом вспоминая счастливую мирную жизнь.

Михаил Ночёвкин
после окончания
Харьковского
военного училища.
1940 г.

Иван Довженко —
сержант Красной
Армии.
1940 г.

«Е. Арион — Д. И. Архангельскому.
09.01.1943 год, Свердловск.

Дорогой, Дмитрий Иванович, Ваше письмо повергло меня в глубокие и милые моей душе воспоминания. Вот сейчас мне отчётливо вспоминается балкончик Вашего дома, увитый настурциями. Вас, облокотившегося о перильца балкона, рядом с Вами Нонночку. С балкона Вы всегда приветствовали каким-нибудь словом, пожеланием проходящую внизу публику. Или вспоминаю Вас, идущим с Нонночкой, а по обеим сторонам Вас сопровождают студийцы (обыкновенно то были Ваня или Борис).

А цветы. Сколько цветов было в колонии! И их этаким очаровательный запах в вечерние часы как бы неподвижно висел над этим милым клочком земли — над колонией»¹⁵.

Летят письма в Родники от И. Довженко, Б. Юдина, В. Трофимова, Н. Евдокименкова, В. Девизова, Т. Осиповой, М. Кахана. Но некоторые адресаты постепенно исчезают. Один за другим погибают лучшие студийцы, постоянная боль и незаживающая рана художника.

Одним из первых открыл печальную статистику погибших Михаил Ночёвкин. В 1941 году, после окончания Харьковско-го лётного училища, Михаил ушёл на фронт. Участник самых ожесточённых боёв, на своём тяжёлом бомбардировщике он бомбил нефтяные склады противника в Румынии. Возвращавшийся из очередного полёта самолёт М. Ночёвкина подбила немецкая зенитка. Немного не долетев до нашей территории, лётчик погиб. Это было 28 июня 1941 года близ д. Салтановка в Белоруссии. Указом Президиума Верховного Совета СССР М. Н. Ночёвкин был награждён орденом Красной Звезды, но герой об этом уже не узнал.

Стараясь доставить ребятам хоть небольшую радость, передать им частичку своего сердечного тепла, Дмитрий Иванович вкладывал в конверты небольшие акварельки. И так случилось, что через много лет после войны эти маленькие листочки с пейзажами поведали нам о гибели любимого ученика Архангельского — Вани Довженко. К началу войны Иван, призванный по спецнабору с перво-

го курса педагогического вуза, уже два года служит в Красной Армии. Письма приходят в Родники из Ворошиловграда, Славянска. В октябре 1940-го Иван пишет Дмитрию Ивановичу ностальгическое письмо: *«На днях иду в Красную Армию, а все мои старые проделки не выходят из головы, вспоминаю и мечтаю, как малыш. Годы идут, всё меняется. Может быть, будут у меня ещё интересные моменты в жизни, но таких уже не будет. Всё самое лучшее связано у меня с колонией, с Вами, Вашей семьёй и нашими студийцами».*

Письма получают В. Варюхин, Ю. Ночёвкин и Клава Дмитриева, любимая девушка Ивана. Пяттого июля 1941 года Клавдия Михайловна нашла в почтовом ящике последнюю записку, где Иван Довженко сообщал, что их часть перебрасывают на Брянское направление. Больше вестей от него не было.

Друга Ивана Довженко, Бориса Юдина, студента физфака МГУ, на фронт не брали из-за сильной близорукости. Но Борис «находит выход» — записывается в Московское народное ополчение. Он — боец 8-й Краснопресненской дивизии. Под Вязьмой их часть попадает в окружение. С группой в двадцать человек «Юдин пробивается на восток, к Малоярославцу. Когда 19 или 20 октября они пришли в село Любицы, немецкие танки уже прошли Белоусово. В Любичах группа заночевала в доме Евдокии Андриановны, мамы Сергея Леонова, и ушла на Тарутино. По дороге, в деревне Верховье, Борис виделся с Николаем Калябиным, который через несколько часов и сам ушёл на восток. Вскоре он уже на Северном фронте воевал морским пехотинцем. Борис Федотович Юдин, по всей вероятности, погиб в конце 41-го — начале 42-го года»¹⁶.

Третьего и десятого апреля 42-го года погибли студийцы, братья Анатолий и Сергей Зелиховы, участвовавшие в тяжёлых боях на Угре в составе 53-й стрелковой дивизии А.Ф. Наумова. Тогда же погиб Вася Костерев.

Воюют и два друга-студийца — Вилий Девизов и Николай Евдокименков. Летом 41-го друзья помогли Архангельским с переездом в Родники. Около дома художника посадили куст сирени из «девизовской аллеи» (Вилий часто изображал в акварелях спуск к Протве, проходящий по аллее в Нижнем

Вилий Девизов —
курсант школы
связи.
Начало октября
1941 г.

Николай
Евдокименков
после госпиталя.
18 августа 1943 г.

парке). Второй раз Вилий Девизов гостил у Дмитрия Ивановича после окончания Ульяновского военного училища в марте 42-го, по дороге в часть 250-го Гвардейского полка. Г.Д. Невзорова вспоминала: «Вилия, как и собирался, напилил и наколол дров, даже писал акварелью. И уехал».

В 42–43-м Дмитрий Иванович активно переписывается с Николаем Евдокименковым и Васей Трофимовым. Они ещё не знают, что их друга Вилия Девизова нет в живых, и постоянно спрашивают о нём у Архангельского. Но и тот в неведении. В июле 1942-го он получил от него денежный перевод и последнее письмо.

Николай Евдокименков — участник боёв под Сталинградом, Курском, не один раз ранен. За год до своей гибели, 7 ноября 1942 года, он написал Дмитрию Ивановичу письмо-«завещание»: «Сегодня в ночь мы уходим в бой. Что я могу особенного сказать сейчас Вам? Громкие слова ни к чему, да я и не мастер по этой части. Может быть, теперь не одни сутки, не одну неделю придётся быть в боях, и я не смогу писать часто. Но Вы пишите. Знаете, приятно будет получить Ваше письмо.

Письмо-«завещание»
Н. Евдокименкова
Д. И. Архангельскому
в Овражки-Вялки.
7 ноября 1942 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!
На войне писателю и ученику
мне писать. Сегодня в ночь
мы уходим в бой, поэтому
собираюсь написать Вам
Сегодня в ночь мы уходим в бой. Что я могу особенного сказать сейчас Вам? Громкие слова ни к чему, да я и не мастер по этой части. Может быть, теперь не одни сутки, не одну неделю придётся быть в боях, и я не смогу писать часто. Но Вы пишите. Знаете, приятно будет получить Ваше письмо.

Сегодня в ночь мы уходим в бой. Что я могу особенного сказать сейчас Вам? Громкие слова ни к чему, да я и не мастер по этой части. Может быть, теперь не одни сутки, не одну неделю придётся быть в боях, и я не смогу писать часто. Но Вы пишите. Знаете, приятно будет получить Ваше письмо.

Ваш друг
Николай Евдокименков

Ещё одна маленькая просьба к Вам. Я не могу ничего сейчас писать родным. Если что (Вы, конечно, понимаете), то после войны, или, если узнаете, что туда можно писать, напишите моей мамаше. Пожалуйста, поддержите её тогда. Напишите, что я её всегда любил. А, в общем, я почему-то уверен, что вернусь живым и здоровым»¹⁷.

23 ноября 1943 года Дмитрий Иванович получил последнее письмо от Николая. Тогда же получил письмо от друга и Вася Трофимов. Василий Леонтьевич Трофимов, младший лейтенант — связист, на фронте с января 42-го. Боевой путь его был недолог, всего год. Последние письма приходят из белорусского города Сурож: *«Добрый день, дорогой Дмитрий Иванович! Фронтовой боевой привет Вашему семейству! Сегодня для меня большой день — я получил орден Красной Звезды. От Вас я давно не получал письма. Николай пишет часто, скоро закончит курсы и на фронт. Пишите, что новенького в Вашей жизни, как здоровье? С нетерпением жду ответа. Ваш Вася»*. Это было его последнее письмо¹⁸.

Да, дорогой ценой доставалась нам победа в самой жестокой и кровопролитной войне XX столетия. Воспитанники школы Шацкого воевали на разных фронтах, в разных званиях. Пулемётчики, пехотинцы, лётчики, моряки, геройски сражаясь, приближали день Победы. Идут письма от бывших учеников из Польши, Австрии, Чехии, Германии. Из-под Берлина пишет письмо Д. Ф. Тамицкому Татьяна Осипова, «за плечами» у неё Украина, Польша, а теперь Восточная Пруссия. Живо, без прикрас описывает девушка поверженную Германию: *«Пожаром и разрухой охвачена вся Германия. По улицам трудно проехать. Рельсы, трамваи, провода, столбы, дым, грохот — всё смешалось, руками глаза закрываешь, чтобы не лопнули от жары. Весело и жутко. На трупы не приходится обращать внимание. Их здесь слишком много. Так и надо. «За зуб — голову» — такой девиз у наших «славян». 60 км стоим от Берлина. А там будем обязательно. Хоть камни там одни остались, но всё равно там будем и последний камень разобьём*.

Можете поздравить, награждена орденом Красной Звезды. Как вы живёте? Как школа Шацкого? Милая, любимая школа. Никогда не забыть. Мы вернёмся, придём её провести и вспомнить, где наша юность цвела. Пишите. Целую крепко, крепко. Таня Осипова»¹⁹.

Уже находясь в Берлине, Таня получила письмо от Архангельского с просьбой достать книги и краски. *«Буду иметь в виду,— пишет она,— что нужны краски масляные и акварель*.

Я ещё не встречала их. Но сейчас мобилизовала и завербовала весь шофёрский состав. Я ещё на старом месте стою. Жива, здорова. Вчера стащили попугая зелёного и в свободное время забавляемся. Настроение бодрое, хорошее. Очень часто, да просто каждый день, вспоминаю школу, дом, родных, друзей. Володя Лахтин пишет, что собираются все старые воспитанники школы встретиться 1 мая в школе. Как бы хотелось быть там, вместе поднять бокал вина. Но что делать, что делать. Я их буду вспоминать»²⁰.

Заканчивал войну и Владимир Лебедев. В составе 69-й дивизии освобождал Югославию, Венгрию. В одном из боёв получил тяжелое ранение в обе руки, кое-как добрался до госпиталя. «Отрезать ему руку!» — в спешке сказал хирург. Но врачи пожалели молодого солдата, наложили гипс и спасли руку. Отвоевался старший сержант Лебедев, вернулся домой, стал известным художником, написал много картин о войне.

И вот настал счастливый, долгожданный День Победы, день всенародного ликования, радости «со слезами на глазах». Задыхаясь от счастья, к матерям, жёнам ехали домой победители. К любимым девушкам спешили Михаил Богдан и Степан Капустин.

Степан Захарович Капустин вспоминал: «В десятом классе я подружился с восьмиклассницей Ниной Архангельской. Привлекли меня скромность, рассудительность, доброта Нины. По окончании школы, в 1940 году она поступила на филологический факультет Педагогического института имени В. И. Ленина, я — на исторический в МГУ. Наши встречи и дружба продолжались. Мы были жизнерадостны, физически и нравственно крепки, счастливы и уверенно смотрели в будущее, которое казалось нам привлекательным.

И вдруг! ... Война! ... Не колеблясь, принято решение — на фронт, в действующую армию, рядовым. В тот же вечер, встревоженная и обеспокоенная, приехала ко мне на Стромынку Нина. Мы долго беседовали с ней в скверике общежития, Нина пообещала, что будет ждать. Всю войну она поддерживала меня, присылала хорошие письма. ... Девятого ноября 1947 года во Фрунзенском загсе Москвы был зарегистрирован наш брак. «Посажёнными» родителями на свадьбе были наши учителя — Николай Павлович и Анна Давыдовна Кузины»²¹.

Родилась школьная любовь и у Михаила Богдана. В 1934 году он пришёл в школу Шацкого из посёлка Оболенское и сказал: «Я хочу у вас учиться». Его приняли и не ошиблись. Михаил хорошо учился, любил рисовать и с интересом поглядывал на светло-

волосую девчущку Шурочку Платову. После окончания школы дороги их разошлись, но однажды при встрече между молодыми людьми вспыхнуло глубокое чувство. Это было перед самым началом войны. Михаил ушёл воевать. При наступлении немцев на Калугу, хорошо зная местность, он вывел ребят авиаклуба в Подольск. Под Будапештом был тяжело ранен. После войны Михаил и Александра поженились, прожили долгую и счастливую жизнь, организовывали многочисленные встречи колонистов.

М. Богдан и С. Капустин — участники Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. Москва встречала героев, осыпая цветами, и случалось, асфальт, по которому входили в город фронтовики, был устлан ярким цветочным ковром. Из воспоминаний С.З. Капустина: *«Для меня особенно волнующим было это утро. Всё окружающее — до боли знакомое и близкое мне. Вот Манежная площадь, Моховая и мой родной университет, откуда я студентом четвёртого курса исторического факультета ушёл на фронт. Несмотря на ненастную погоду, на улицах и площадях было много москвичей. Среди них и моя подруга — Нина Архангельская, писавшая мне на фронт тёплые, согревающие душу письма.*

И вот из репродуктора разнеслись звуки «Славься!» Глинки. С десятым ударом кремлёвских курантов началось величайшее торжество. По площади на белом коне проехал Маршал Жуков, промаршировали представители боевых частей, а мне казалось, что маршировала вся наша победоносная армия. Затаив дыхание, мир услышал, как внезапно смолк оркестр. Раздалась резкая дробь барабанов. На площадь вступила необычная колонна. Двести советских воинов несли склонённые до земли вражеские знамёна. Эти знамёна были с презрением брошены к подножию Мавзолея.

Парад завершился прохождением боевой техники. Два часа продолжалось это незабываемое шествие. Это был итог блистательных побед Советской Армии»²².

Воспитанники школы Шацкого, как и миллионы советских людей, восстанавливали разрушенное войной хозяйство, продолжали учёбу, обзаводились семьями, но связей друг с другом не прерывали. Часто собирались вместе, встречались с Евгенией Михайловной Кадомской, приходили в гости к Н.П. и А.Д. Кузиным, М.С. Мякотину. В московской квартире Ф.П. Терземана встречали новогодние праздники, Первое Мая отмечали в Ховрино у Жени Воздвиженской. Традиционными для колонистов послевоенной поры стали поездки в Родники к любимому всеми Д.И. Архангельскому.

Встреча
в Родниках.
Сер. 1970-х гг.

мнети школы Шацкого». Встречались на Казанском вокзале, садились в поезд — и начинались воспоминания. Частыми гостями на встречах были сёстры Кахана, В. Лебедев, Л. Яковлев, А. Левшуков, Е. Арион, А. Николаева, А. Платова, А. Дмитриева, брат А. Селунского — Валентин. В такие дни Дмитрий Иванович был особенно радостный и энергичный. Он показывал гостям свои работы, устраивал выставки акварелей студийцев, которые в великом множестве хранил в домашнем архиве, читал главы из неопубликованной книги об изостудии «Сказка в жизни». И лишь иногда на лице седовласого старца блестела слеза — память о погибших ребятах.

В 1964 году произошло событие, раскрывшее тайну гибели Ивана Довженко. Газета «Красная звезда» перепечатала из газеты «Орловская правда» письмо майора запаса, местного писателя Леонида Афонина. «Лет пять спустя после первого дня Победы,— писал Афонин,— мне, работавшему тогда в берлинском Доме советской культуры, какой-то житель Западной Германии прислал аккуратно запечатанный конверт. В конверте лежали пять акварелей, на одной из них — надпись: «Борис Юдин, 17 июля 1940 года», на обороте тем же почерком: «18 июля 1940 года. Ивану, двадцатилетнему». К акварелям прилагалась записка: «Я считаю, что эти прекрасные эскизы должны находиться на родине этого художника». Кто же был этот Иван, которому в июле 1940-го исполнилось двадцать лет? С таким вопросом редакция газеты обратилась к читателям. Вскоре «тайна пяти акварелей» была раскрыта. Бывшие ученики Д.И. Архангельского узнали рисунки своего учителя и школьного товарища Бориса Юдина. Их бережно хранил в бумажнике рядом с портретом любимой девушки солдат-пулемётчик Иван Довженко, погибший в начале 1941-го года.

До конца дней колонисты не забывали любимого учителя.
К 90-летию художника сочинили стихотворение:
23.02.1975.

Дорогому Дмитрию Ивановичу от учеников-колонистов.

*Хоть недавно видели,
Нынче снова кучею
К своему учителю
Мы пришли, соскучившись.
Вопреки стремлению
Спеть Вам дифирамб
Вышло поздравление
С шуткой пополам.
В школе все когда-то мы
С переменным рвением,
Будучи ребятами,
Грызли соль учения.
И в когорте менторов,
Именитых Шацких
Сам собой замеченный*

Пять акварелей.

А. Б. Левшуков
у памятника
С. Т. Шацкому.
1947 г.

*Жил да был Архангельский.
Вот идёт размеренно
Он вдоль борозды,
Как Толстой у Репина,
Лишь без бороды.
На лице неброская
Мудрость — простота.
И наряд толстовский:
Даже блуза та.
На его этюдах
Кустики, плетни,
А за ним повсюду —
Хвост из ребятни.
Лучшим из студийцев
Он дарил досуг
Но... Изотупицы
Липли роем мух.
Это тоже важная
Средь других заслуг,
Если к сердцу каждого
Не остался глух.
Всем итогам жизни
Вы — пример сейчас,
Как, служба отчизне,
Жить не напоказ.
В Родники на праздник
Едем каждый раз.
Дорогой наш, Праведник!
Как мы любим Вас!*

Местом встречи бывших воспитанников школы Шацкого стал молодой город Обнинск. Традиционно, 13 июня, в день рождения Станислава Теофиловича собирались все вместе. Часто приезжали Валентина Николаевна Шацкая, Николай Павлович Кузин, Иван Семёнович Разуваев, Михаил Степанович Мякотин. Педагоги и ученики проходили по улице, названной в честь великого педагога. Сердце щемило, когда видели на месте центральной усадьбы школы многоэтажки. Но брало верх сознание, что там, где когда-то в зелени дубрав в гордом одиночестве находилась «педагогическая Атлантида», сегодня — город науки. В современном здании, на улице Пирогова, живёт преемница школы-колонии «Бодрая жизнь» — школа им. С.Т. Шацкого. Школьный и городской музеи сохраняют память о легендарной школе, проводят встречи, организуют выставки. На одной

Бывшие колонисты
в Обнинске.
1958 г.

Празднование
50-летия школы
им. С.Т. Шацкого.
В центре,
с цветами —
В.Н. Шацкая,
справа —
А.М. Кузьмичева,
директор
школы № 1
им. С.Т. Шацкого,
Н.П. Кузин,
М.С. Мякотин.
1961 г.

В музее истории
г. Обнинска.
1967 г.

Слева, у стены —
Н.И. Широков,
сидят слева —
Н.С. Шильников,
справа —
А.М. Курбатов

Памятный знак
на ул. Шацкого
в г. Обнинске

Встреча колонистов
на вокзале
ст. Обнинское.
2 мая 1978 г.

Н. П. Левин (слева),
Н. А. Анатольев
(в центре),
Д. П. Расторопнов
в Обнинске.
Июль 1966 г.

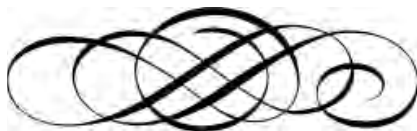
из таких встреч выпускница 1941 года Агния Николаева прочитала стихи — посвящение всем колонистам, жившим на Обнинской земле:

*Есть в жизни каждого страница,
Дороже и светлей которой нет.
И в нашей жизни чистой искрится
От школы Шацкого неизгладимый след.
Мы там, из детства вырастая,
Над Милым ключиком встречали свой рассвет.
Из-под сугроба ёлка молодая
Зимой кивала нам, весною — первоцвет.
Обязаны учителям мы нравственной огранкой,
А следствием её ребячий принцип стал:
Тот колонист считался выше рангом,
Кто говорил, что думал, делал, как сказал.
Какой был снег неповторимо чистый!
И ароматный иней на сучках!
И мы, счастливые идеалисты,
В подшитых валенках и старых пиджачках.
И почему война, Вторая мировая,
Людей в нас не убила, в школе скрыт секрет:
Вода живительно влияла ключевая,
Да врачевал целебный первоцвет.
И если вкривь пойдём шагами шаткими,
Далёкой юности, забыв завет,
Напомните о том нам, Школа Шацкого,
И Милый ключик наш, и первоцвет!*

Глава VIII

Испанские дети на Обнинской земле

Недалеко от школы им. С.Т. Шацкого, в новом благоустроенном здании, находился Испанский детский дом № 5 (ныне — главный корпус Физико-энергетического института), где испанские дети провели четыре счастливых года.

В феврале 1936 года в Испании к власти пришли демократические силы. Вновь созданное коалиционное правительство, состоящее из коммунистов, социалистов и республиканцев, проводило демократические преобразования. Это произошло в тот период, когда германский фашизм быстро распространялся по странам Европы. Реакционные силы решили уничтожить испанский «островок демократии». Семнадцатого июля 1936 года в испанском Марокко по радио прозвучали слова: «Над всей Испанией безоблачное небо» — сигнал к началу фашистского мятежа, во главе которого встал генерал Франко. Восемнадцатого июля мятеж вспыхнул в самой Испании. Гитлер и Муссолини поддержали повстанцев. «Уже 28 июля и 1 августа в Тетуане приземлилось 20 транспортных самолётов «Юнкерс-52», а транспортное немецкое судно «Усамо» находилось на пути к Кадису. Муссолини после непродолжительных колебаний дал согласие на передачу Франко 12-ти бомбардировщиков «Савойя-81». К началу августа африканская армия мятежников на германских самолётах и под прикрытием германских кораблей была переброшена на Пиренейский полуостров и начала марш на Мадрид»¹. В испанских городах подрывную деятельность осуществляла хорошо организованная фашистская агентура, так называемая «пятая колонна». Это было начало гражданской войны, расколовшей Испанию на два непримиримых лагеря.

Под знамёна Испанской республики встали тысячи добровольцев, девизом для которых стали слова Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»² Сражаясь в бою до последнего вздоха, герои-республиканцы не могли противостоять немецкой технике и авиации, бомбившей испанские горо-

Долорес Ибаррури
и Хосе Диас
на митинге.
1936 г.

П. Пикассо. Герника.
1937 г.

Двадцать шестого апреля 1937 года немецкая авиация полностью разрушила колыбель страны басков — город Гернику. Великий испанский художник Пабло Пикассо, живший тогда во Франции, узнав о трагедии, написал большое полотно «Герника». Эта картина была представлена на выставке в Париже. Полотно, четыре на восемь метров, как бы сконцентрировало всю боль, гнев, протест испанцев против насилия. В нём — отчаянье от осознания бессилья перед надвигающимися роковыми потрясениями.

На помощь испанским республиканцам отправились добровольцы из разных стран. Под вымышленными именами в Испании воевало около трёх тысяч солдат и офицеров, движимых желанием защитить молодую Испанскую республику от волны фашизма. Советский Союз поставил республике 648 самолётов, 347 танков, 1186 орудий. Переправка в Испанию проходила в строжайшей секретности. Из 56 советских транспортных двум не удалось пробраться через границу, один корабль был потоплен⁴.

В Советском Союзе проходили митинги солидарности под лозунгом: «Прочь руки фашистов от республиканской Испании!» Около трёхсот тысяч рублей было перечислено в фонд помощи народу Испании. Горячую поддержку Народному фронту оказывали деятели культуры. Всемирно известные советские учёные, писатели, поэты, художники опубликовали в газете «Известия» письмо с гневным протестом против поджигателей войны и обра-

да и сёла. Эрнест Хемингуэй, свидетель войны в Испании, с чувственной достоверностью написал: *«Смерть каждое утро приходит к этим людям, её шлют мятежники. Запах смерти — едкий дым взрывов и пыль развороченных камней. Ребятишки подбирают осколки снарядов, как раньше подбирали градины. И следующий снаряд попадёт на них.*

Раньше смерть приходила только к старым и больным, а теперь она пришла ко всем. Высоко в небе, отливая серебром, она идёт к тем, кому некуда бежать, некуда прятаться»³.

тились с воззванием к деятелям мировой культуры. «Мы ждём от вас,— призывали они,— энергичного протеста против преступлений, которые совершаются сейчас, и против тех, которые неминуемо будут совершены в ближайшем будущем, если голос ваш не заставит одуматься трусов и торгашей»⁵. Среди подписавшихся были академики А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилов, А. В. Щусев, И. В. Желтовский, деятели искусства К. С. Станиславский, Г. Александров, В. Пудовкин, скульптор С. Меркуров, художник П. П. Кончаловский.

В. Н. Кочетов.
1930-е гг.

Испанская тема звучала в прозе, стихах, театральных постановках, музыке конца 30-х годов. Советский композитор Вадим Николаевич Кочетов, сын Н. Р. Кочетова, не раз гостившего у И. И. Трояновского в Буграх, широко использовал в своём творчестве тему борьбы испанского народа против фашизма. Музыкальные произведения композитора исполнялись в Московской консерватории, на концертах, музыкальных вечерах. Наибольшую известность получила песня «Враг не пройдёт», ставшая гимном 11-й Интербригады. Испанские и советские дети пели песни В. Н. Кочетова на стихи Агнии Барто:

*Никогда в бою ты не был,
Но раздался рёв снаряда,
Ты был ранен в мирном доме
В ночь, когда пришли враги.
Было лет тебе немного,
Но ушёл ты быть отважным,
За окном дорога в горы,
Ты сказал сестре: «Беги!»*

Гонорары за издание своих произведений В. Кочетов перечислял в фонд помощи Испании. Композитор взял шефство над домом инвалидов испанской войны в Переделкино под Москвой и Испанским детским домом № 5 недалеко от Обнинска.

Политика невмешательства правительств европейских стран в события войны в Испании привела к тому, что фашистам весной 1937 года удалось заблокировать весь север страны. Фронт при-

Песня
«Мы пройдем».
Муз. Н. Р. Кочетова.
1938 г.

близился совсем близко к столице басков — городу Бильбао. Днём и ночью жители слышали орудийный гул, вскоре начался прямой обстрел города. Родители, обеспокоенные за судьбу своих детей, стали записывать их для эвакуации в Бельгию, Францию, Мексику, Англию, Россию. Многие хотели поехать в Советский Союз — символ демократии и социализма. Так случилось и с испанским мальчиком Хосе Лопесом. Хосе жил в Бильбао в многодетной рабочей семье. Его отец, член социалистической партии, подпольным образом получал журнал на испанском языке «СССР на стройке». Показывая сыну фотографии из журнала, он говорил: «Смотри, Хосе, — это Советский Союз, единственная страна в мире, где правят рабочие и крестьяне». Двенадцатилетний

испанский мальчик мечтал побывать в этой «кипучей, могучей, никем не победимой стране», поэтому сам пошёл и записался для отправки в СССР, приняв при этом условие матери — взять с собой младшую сестру Марию. Трёх своих дочерей, Долорес — 11-ти лет, Лусситу — 8-ми лет и Пепитту — 7-ми лет, мать записала для отправки в Советский Союз, подальше от бомбёжек и смертей.

В январе 1937 года советский разведчик Ян Карлович Берзин готовил операцию по вывозу испанских детей. Он налаживал каналы, по которым дети Бискайи, Сан-Себастьяно, Бильбао, Мадрида уезжали в неведомую для них страну. *«Перед отъездом многие дети помогали отцам в порту. Неожиданно к ним подошёл старый испанец и сказал: «Речи говорить некогда. Довожу до вашего сведения, что пришёл ответ компаньеро Сталина. Советский Союз готов принять испанских детей. Завтра вы уедете в Россию, а когда мы разобьём фашистов, вернётесь домой строить новую Испанию. Но пасаран!» Ребята решительно подняли вверх свои маленькие, в ссадинах и масляных пятнах кулачки»*⁶.

Тридцать две тысячи детей покинули тогда Родину. Около трёх тысяч маленьких испанцев выехали в СССР весной—осенью 1937 года. Двенадцатого июня из порта Сантурсе в Бильбао отплывали в Россию 1500 испанских детей. Несмотря на желание многих поехать в СССР, прощание с родными было тягостным. Альберто Фернандес вспоминал: *«Мне хорошо запомнился этот день. Я и мой брат, крепко держась за руки, пришли с мамой в порт. Крики, рыдания, слёзы царили в тот день на причале, где нас ожидал теплоход «Гавана», на котором мы должны были отплыть во Францию. Я не понимал, почему мне нужно*

расставаться с мамой, и крепко схватился за мамину юбку, а бедная моя мама пыталась распрямить пальцы моего кулачка, который сопротивлялся, но потом сдался. Я не плакал, мама тоже... Слёзы были потом»⁷. Провожая детей, родители думали, что расстаются ненадолго, в крайнем случае, на год-два, но, как оказалось, разлука растянулась на десятилетия.

Соня Эстебан
на руках
у ленинградского
рабочего.
1937 г.

Теплоход всё дальше и дальше отплывал от причала, разрезая пенящиеся волны, увозя испуганных, полуголодных детей от ужасов войны. К вечеру корабль причалил к французскому порту Бордо. Долгую ночь дети провели в пакгаузе порта, а наутро увидели, как к причалу подходит белокрылый лайнер «Сонтай», зафрахтованный советским правительством для перевозки испанцев. Все последующие шесть суток ребята отсыпались, отъедались. Двадцать первого июня 1937 года путешественники увидели очертания Ленинградского порта. Перед маленькими, обиженными судьбой детьми стояла огромная легендарная страна победившего социализма. Что ожидало их впереди? Судьба каждому начертала свой путь.

Теплоход «Сонтай» причаливал к живому острову, полыхающему алыми стягами, где выделялись чёткие шеренги пионеров, гремел оркестр, бушевало разноцветье букетов. Испанские дети шли с поднятыми кулачками (это был знак приветствия республиканцев) через «живой коридор» улыбающихся людей. Малышей ленинградцы подхватывали на руки и несли до автобусов. Через три дня детей распределили по четырнадцати детским домам, заранее подготовленным для проживания испанцев. В России детские дома в основном находились под Москвой, Ленинградом и на Украине — в Одессе, Харькове, Евпатории, Херсоне, Киеве. Один из самых крупных — Испанский детский дом № 5 — расположился недалеко от станции Обнинское, в прекрасном сосновом лесу, рядом с Морозовской дачей и школой им. С. Т. Шацкого.

Здесь, в 1936 году, началось строительство лесной оздоровительной школы Наркомпроса. «Это было «серьёзное» строительство, — вспоминал инженер Б. Леонардов. — Возглавлял его В. К. Аксёнов — бывший командир амурских партизан. Парторгом стройки назначили А. С. Мякотину — большевичку, преданную делу партии. Была она принципиальная, строгая, носила

Приказ директора
Испанского
детского дома № 5
М. С. Мякотина
об утверждении
Шендерова М. И.
начальником
строительного
участка Испанского
детского дома.
7 февраля 1939 г.

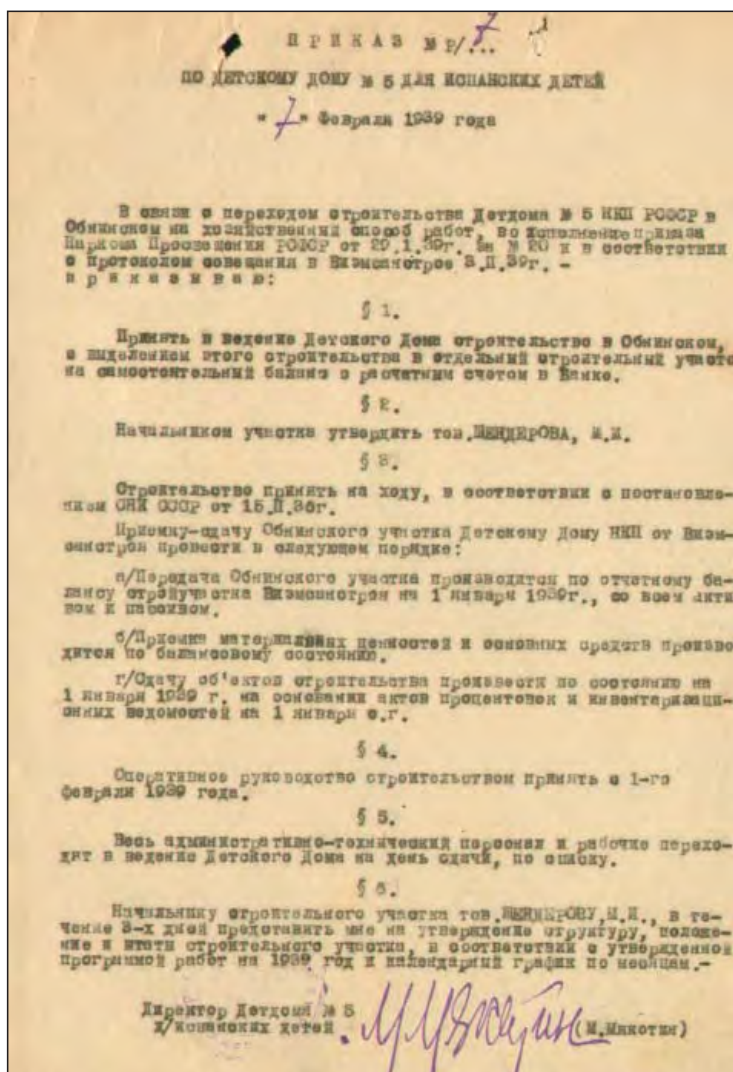
Строительство
оздоровительной
школы
Наркомпроса.
1936 г.

период начальником строительства являлся Макс Израйлевич Шендерев⁹.

Главный корпус пришлось переоборудовать, приспособить для комфортного проживания детей. Увеличили количество спален за счёт классных комнат,

кожаную куртку и сапоги»⁸. Кроме главного корпуса, на территории детского дома находились небольшая электростанция, водонапорная башня, столовая для персонала, изолятор, помещение канцелярии, жилые дома для педагогов и другие мелкие постройки. В 1939 году построили ещё два здания: домик для педагогов и баню. В этот

из Москвы привезли мебель, бельё, одежду, подбирались кадры для работы в детском доме. В подготовке встречи испанцев самое активное участие приняли воспитанники школы им. С.Т. Шацкого. В знак горячей поддержки и уважения к борьбе испанских республиканцев многие ребята носили на голове пилотки с кисточками — «испанки». Они восхищались подвигами генерала Лукача (Мате Залка — венгерского писателя-революционера), командира 12-й Интербригады, погибшего за свободу Испании, с увлечением читали «Гренаду» М. Светлова, слушали пламенные речи Долорес Ибаррури. Накануне приезда испанских детей воспитанники школы Шацкого навели порядок в помещениях детского дома: расставили столы, стулья в столовой, стелили матрацы,

покрывали их простынями и одеялами, уносили из лабораторий и классов ненужное учебное оборудование.

Двадцать третьего июня 1937 года в два часа дня специальным поездом на станцию Обнинское приехало пятьсот детей и двадцать сопровождавших их воспитателей. «Здесь их ожидали автомобили, специально прибывшие из Москвы; усаживали по пять-шесть человек и отвозили в санаторий.

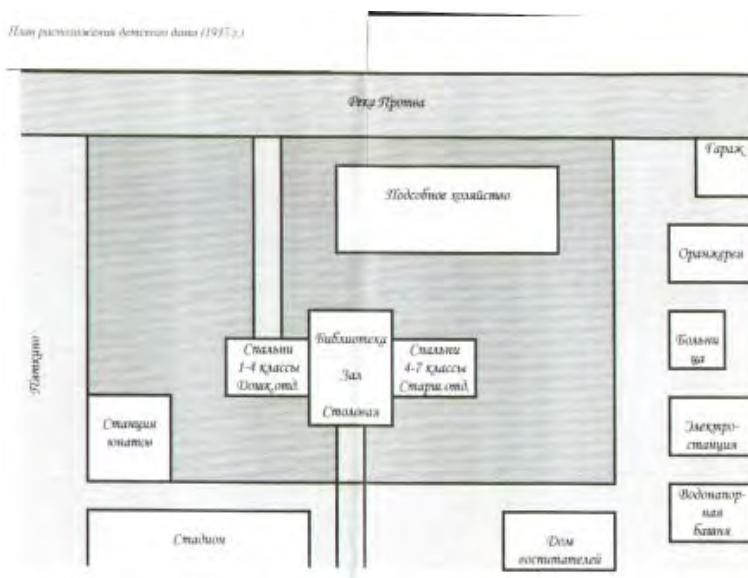
Первая встреча была организована в парке (около Морозовской дачи): на зелёной поляне на белых столиках приготовили лёгкий завтрак: какао, пирожки, печенье, бутерброды с маслом, сыром, испанские апельсины, — а кругом в лесу развесили гамаки и расставили скамейки.

«День был прекрасный, солнечный. Один за другим подходили автомобили к главному входу в парк; духовой оркестр играл встречу — бодрую, радостную, гордую, а мы издали аплодировали. Дети постарше шли с поднятыми вверх кулаками правой руки и кричали приветствие по-испански: «*Salut, camarado!*» В левую, свободную руку наши девушки давали им цветы. Глаза этих доселе незнакомых, прибывших откуда-то издалека, но теперь близких, родных ребят трудно забыть. Языка мы их не понимали, но в их глазах выражалось то доверие, которое они почувствовали, как только вступили на советскую землю»¹⁰.

Когда перевезли всех ребят, сотрудники провели санитарный осмотр детей, познакомили их с персоналом, разделили на три отделения: дошкольное — от 3,5 до 6,5 лет, второе отделение — 7–12 лет, первое — 13–16 лет.

После завтрака директор школы Шацкого М. С. Мякотин обратился к испанским детям с такими словами: «Дорогие наши гости — дети героических сынов Испании! Мы с открытым сердцем принимаем вас. Мы делали и будем делать всё, чтобы вам жилось хорошо. Матерей и отцов заменить невозможно, но мы будем стараться быть для вас самыми близкими. У вас прекрасные соседи — ребята из школы Шацкого, такие же, как вы, по возрасту и по судьбе»¹¹.

План расположения детского дома (1937 г.)

План
расположения
Испанского
детского дома.
1937 г.

Испанцев разместили в главном четырёхэтажном корпусе с расходящимися вправо и влево двухэтажными корпусами. В центральной части здания находились большой зал и столовая, в корпусах на первом этаже — учебные классы, медкабинеты, душевые, на втором — спальни. Таким образом, все необходимые помещения располагались внутри дома, и можно было жить и учиться, не выходя из здания.

С июня по ноябрь 1937 года детский дом функционировал как лечебно-профилактическое учреждение, руководимое врачом Николаем Николаевичем Шаталовым. Нужно было подлечить, подкормить ребят, помочь им привыкнуть к новой жизни. Некоторые дети болели различными лёгочными заболеваниями, анемией, явившимися следствием постоянного недоедания и проживания в экологически неблагоприятных шахтёрских районах Испании. Поэтому их усиленно лечили в детских домах или направляли в санатории: в подмосковную Тарасовку, Евпаторию, Артек. Для детей создали прекрасные условия: нормы содержания для одного маленького испанца были в три раза выше, чем

Испанцы в гостях
у колонистов.
1938 г.

для воспитанника обычного советского детдома. У ребят была хорошая, добротная одежда, разнообразное питание, интересная организация досуга.

Лето 1937-го выдалось жаркое, поэтому много купались и загорали на Протве. Однажды на полянке собралось несколько десятков детей и с криками «Фашисто! Балильо!» — яростно топтали ромашки. Воспитатели с большим трудом успокоили разбушевавшихся ребят, объяснив, что русские ромашки не имеют никакого отношения к итальянской фашистской детской организации «Балильо»¹².

В последующие дни персонал детского санатория ожидали всё новые и новые сюрпризы. Один из быв-

ших воспитанников детского дома рассказал такой случай: «Наши воспитатели отмечали праздники после отбоя. Их торжества проходили в спортивном зале. После одного из таких праздников, утром, двое ребят забрались в зал, когда там никого не было, но оставалось кое-что в бутылках, на которых было написано «Водка». Не зная коварства этого напитка, ребята попробовали его. Результат был плачевным: от рвоты всех вывернуло наизнанку. Спohватившиеся воспитатели, поняв в чём дело, быстро поместили горе-искателей в карантинной палате и сделали всё необходимое для их облегчения. На следующий день мальчишки были уже среди нас. Больше подобных казусов не было»¹³.

Днём ребята забывались, но спускалась темнота, играли отбой, и начинался детский плач — тоска по матерям охватывала малышей. Взрослые успокаивали детей, и те засыпали, видя во сне свой родной дом. Как-то раз на вечерней линейке недосчитались двоих мальчиков. Сразу же сообщили в Московскую милицию. Вскоре беглецов обнаружили на Киевском вокзале. Со слезами на глазах они признались, что хотели уехать домой в Испанию.

Четырнадцатого ноября 1937 года приказом Наркомпроса РСФСР детское лечебное учреждение преобразовали в Испанский детский дом № 5. Директором назначили М.С. Мякотина, заместителем по воспитательной работе — Д.Д. Гунина. Михаила Степановича испанцы очень любили, по детскому дому он всегда шёл в окружении темноглазых мальчишек и девчонок. Весной 1939 года М.С. Мякотина сменил И.С. Разува-

Испанские дети.
1937 г.

В коридоре
Испанского
детского дома

На Протве.
1938 г.

М. С. Мякотин
(справа),
И. С. Разуваев
и испанскими
детьми.
1938 г.

ев — заместитель директора по административно-хозяйственной части¹⁴. Жена Ивана Семёновича, Елизавета Сергеевна, работала в библиотеке. Она хорошо знала французский язык и, быстро освоив испанскую разговорную речь, подружилась с ребятами, помогала им в учёбе, подбирала нужные книги.

Штат сотрудников детского дома составлял 243 человека на 467 детей. Это был большой административно-

но-хозяйственный аппарат, включавший счетоводов, бухгалтеров, воспитателей, педагогов, переводчиков, медиков, поваров. Большинство обслуживающего персонала составляли жители окрестных сёл: В. Н. Корягин (помощник повара) из д. Доброе, И. Т. Моряков (старший электромонтёр) из с. Белкино, Е. С. Соловьёва (работник столовой) из д. Самсоново, Фролов В. Г. (слесарь) из д. Пяткино и многие другие «счастливыцы», в отличие от крестьян получавшие не трудовни, а твёрдую заработную плату.

«Среди работников детдома,— вспоминал Альберт Фернандес,— были простые русские люди. Очень хорошо помню нашу уборщицу. Относилась она к нам, как мать к своим детям, мы её любили, наверное, так же. Было у неё трое или четверо детей. Жила она очень бедно, муж был пьяница и самодур. Нам

её было очень жалко, и мы решили помочь ей. Начали таскать из столовой для её ребятнишек всё, что могли: фрукты, икру, сладости. Отдавали всё тайком. Она не хотела принимать от нас гостинцы — очень боялась. Мы убеждали её взять наши подарки, и она сдавалась. Она ведь была матерью и хотела накормить своих детей. Потом мы стали приносить свою одежду. Доброта этой женщины оказа-

лась очень нужной и важной для нас, оторванных от мам ребят»¹⁵.

Двадцать четыре человека работали в детской столовой: шеф-повар, специальные повара по первым и вторым блюдам, судомойки, подавальщицы, уборщицы. Шеф-повар Василий Григорьевич Зайцев, прозванный шутливо «Базилио», был любимцем ребят, не случайно на многих фотографиях тех лет он изображён в окружении испанцев. На столах в детской столовой в изобилии были свежие овощи, фрукты, зелень, красная и чёрная икра, осетрина. Хосе Луис Видаль-Сантьяго вспоминал, что икру подавали в суповых тарелках, но «мы не понимали её вкуса и больше любили блинчики. Один из шустрых мальчиков научил нас воровать зефир и прятать его на водокачке. Нам не столько хотелось зефира, сколько испытать чувство риска, опасности, пошалить»¹⁶.

Д. Д. Гунин
с Николасом
и Оливией.
1938 г.

Гуляя по лесу, ребята собирали грибы, приносили на кухню и очень просили поваров приготовить их на обед или ужин. Один из мальчиков, Хосе Мануэль Руис, особенно преуспел в этом занятии: он хорошо помнил, как собирал с отцом в Испании рыжики, изучил все съедобные и несъедобные грибы средней полосы России и, став взрослым, написал объёмный труд о грибах.

Бывали случаи, когда испанцы отказывались от пищи. «Однажды за обедом на пол полетели макароны, их топтали, выкрикивая: «Итальяно — фашисто!» Чай тоже оказался незнаком детям, на их родине это был напиток аристократических семей. Дирекция детского дома была в недоумении: «Что делать?» Выход подсказал П. П. Кончаловский. Художник бывал в Испании, знал язык и традиции этой страны. Он-то и посоветовал М. С. Мякотину привезти из Москвы трески, фасоли, чечевицы. «Это ведь дети из простых рабочих семей, к деликатесам они не привыкли», — сказал Пётр Петрович. Михаил Степанович привёз нужные продукты, повара приготовили по всем правилам испанской кухни. И когда по детдому разнёсся слух, что сегодня на обед будет треска, ребята с криком «ура» помчались в столовую»¹⁷.

Первого сентября 1937 года, подобно всем детям Советского Союза, испанцы сели за парты. Заведующая школой З. В. Соколова распределила детей по классам соответственно возрасту и знаниям. Были организованы: дошкольное отделение (заведующая — В. П. Залогина), семилетняя школа (З. В. Соколова), старшие ребята учились в школе Шацкого. Поначалу преподаватели, не знавшие испанского языка, объяснялись с учениками через переводчиков. Это были очень интеллигентные люди с высшим образованием, ранее жившие за границей: С. И. Ясельман — 23 года жил в Аргентине, Е. Н. Мейер — в Германии и в Южной Америке, В. С. Цейтлина — в Париже. В 1938 году издали учебники на испанском языке, что значительно облегчило работу учителей. Да и сами испанцы уже хорошо научились говорить по-русски. Интересно преподавали русский язык супруги М. Д. и Т. В. Музалевские. Немало усилий приходилось им прилагать, когда в класс приходили ученики из других детских домов, — они совершенно не говорили по-русски и были слабо подготовлены. Музалевские занимались с ними дополнительно, и к концу года ребята сравнивались с другими учащимися¹⁸.

Профессию педагога освоило тринадцать испанских девушек-воспитательниц. Самой старшей из них, Эсперансе Родригес, было 24 года, а некоторым, как, например, Кончите Бруфау, — 16 лет. По вечерам с девушками занималась З. В. Соколова. *«Бывало, соберёт всех нас у себя,— вспоминала Эсперанса Родригес,— и по-матерински объясняет, как надо учить детей. Вид у неё строгий: длинная юбка, белоснежная блузка, очки, волосы гладко зачёсаны назад, а глаза добрые-добрые. Она постоянно бывала на наших уроках, а потом разбирала их. И никогда не ругала,*

Урок испанского
языка ведет
В. С. Цейтлин.
1937 г.

не повышала голоса»¹⁸. Благодаря занятиям с Зинаидой Васильевной прекрасным педагогом-математиком стала Хулиа Апарисио. *«Её уроки богаты содержанием,— сообщалось в одном из отчётов,— разнообразны по методам. Где бы она ни занималась, нигде не приходится ставить вопрос о дисциплине»*¹⁹. Среди испанских педагогов отмечали М. Риера, Л. Эстебан,

М. Санчес. Несмотря на большие языковые трудности, большинство испанских детей училось на «хорошо» и «отлично». Согласно отчёту об учебно-воспитательной работе за первое полугодие 1939 года, 46 % детей имели отличные оценки и только 13 % учеников учились посредственно²⁰.

Методы преподавания в СССР значительно отличались от испанских. *«В детском доме нас мало наказывали,— вспоминал Анесоло Алонсо.— В Испании я учился в первом классе. Помню, стоял на коленях на горохе целый урок, били по пальцам. А здесь наказывали только тем, что в кино не пускали»*²¹. Кинофильмы в Испанском детском доме показывали часто. Один из воспитанников научился у киномеханика А. А. Орлова работать на киноаппарате и часто замещал его. Особенно любили смотреть военные фильмы, очень бурно реагируя на содержание картины. Увидев на экране белогвардейцев, с негодованием кричали: «Фашисто! Фашисто!», а при успехах Красной Армии вскакивали с мест с поднятыми кулачками и хором кричали: «Ура!»

Постепенно испанские дети привыкали к жизни на чужбине, воспринимая традиции и культуру России. С недоверием слушали они рассказы о зиме, морозах, метелях, считая, что воспитатели их пугают. И вот однажды утром ребята впервые увидели за окном снег. Ра-

Воспитательницы
Испанского
детского дома.
В 1-м ряду
крайняя справа —
Эсперанса
Родригес

Отличники
Испанского
детского дома.
1938 г.

Похвальная
грамота Долорес
Пухадес.
1941 г.

дость была неопиcуемая! Все выскочили на улицу. Стали играть в снежки. Восторженно приняли зимние меховые шапки, валенки, в которых некоторые даже пытались лечь спать. По просьбе испанского посольства Центральное радио организовало передачу на Испанию — ребята рассказывали родным, как они живут в России. А маленькая Хуанита Сантос рассмешила всех: «Мамочка, мамочка! — тараторила она в микрофон.— Нам выдали такие чудные-чудные перчатки с одним пальцем!»

Рядом с детским домом залили большой каток, но всё же более популярным был лыжный спорт. Преподаватель физкультуры Сергей Андреев, высокий, симпатичный юноша, был особенно любим испанскими детьми. Сергей Владимирович организовал лодочную станцию, оборудовал спортзал, вёл шахматный кружок и секцию бокса. На стадионе проходили соревнования по регби, баскетболу, волейболу. Гордостью Испанского детского дома стала футбольная команда

Долорес Пухадес
(слева) с младшими
воспитанниками
детского дома.
1937 г.

во главе с капитаном Августино Гомесом, впоследствии прославленным футболистом. Команда «дьяволят» неизменно одерживала победы в матчах с футбольными командами окрестных сёл и городов, с воспитанниками школы Шацкого. Газета «Комсомольская правда» сообщала: «У команды лагеря птицекомбината испанцы выиграли со счётом шесть—

ноль. Игра с командой пионерского лагеря авиационного завода им. Лепсе (в д. Самсоново) дала басконцам победу пять—ноль. Лучшие игроки в команде: капитан Августино Гомес и вратарь Анисимо Алармо»²².

В конце августа 1937 года в испанский детский дом приехали представители ЦК ВЛКСМ и Спорткомитета с предложением устроить в Москве матч между футбольной командой детского дома, которая успела прославиться на стадионах Подмосковья, и сборной юниоров столицы. Через несколько дней на улицах Москвы появились афиши: «11 сентября на Центральном стадионе «Динамо» состоятся два футбольных матча: между юными басками и командой стадиона «Юных пионеров» и на первенство СССР между командами «Динамо» и «Спартак». Все билеты были раскуплены. И вот наступил долгожданный день. «Трибуны стадиона горели от красных галстуков. Ровно в четыре часа на поле вышли команды: баски — в голубых футболках, сборная Москвы — в красных. Под знаменем и под звуки гимна Испании молодые испанцы прошли по кругу стадиона. Играли ребята с большим азартом и темпераментом, но силы были слишком неравными, и москвичи, более взрослые и сильные, выиграли со счётом два—один. Когда Дим Димыч Гунин спустился с трибуны, в раздевалке

Испанцы зимой.
1938 г.

Футбольная команда.
Слева — капитан
Августино Гомес.
1938 г.

стоял откровенный рёв. «Пусть утешит вас решение советского Спорткомитета,— сказал он торжественно.— Все участники игры награждаются именными часами!» В понедельник Дим Димыч привёз из Москвы газеты, где отмечалось, что юные баски уступали москвичам в силе и выносливости, но техника их достойна восхищения»²³.

Позднее в гости к испанским детям приехали члены футбольной команды Басконии, помогли окончательно составить команду, а прославленный футболист Луис Регейро судил очередной детский матч.

В 1939 году, после падения Испанской республики, в Советский Союз эмигрировали бойцы республиканской армии. Многие из них направляли на работу в детские дома. В детский дом № 5 приехал испанский коммунист доктор Руфино Костаньос. Кроме работы по специальности он преподавал ботанику и анатомию. Диего Перрона, главный режиссер театра в Валенсии, руководил художественной самодеятельностью. По словам Хосе Луиса Видаля-Сантьяго, это был удивительный человек, он ставил с ребятами спектакли, сочинял для них песни, на радио устраивал юмористические передачи.

Спасаясь от фашистской расправы в Испании, в СССР иностранные политэмигранты попадали в застенки сталинских лагерей. Репрессии коснулись и двух воспитателей детского дома — Марио и Ливера, бежавших из Италии от режима Муссолини. Марио преподавал математику, устраивал олимпиады. Одному из лучших своих учеников, испанскому мальчику Альберто, подарил небольшой портрет маршала Блюхера в красивой раме. Альберто поставил портрет на тумбочку около кровати, но вскоре пришёл воспитатель и забрал портрет, сказав, что это «враг народа». Через несколько дней Марио и Ливера арестовали как шпионов итальянской разведки.

С большим подозрением инспекторы из Москвы относились к переводчикам, работавшим в Испанском детском доме. В одном из отчётов проверяющий чиновник сообщал: «Товарищ Ягодкина ведёт курс истории через переводчицу Мейер. Мейер окончила юридический факультет в Киеве, около четырёх лет жила в Германии, около двух лет в Аргентине. Муж арестован НКВД. Что она переводит — сказать трудно. Переводчик Ясельман родился в Париже, с 1910 по 1933 год жил за границей, якобы, как эмигрант, выдаёт себя за бывшего члена партии большевиков. Странно, живописец и вдруг в Испанском детском доме. Человек политически сомнительный и нуждается в сугубой проверке»²⁴.

Однако ужасы и запреты тоталитарного режима тех лет пока «обходили стороной» воспитанников Испанского детского дома. Читая стихи о Сталине, распевая песни о «вожде всех времён и народов», дети верили, что счастливое детство в России — это его заслуга.

Педагоги и воспитатели прикладывали немало усилий, чтобы сделать жизнь ребят интересной, творческой. В детской технической станции под руководством И.А. Лаврушина испанцы конструировали модели танков, самолётов, лепили из пластилина, занимались резьбой по дереву. Макет «Парад на Красной площади», над которым трудилось двадцать учащихся, демонстрировался на празднике в детдоме и в Москве.

В свободное время испанские дети занимались в хоровом, драматическом, хореографическом кружках. Один раз в неделю, по вечерам, устраивали танцы. Черноглазые юноши с удовольствием танцевали танго, вальс, посадобль с девушками из деревни Пяткино, иногда даже назначали свидания у «Лиры» (сосна в виде лиры, сохранившаяся до наших дней у городского парка).

«Помню, что на обочине дороги,— вспоминал Мануэль Арсе,— там, где сейчас пролегает проспект Ленина, росла раздвоенная сосна в форме то ли рогатки, то ли лиры, на которой мы писали наши имена и вырезали всякие любовные отметки ножом на коре. При строительстве города лес вырубili, но сосна осталась и до сих пор стоит там же, в районе старого города, рядом с парком»²⁵.

Как и все дети, испанцы любили животных, но в детдоме не было ни собак, ни кошек. Тогда ребята нашли котёнка, смастерили для него клетку; потом стали ухаживать за дворовой собакой, а когда та погибла в результате несчастного случая, детскому горю «не было предела». Видя это, воспитатели реши-

Играют в бильярд.
1939 г.

Работа над
макетом.
1939 г.

ли приобрести собак. На краю территории детского дома построили домики, вольеры для животных. Когда стройка закончилась, привезли щенков доберманов, сенбернаров, а также кур, кроликов и даже лису в клетке. Получился своеобразный минизоопарк. Под руководством Надежды Сергеевны Каупуж испанцы кормили, мыли животных, играли с ними. В питомнике содержалась ангорская крольчиха, которая родила двенадцать крольчат, — это был рекорд. Хосе Луис, активный юннатовец, ездил в Москву делиться опытом по выращиванию кроликов.

Несмотря на огромную заботу о детях Испании, инспекторы констатировали: *«Поставленные в хорошие материальные условия и имея огромный штат обслуживающего персонала, дети воспитываются барчуками, в духе противном задачам нашей советской педагогики. Недаром они, дети испанских рабочих и крестьян, забывают пришивать пуговицы, небрежно относятся к вещам, летом, говорят, десятками пускали по реке сандалии, били стёкла, ломали и коверкали мебель»*²⁶.

Испанской экспансивности и любознательности нужно было найти выход, организовать кружки, которые бы прививали детям трудовые навыки. Что и было сделано. В пошивочной мастерской у Татьяны Васильевны Ванявиковой девочки занимались рукоделием. Мальчики получали трудовые навыки в слесарном и столярном кружке у Ганса Рытлевского, политического эмигранта, участника боёв в Испании. Как истинный немец, он был аккуратен до педантичности, благодаря чему в мастерской всегда был идеальный порядок. Чтобы дети не забывали об аккуратности и осторожности, по всей мастерской он развесил плакаты и лозунги. Один из них гласил: «Хорошо заточенный инструмент экономит рабочее время». В сапожной мастерской ребята научились чинить и шить обувь. Все эти навыки оченьгодились ребятам в эвакуации, когда они остались «без нянек» и многое пришлось делать своими руками.

Испанские дети получали трудовую закалку, занимаясь сельскохозяйственным трудом в подсобном хозяйстве детского дома у Х. М. Канонюка, а также помогая крестьянам окрестных деревень. Каждый класс должен был обработать и собрать урожай с закреплённого участка: 500 кв. м культуры картофеля, 150 кв. м клубники, 250 кв. м помидоров 125 кустов смородины.

Однако нельзя сказать, что детей очень загружали работой. Ребята много путешествовали по стране, бывали в Ленинграде, Киеве, Баку, по несколько дней жили в семьях московских рабочих завода им. Сталина. Да и в самом детском доме редкий день обходился без гостей: представители компартий России и Испа-

нии, многочисленные творческие коллективы артистов, танцоров, музыкантов, поэты, композиторы приезжали к испанцам. Среди гостей часто можно было видеть шефа детского дома, композитора В.Н. Кочетова. Вадим Николаевич исполнял свои произведения на испанские темы, слушал выступления духового оркестра и хора детского дома, на новогодние праздники обязательно привозил подарки. В этот день в детском доме устанавливали огромную ёлку в центре зала и четыре маленькие ёлки по углам. Игры, танцы, карнавальные костюмы веселили детские души. Перед сном каждый находил под подушкой пакет со сладостями от Деда Мороза, и до утра в спальнях слышался шелест бумажек, шёпот и смех.

Крепкая дружба связывала испанцев с художником П.П. Кончаловским. Дача художника находилась неподалёку, и дети частенько ходили к нему в гости. *«Бывало так,— вспоминала Н.П. Кончаловская,— если внизу, на поляне, слышался звук горна — значит пионеры идут в гости. Пётр Петрович их принимал, угощал яблоками, показывал свои картины»*²⁷. Более подробно встречи в Буграх описал внук художника Андрей Михалков-Кончаловский:

*«Испанская тема вообще была важной частью нашей жизни. Испанцы зачастили к деду — в его доме можно было петь, говорить по-испански. Пели Малагуэню, танцевали Хоту. Бывали испанские коммунисты, дружившие с дедом: Долорес Ибаррури, художник Альберто Санчес. Здесь мой дядя (Михаил Петрович) влюбился в девушку Эсперансу Родригес, воспитательницу из Испанского детского дома»*²⁸.

На экскурсии
в Москве.
1939 г.

Духовой оркестр
Испанского
детского дома.
1939 г.

П.П. Кончаловский.
Три испанских
мальчика.
1938 г.

П. П. Кончаловский
среди педагогов
и воспитателей
Испанского
детского дома.
1939 г.

взрослым, Антонио Лойзага Замаррина женился на Секундине Бланко Кантелли, тоже воспитаннице Обнинского детского дома. В 1956 году супруги уехали на Родину. Антонио устроился работать, а в свободное время продолжал рисовать, подписываясь псевдонимом «Ичатчак», что означает «кисть». В 2009 году, после юбилейной встречи в Обнинске, одну из работ мужа Секундина подарила городскому музею.

Антонио Лойзага
Замаррина.
Провинция
Кантабрия.
1970-е гг.

Испанские дети изучали русскую историю, воспринимали традиции Советской страны, гордились её достижениями, восхищались подвигами советских лётчиков, знали о беспосадочном перелёте лётчиц П. Осипенко и В. Гризодубовой. 12 июня 1938 года произошло событие, надолго запомнившееся воспитанникам Испанского детского дома: в гости к ребятам прилетели лётчицы М. Раскова и В. Гризодубова. В час дня в небе появился самолёт, раскрашенный под крокодила, его сопровождали два

В результате дружбы великого художника и испанцев «увидели свет» картины Петра Петровича: «Портрет испанского мальчика», «Портрет девушки-испанки Хулиты Перикачо», «Утро испанских пионеров в летнем лагере» и многие другие.

Один из мальчиков, по имени Антонио, учился рисовать у знаменитого художника. Любовь к живописи он сохранил на всю жизнь. Став

маленьких самолёта. Сделав несколько кругов, с самолёта на парашютах сбросили подарки: коробки конфет, куклы, модели самолётов. С криками восторга испанцы ловили подарки. И вот самолёты приземлились, из кабины вышли лётчики и лётчицы. Их встретили цветами, провели по территории, вкусно накормили, а вечером в актовом зале провели торжественную встречу и дали для

гостей концерт. Перед отлётом в Москву несколько смельчаков совершили полёт над детским домом. В память об этом событии напечатали 500 открыток с изображением Испанского детского дома, детей и лётчиц.

Количественный состав детского дома постоянно менялся: приходили новые ребята из других детских домов; те, кто повзрослел, переезжали в Ленинградский «Молодёжный испанский дом» и продолжали учёбу в техникумах, институтах, но связь друг с другом не прерывали. О событиях, происходивших в Испании, узнавали из писем от родных, от лидеров Компартии Испании, которые следили за воспитанием и обучением маленьких испанцев. Летом 1939 года в детский дом приехали Генеральный секретарь Компартии Испании Хосе Диас, член Политбюро ЦК Компартии Долорес Ибаррури, командиры испанской Народной Армии Листеро Компенсино, Модесто Кастро, бойцы Интербригад. На станции Обнинское их встречали руководители детского дома и ребята — отличники учёбы. Когда из машины вышли Хосе Диас и Долорес Ибаррури, все дети бросились им навстречу, — торжественного запланированного рапорта не получилось. На pedalных автомобилях собственного изготовления гостей привезли в детский дом. Хосе Диас рассказал о борьбе испанского народа, а вечером в районе дачи П. П. Кончаловского устроили пионерский костёр и фейерверк.

Самолет
«Крокодил».
1938 г.

В. С. Гризодубова
в гостях
у испанских детей.
1938 г.

Фотооткрытка.
В память
о посещении
испанских детей
лётчицами
агитэскадрильи
им. М. Горького.
1938 г.

Долорес Ибаррури
со старшими
воспитанниками
Испанского
детского дома.
1939 г.

Между тем гражданская война в Испании шла к завершению. Народная республиканская армия героически сражалась три года, но зимой 1938–1939 года фашисты подошли к Барселоне. Долорес Ибаррури обратилась к народу с призывом встать на защиту Родины. Узнав об этом, старшеклассники Испанского детского дома решили поехать в Испанию. С большим трудом приехавшие из Москвы представители Наркомпроса и Коминтерна убедили ребят отменить своё решение. Поздно вечером, когда дети уже спали, по радио объявили о падении Барселоны. Воспитатели-испанцы еле сдержали слёзы, а дети, прослушав сообщение на утренней линейке, в полной тишине разошлись по классам. Это был один из самых тяжёлых дней в детском доме.

После окончания войны испанские дети надеялись, что скоро они встретятся с родителями. Маленькие эмигранты из Франции, Бельгии, Англии уже возвращались на родину. Но советское правительство при поддержке Компартии Испании решило не возвращать детей родителям, оправдывая столь жестокое решение тем, что в Испании установился фашистский режим. Это была ещё одна трагедия, легшая на детские души.

Из испанских детей старались сделать настоящих борцов за коммунизм. Пионервожатые А.А. Нудлер, В.С. Макридина, П.М. Борисов, А.П. Марков (секретарь комитета ВЛКСМ) го-

Испанцы
встречают гостей.
1939 г.

товили ребят к вступлению в пионеры. В ноябре 1937 года красные галстуки заалели на груди почти всех испанцев. На 7-е ноября и 14 апреля, в день рождения Испанской республики, проходили торжественные линейки, выпускали стенгазеты с отчётами о проделанной работе и успеваемости. Весной 1938 года готовились к Первомайской демонстрации в Москве, что было очень почётно и ответ-

ственно. Ребята учились ходить строем, чеканя шаг. Специально для этого события сшили форму бойцов республиканской Испании: тёмно-синий комбинезон с кожаным поясом и пилотку с кисточкой. Первого мая испанская колонна во главе со знаменосцами, барабанщиками и горнистами гордо прошагала по Красной площади. После демонстрации ребят пригласили на гостевую трибуну у Мавзолея. Неожиданно кто-то крикнул: «Долорес! Пассионария!» Испанцы кинулись к Долорес Ибаррури, как к родной матери. В последующие годы воспитанники Испанского детского дома № 5 оставались непременными участниками Первомайских парадов.

Пионеры и комсомольцы Испанского детского дома в форме бойцов республиканской Испании.
1938 г.

Зима 1939-го выдалась очень холодной и тревожной — началась финская война. Со слезами на глазах, как будто чувствуя, что больше никогда не увидятся, испанцы провожали на фронт своего любимого учителя физкультуры Сергея Андреева. Так и случилось — Сергей погиб. Это событие стало предвестником будущей «священной войны», настигшей испанских ребят в Советском Союзе, где, казалось, было спокойно и мирно.

Известие о начале войны пришло совсем внезапно. «В воскресенье, 22 июня 1941 года,— вспоминал Альберто Фернандес,— из Москвы приехала юношеская команда по регби. Состоялся матч — мы одержали убедительную победу. Стадион находился в 300-х метрах от главного здания. На его крыше был установлен большой репродуктор, по которому передавались трансляции. Счастливые возвращались мы, одержав такую победу! Из репродуктора доносились слова: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Мы же поняли это по-своему и повторяли: «Враг уже разбит, победа наша!» Воспитатели объяснили нам в чём дело — началась Великая Отечественная

война, а слова, услышанные нами, были последними словами выступления товарища Молотова²⁹.

С началом войны жизнь в детском доме изменилась. Старшие воспитанники записались в созданный при детдоме истребительный отряд, те, кому исполнилось шестнадцать добровольцами ушли воевать. «Было несколько партизанских отрядов, состоявших исключительно из испанцев: отряд им. Ворошилова, командир Франсиско Гульон, действовавший в Ленинградской и нынешней Калининградской областях; отряд Хосе Фусиманья — в Крыму, отряд Хусто Родригеса — под Новороссийском. Только под Ленинградом пали в боях 80 испанцев, в основном подростков»²⁹. Из 206 испанцев, погибших на фронте, 21 воспитанник Испанского детского дома № 5³⁰.

Младшие воспитанники детского дома тоже перешли на военный режим: изучали оружие, способы маскировки, тушили горящие свечи, которые немцы сбрасывали для освещения дорог, строили в лесу шалаши. При угрозе воздушной атаки поезда, стоящие на железнодорожной станции, начинали гудеть. Обычно это происходило ночью. Испанцы просыпались, одевались, брали тёплые одеяла, рюкзаки с вещами и бежали каждый к своему шалашу.

24 августа 1941 года вышел приказ директора Испанского детского дома № 5 И. С. Разуваева об эвакуации. Часть сотрудников осталась для проведения инвентаризации, передачи имущества, охраны здания и обслуживания электростанции, около 60-ти педагогов и врачей выехали в Саратовскую область для сопровождения детей. Испанский детский дом разместили в двух сёлах — Базель и Цюрих. На глазах эвакуированных детей несчастные немцы, жившие в этих сёлах, покидали свои дома, успев взять только самое необходимое. Не легче было и испанским детям, оставшимся один на один с жестокой военной действительностью.

«Когда началась война,— вспоминал Франсиско Мансилья Карамес (ныне — председатель Испанского центра в Москве),— все почтовые каналы для связи с Испанией были перекрыты. Впрочем, для тоски по Родине времени уже не оставалось. Встали вопросы выживания. Дети попали в пучину великого переселения народов. Поволжских немцев выслали в Сибирь, а нас эвакуировали в их дома. Без обеспечения, без продуктовых карточек, без ничего. Мы написали письмо Долорес Ибаррури: «Помогите!» Она нам ответила: «Как можно думать о масле в такое суровое время».

В селе Базель испанцев разместили в двух колхозных домах и здании школы, в селе Цюрих, находившемся в полутора кило-

метрах, жили в трёх домах и в школе, тридцать домов заняли сотрудники. Директор детского дома И. В. Воронцов сообщал в отчёте: «Помещения, занимаемые детдомом, не удовлетворяют элементарным требованиям санитарии. Температура в большинстве помещений выше десяти градусов не поднимается. Чрезвычайно трудное положение с водоснабжением. В сильные морозы за водой приходится ездить за два с половиной километра под гору. Дети размещаются скученно, не хватает кроватей, 54 воспитателя спят на полу. Кожаной обуви совсем нет. Значительная часть пальто пришла в полную негодность»³¹.

П Р И К А З № /МС...:...

Детдому № 5 для испанских детей от 24-го Августа 1941 года .-

4

В соответствии с приказом по Наркомпросу РСФСР от 21-го августа 1941 года за № 596 о переводе детдома в другое местожительство ПРИКАЗЫВАЮ: Освободить от работы в детдоме № 25/У111-41 о выдаче 2-х недельного выходного пособия следующих сотрудников детдома :

а/ ПО КОНТОРЕ .-

1. ВОРУБИО Семена Ивановича -- ночной сторож.
2. КОРКИНУ Ага Фёя Филиппову -- Курьер Уборщицу .-

б/ ПО ШКОЛЕ .-

1. МАЛЬКОВУ Варвару Ивановну -- уборщицу .-

в/ ПО ДОШКОЛЬНОМУ ОТДЕЛЕНИЮ .-

1. МЕРЯНОВУ Клавдию Ивановну -- Но чл. дежурную
2. САДОМАТИНУ ПРАСК Ивановну -- няню
3. КУЧЕРОВУ Анну Васильевну -- --"
4. КУЗЬМИНУ Марию Васильевну -- --"
5. ЛЕОНОВУ Марину Васильевну -- --"

г/ ПО 1 ИНТЕРНАТУ .-

1. ВАВИЛОВУ Прасковью Васильевну -- уборщицу
2. АКИШИНУ Александру Степановну -- --"
3. ОГОЛЬЦОВУ Евдокию Васильевну -- уборщицу
4. ТАБАКОВУ Анну Егоровну -- --"
5. ПАНКОВУ Прасков. Устиновну -- ночн. дежурн .

д/ ПО 2 ИНТЕРНАТУ .-

1. КАРГИНУ Праск. Григорьевну -- уборщицу
2. АЛЕКСАНДРОВУ Ольгу Агафоновну -- --"

Приказ директора
Испанского
детского дома № 5
об эвакуации.
24 августа 1941 г.

Продукты, оставшиеся от немцев, скоро закончились, и испанцы впервые познали голод. Ели всё, что могли: летом ловили рыбу, собирали грибы, ягоды, зимой из-под снега срывали подсолнухи, доставали мёрзлую картошку, меняли сахар на зерно, перемалывали его в ручных мельницах, которые изготавливали из жести. Но всё равно голод был постоянным спутником испанских детей.

«Когда простой аппетит перерастает в голод, а голод в постоянное голодание, то человек способен съесть то, чего никогда бы раньше и представить себе не мог. И всё кажется вкусным. Помимо лягушек, мы ловили и съедали всё, что попадало, включая кошек. Беда в том, что кошек тоже почти не оставалось.

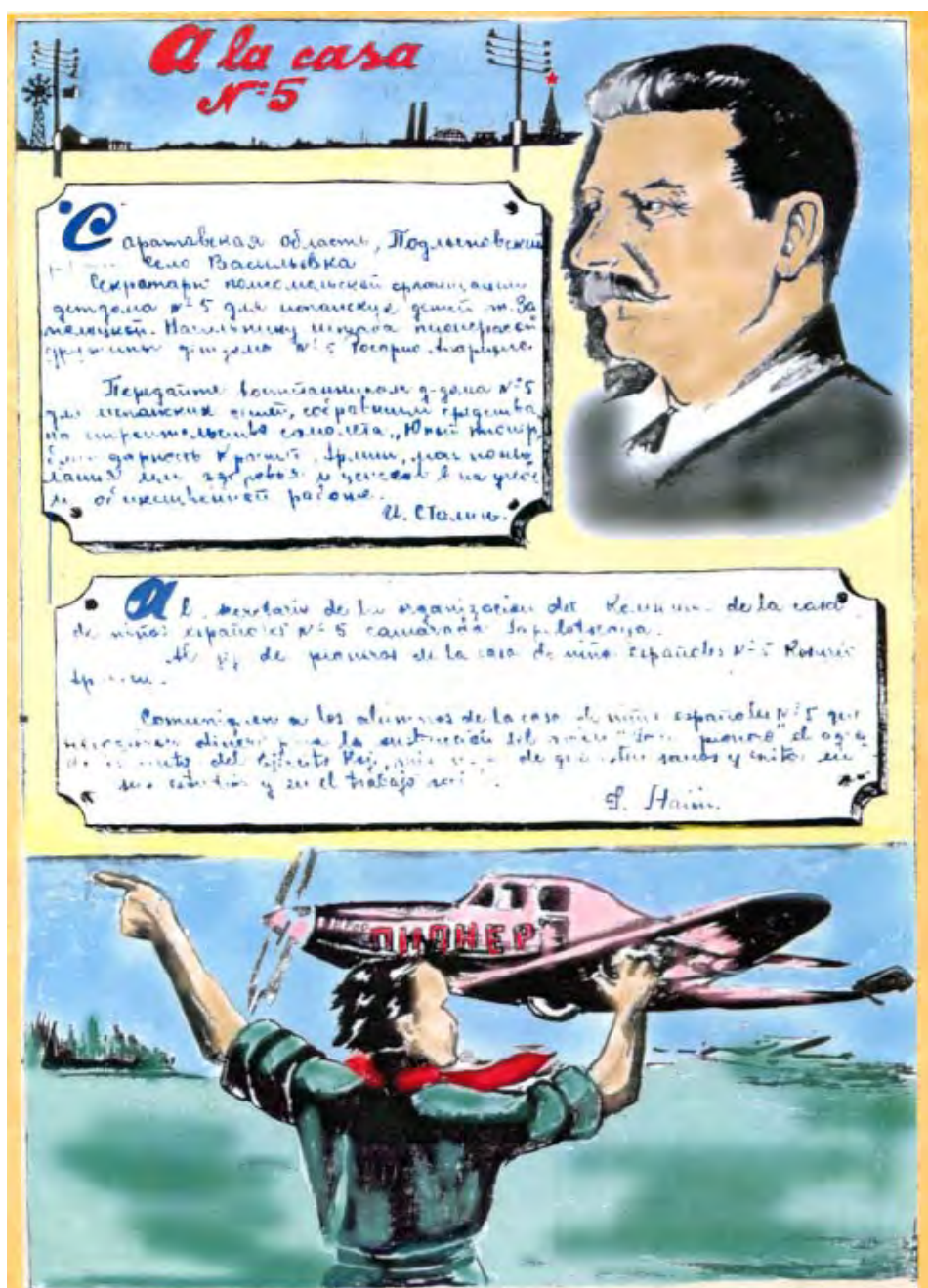
Как-то раз мы поймали несчастную кошку, содрали шкуру и сварили с картошкой. Когда «блюдо» было готово, мимо случайно проходил один из наших учителей, по фамилии Алесрия, имени, к сожалению, я не помню. Он голодал больше нас, так как, будучи учителем, он не мог лазить по чужим домам, воровать картошку по огородам или ловить лягушек. Мы пригласили его «к столу», но сказали, что это кролик. Он с наслаждением съел свою долю, и тогда кто-то из нас сказал, что это кошка. Он сначала не поверил, а когда ему показали кошачью шкурку и голову, бедного стошнило»³².

Из-за проблем с питанием, водой и теплом дети умирали от тифа, малярии, туберкулёза. М. П. Костина, бывшая в эвакуации с испанскими детьми, писала Д. Ф. Тамицкому: *«Детдом живёт экономически неважно, так как нет запасов ни хлеба, ни дров, ни овощей. Особенно трудно с транспортом, для доставки одной только воды и то нужна лошадь на полный рабочий день. Испанцы, привыкшие к роскоши, стали неузнаваемыми: и работают, и не блещут костюмами»³³.*

Пережив холодную и голодную зиму, весной 1942-го, испанские дети стали активно помогать местным колхозникам: пропалывали колхозные посевы, убирали урожай, работали на комбайне, возили, веяли, сортировали зерно. Двадцать восемь ребят учились на курсах трактористов.

Наравне со всем советским народом испанцы помогали фронту. Испанские девушки из вещей, привезённых из Испании, очень для них дорогих, шили носовые платки, полотенца, кисеты и отправляли в посылках на фронт. Детдомовцы переписывались с бойцами Красной Армии, обменивались фотографиями, поддерживали связь с воинской частью и госпиталем города Вольска, собирали деньги на строительство самолёта

«Юный пионер». Испанский юноша по имени Видаль, работавший в сапожной мастерской, внёс все заработанные деньги в сумме 200 рублей, Хуан Доминго из своих сбережений передал 100 рублей. Дети вносили по три, по пять рублей — кто сколько мог. О сборе средств воспитанники написали товарищу Сталину. Вскоре получили ответ вождя: «*Передайте воспитанникам детского дома № 5, собравшим средства на строительство самолёта «Юный пионер», благодарность Красной Армии, мои пожелания им здоровья и успехов в учёбе и общественной работе. Иосиф Сталин*»³³.

Рукописный журнал
Испанского
детского дома № 5
с благодарностью
И. В. Сталина.
1942 г.

В июле 1943 года Испанский детский дом № 5 расформировали, большинство детей оканчивали школу в детском доме № 6 в селе Орловское.

Испанских подростков тринадцати-четырнадцати лет направляли работать или учиться в Саратов. Здесь им приходилось ещё тяжелее, чем в детском доме: работали у станка по 16 часов в сутки, голодали, мёрзли в холодных бараках. Маленькие, никому не нужные дети из далёкой жаркой Испании мечтали о родине, с болью и отчаянием вспоминали своих матерей, которых им сейчас так не хватало.

40

1943 г.

При ответе ссылаться на наш №

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Управление
Отдел

Москва, Чистые пруды, 6
Тел. коммут. К 0-28-50

На В/№ Дата

Заведующему Саратовским ОБДНО
тов. МУХАНОВУ К.И.

Копия: Директору детского дома № 5 для
испанских детей тов. МОРГУН

"-" И.з.директора детдома для испанских
детей санаторного типа
тов. ШАРОНСОВ.

Во исполнение приказа Народного Комиссара Просвещения
РСФСР № 2319 от 18/VI-с/г. в части ликвидации детского
дома № 5 для испанских детей, предлагаю:

1. Директору детского дома № 5 тов. Моргун

1. В срок до 15/IX с/г. передать детскому дому с санаторным режимом обмундирование, белье, постельные принадлежности, пищевые материалы, библиотеку, учебный инвентарь, а также рабочий скот, хозяйственный инвентарь, хозяйственные и ремонтно-строительные материалы необходимые данному детскому дому.

2. остальное обмундирование, инвентарь и материалы, которые не нужны детскому с санаторным режимом передать в случае потребности в них, детдомам № 1 и № 3 для испанских детей.

3. Подсобные хозяйства детдома, а также все оставшееся нераспределенным по детским домам для испанских детей, основные средства и материалы передать в распоряжение ОБДНО.

4. по согласованию с директором детдома с санаторным режимом перевести педагогический, воспитательский персонал, а также необходимый хозяйственно-обслуживающий персонал, в срок до 20/IX -с/г. на работу в детдом с санаторным режимом. Всех остальных работников, за исключением указанных выше освободить от работы в тот же срок.

5. для работы по составлению ликвидационного акта составить группу работников в количестве не более 10 чел., в составе директора, п.м. директора, гл. бухгалтера, счетовых и других работников, необходимых для составления ликвидационного отчета, на срок до 15 сентября т.г.

6. В срок до 1 сентября внести всю дебиторскую, уплатить кредиторскую задолженность и внести по назначению депонентные суммы.

Приказ
заместителя
Народного
Комиссара
Просвещения
РСФСР Г. Иваненко
о ликвидации
Испанского
детского дома № 5.
11 июня 1943 г.

На танковом заводе работал пятнадцатилетний Альберто Фернандес. Однажды поранил ногу металлической стружкой, лечиться было некогда, вскоре нога загноилась. Юноша еле дошёл до барака и без сознания упал на кровать. Ему повезло, в комнату зашёл какой-то мужчина, увидев умирающего мальчика, отвёз его в больницу. Альберто выздоровел благодаря помощи врачей и сильному здоровью, продолжал учиться и работать. Когда ему становилось совсем тяжело, доставал из кармана фотографию родителей и плакал — пожалеть его было некому.

Глубокий след оставила война в жизни другого испанского мальчика — Мануэля Арсе Пореса. После пятого класса его направили в Саратовское ремесленное училище.

«Завод в Саратове, куда меня и других ребят отправили в ремесленное училище, назывался «Комбайн». Когда мы прибыли в Саратов, нас разместили в общежитии, в больших комнатах по 15 человек в каждой. Нам предложили выбрать специальность: слесарь, токарь или фрезеровщик. Единственное, что я знал про эти профессии, это то, что слесарь — это что-то связанное с напильниками, молотками, зубилами, токарь — это что-то связанное со станком, а вот фрезеровщик — это было загадочное слово и напоминало испанское слово «fresa», то есть клубника, и я решил, что, наверное, это что-то связанное с производством клубничного варенья, так что я выбрал фрезеровщика. Можно себе представить шок, когда вместо клубники дали в руку железную болванку»³⁴.

Так началась трудовая жизнь Мануэля. Однажды во время трамвайной аварии мальчик лишился обеих ног. И только жизнелюбие, оптимизм, присущие Маноло, помогли пережить все тяготы и благополучно устроить свою жизнь. Закончив Московский медицинский институт, он уехал в Испанию, работал в области нейрохирургии, стоматологии. Ныне Мануэль Арсе Порес — преуспевающий бизнесмен, основатель благотворительного фонда «Ностальгия» для помощи испанцам, живущим в России³⁵.

Послевоенные судьбы воспитанников Испанского детского дома сложились по-разному. Интересной и насыщенной событиями стала жизнь Херардо Виана. В музее хранится большая коллекция документов, присланная Херардо из Испании. В Советском Союзе юноша получил педагогическое образование, стал известным балетмейстером, работал во многих театрах оперы и балета, женился на русской девушке —

Херардо Виана.
1942 г.

Херардо Виана
на репетиции
в театре оперы
и балета
в Улан-Удэ.
1970-е гг.

недавно супруги отметили золотую свадьбу. В 1992 году семья Херардо переехала в Испанию, а в 1996 году испанское правительство вручило ему почётную награду — медаль «Bellas Artis», за вклад в области культуры России.

Каким-то непостижимым образом, после войны, испанские юноши и девушки находили друг друга, влюблялись, создавали семьи и уезжали в Испанию. В 1955 году Доло-

рес Пухадес окончила педагогический институт, работала преподавателем французского языка. На одном из вечеров в Доме культуры, где собиралось много испанцев, познакомилась с будущим мужем Хосе (воспитанником Испанского детского дома № 1 «Правда»). Супруги сейчас живут в Мадриде. В их доме, как дорогая реликвия, хранятся детские книги на русском языке, и, несмотря ни на что, Долорес и Хосе считают себя наполовину русскими и с ностальгией вспоминают далёкую, близкую Россию.

Долорес Пухадес
с мужем Хосе.
1950-е гг.

Маленькая девочка с фотографии 1937 года, сидящая на руках у ленинградского рабочего, Соня Эстэбан Перес в 1956 году окончила Московский медицинский институт. 1956 год стал одним из самых счастливых для многих испанских эмигрантов —

им разрешили вернуться на родину в Испанию. Соня, подобно сотням своих товарищей, возвратилась домой. В порту Бильбао после двадцатилетней разлуки отцы и матери встречали своих взрослых детей.

Многие испанцы, женившись на русских девушках, навсегда оставались в России. Альберто Фернандес 25 лет проработал на авиационном заводе в Москве, в 60-х — переводчиком на Кубе, много лет возглавлял Испанский Центр — остров испанской культуры в российской столице. Здесь собираются бывшие воспитанники испанских детских домов, их осталось около двухсот человек. Они приводят своих детей, внуков, говорят только по-испански, поют испанские песни, танцуют национальные танцы. Правительство

Альберто
Фернандес на Кубе.
1962 г.

Испании до последнего времени помогало испанцам, осевшим в России: выделяло средства на содержание Испанского Центра, выплачивало пенсии, оплачивало ежегодные приезды испанцев на родину. Очень хочется надеяться, что испанское правительство и дальше будет заботиться о своих согражданах, волею судьбы оказавшихся в России.

Воспитанники испанских детских домов, члены Испанского Центра не раз приезжали в Обнинск. Первая встреча состоялась в апреле 1967 года. Её организовали педагоги и учащиеся школы-интерната. Приехало 60 человек, среди гостей были М. С. Мякотин, И. С. Разуваев, Д. Д. Гунин. Встреча началась с торжественной линейки, затем выступали дети, гости вспоминали своё детство, посетили городской музей, атомную станцию, совершили экскурсию по городу. *«Испанцы выехали на улицу Жолио-Кюри, на дорогу в Белкино, где когда-то собирали грибы. На улице Шацкого сразу узнали домик, где жил Мякотин. А вот, наконец, их дом. Каждому хотелось увидеть своё окно, побывать в столовой, в спортзале, пионерской комнате, где ребята мастерили свои модели. Возле одной двери долго стояли молча, все её бывшие обитатели погибли в войну»*³⁶.

Премьер-министр
Испании Хосе
Мария Аснар
и бывшие
воспитанники
Испанского
детского дома
в Испанском
центре.
Москва, 2000 г.

Бывшие воспитанники Испанского детского дома в Обнинске. Слева крайние в первом ряду: И. С. Разуваев и Н. П. Левин.
16 апреля 1967 г.

В 1987 году испанцы вновь приехали в Обнинск на 50-тилетний юбилей детского дома. Приехал Д.Д. Гунин, 15 бывших воспитанников детского дома. Со сцены ДК «Строитель» звучали слова приветствия, Дим Димыч подарил свою книгу «Республика неутомонных», где рассказал о жизни испанских детей. С большим интересом гости посмотрели выставку, организованную сотрудниками городского музея, и выставку детского творчества «Войне — нет».

Хосе Лопес и Франциско Мансилья в Музее истории г. Обнинска.
19 мая 2002 г.

На встрече в обнинском Музее.
19 мая 2002 г.

Инициатором двух последних встреч, в 2002 и 2007 годах, стал Музей истории города Обнинска. Особенно представительной была встреча 2007 года. Обнинск посетили не только испанцы, осевшие в России, но и живущие ныне в Испании. Более 40 бывших воспитанников Испанского детского дома «вернулись в мир своего детства». На встрече в Обнинском музее было сказано много тёплых слов в адрес горожан, сохраняющих память

о прошлом. Жители города с большим интересом слушали рассказы испанцев, горячо аплодировали артистам Испанского Центра, исполнявшим колоритные национальные песни и зажигательные танцы.

Испанцы любят русских, это особенно чувствуешь, когда приезжаешь в солнечную, пахнущую виноградом, гостеприимную Испанию. Здесь не забывают прошлого, свято чтят память советских воинов, погибших на гражданской войне в 1936–1939 годах. В Мадриде установлен памятник погибшим героям-интернационалистам, в 2010 году в городе Санта Крус де ла Сарса открыли памятник советским лётчикам, воевавшим в Испании.

Россия тоже помнит испанских героев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Первый памятник установили в 1999 году в д. Ново-Дудино, где следопыты нашли останки нескольких испанских воинов, до последнего защищавших небольшую высотку близ русской деревеньки под Смоленском. В Москве, на Поклонной горе, стоит памятник в память о погибших на русской земле испанцах.

Памятник советским воинам-добровольцам в Мадриде

Памятник советским лётчикам, воевавшим в Испании. Г. Санта Крус де ла Сарса. 2010 г.

Памятник испанцам, павшим в Великой Отечественной войне, на Поклонной горе в Москве

Второго ноября 2011 года в России появился ещё один памятный знак — в городе Обнинске. Началось всё в августе 2010 года, когда Мануэль Арсе от имени бывших воспитанников Испанского детского дома № 5 прислал в городской музей письмо с просьбой «закрепить память о пребывании испанских детей в Обнинске в названии какой-нибудь улицы или площади. Площадь или улица «испанских детей» стала бы связующим звеном в истории наших стран и судьбах её народов». Обнинцы поддерживали этот призыв. Большую помощь в установке памятника оказали депутаты городского Собрания: готовили документы, согласовывали их во множестве инстанций, искали спонсоров. Учащиеся школы № 1, студенты несколько дней расчищали сквер на площади Бондаренко, где предполагалось установить памятник. *«Придумать эскиз памятника помогли школьники и студенты. По их предложениям в мастерской Дениса Шамшурина изготовили необычную композицию. К плите камня прильнула мраморная фигурка девочки, отпускающей белого голубя. Голубь — символ добра и надежды, одинаково значимый в обеих странах»*³⁷.

На открытие памятника приехали бывшие воспитанники детского дома, В.М. Мякотина, дочь первого директора Испанского детского дома и, конечно, наши добрые друзья — творческий коллектив из Испанского Центра во главе с его президентом, тоже воспитанником Обнинского детдома, Франсиско Мансилья. После открытия памятника гости и жители города по традиции собрались в городском музее. Мануэль Арсе Порес рассказал о своей только что изданной книге воспоминаний о России. Помощь в редактировании книги Маноло оказывала Мария Санчес Пуиг, его верная и любящая жена. Мария, дочь испанского эмигранта, долгое время жила в России. Профессор русской филологии Мадридского университета, почётный доктор Российской академии наук, она разделяет с мужем любовь к России. *«Россия — страна, которая оставляет неизгладимый след, создаёт зависимость, нужду в ней,— написал Маноло в послесловии к своей книге «Воспоминания о России».— Моя жена говорит, что, когда проходит некоторое время, у неё начинается «ломка», ей нужна «русская доза». Мне тоже. Я не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы в 1937 году меня не отправили в Россию, но я счастлив, что прожил 30 лет в этой стране вместе с многострадальным и щедрым русским народом».*

Директору Музея истории г. Обнинска
г-же Русановой Валентине Васильевне.

Уважаемая г-жа Русанова!

Обращаюсь к Вам от имени группы бывших воспитанников испанского детского дома №5, который располагался в Обнинске в 1937-1941 гг.

Как Вам известно, 2011 год объявлен годом России в Испании и Испании в России. Наряду с прочими, многочисленными культурными мероприятиями, которые будут проводиться с российской и испанской стороны, нам, бывшим воспитанникам Обнинского детдома №5 очень хотелось бы как-то особенно подчеркнуть нашу связь с Обнинском, где мы прожили четыре года, с момента нашего прибытия в СССР и до начала войны.

Когда мы прибыли в тогдашний полустанок Обнинское, мы стали фактически его первыми обитателями, наряду со школой им. Шацкого, т.ч. можно сказать, что мы стали его коренными жителями, и что мы, испанские дети, стали страничкой истории нынешнего города Обнинска, который теперь известен далеко за пределами России как город науки, как город, где была построена первая в мире атомная ГЭС.

Мы, бывшие детдомовцы-обнинцы (нас было около 500 человек) до сих пор собираемся, общаемся, вспоминаем с ностальгией те первые годы нашей жизни в новой для нас стране – СССР, в Обнинске, где нас приняли как родных, где мы начали учиться русскому языку, где заботились о нашем здоровье и образовании.

Благодаря нам, обнинцам, в Испании не раз прозвучало название города Обнинска, в том числе и в моих мемуарах, где описывается наша жизнь в детдоме №5 и иллюстрируется фотографиями.

В связи с этим, нам очень хотелось бы закрепить память о пребывании испанских детей в Обнинске в названии какой-нибудь улицы или площади в городе. Площадь или улица «испанских детей» или «испанцев» стала бы, таким образом, связующим звеном в истории наших стран и судьбах ее народов.

Мы просим Вас, если Вы сочтете это возможным и целесообразным, передать нашу просьбу мэру г. Обнинска г-ну Авдееву Александру Александровичу и поддержать ее. Мы обращаемся именно к Вам, потому что знаем, что в руководимом Вами музее проводится важная работа по сохранению исторической памяти города, в том числе и о пребывании в нем 500 маленьких испанцев, бежавших от войны и начавших новую жизнь именно в Обнинске.

При положительном ответе мы сообщим об этом в Посольство Испании в Москве, чтобы придать этому мероприятию соответствующий статус и отклик в СМИ.

В ожидании В. ответа с уважением

д-р. Мануэль Арсе
б. воспитанник детдома №5 г. Обнинска.
Мадрид, 8.7. 2010.

Письмо Мануэля
Арсе Пореса
директору
Музея истории
г. Обнинска
с просьбой
об увековечивании
памяти
о пребывании
испанских детей
на обнинской
земле.
2010 г.

Открытие
памятного знака
о пребывании
испанских детей
в Обнинске.
Слева – Франсиско
Мансилья, Мануэль
Арсе; справа —
Мария Санчес,
мэр г. Обнинска
А. А. Авдеев).
2 ноября 2011 г.

Мануэль Арсе
Порес рассказывает
о своей книге
«Воспоминания
о России»
на встрече
в Музее истории
г. Обнинска.
2 ноября 2011 г.

